

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2020

Январь — Февраль

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

И.О. Главного редактора А.С. Давыдов (кандидат исторических наук)

Редакционная коллегия

Е.В. Белилина (зам. главного редактора), О.Н. Борох, к.э.н.,
Д.И. Бураев, д.и.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., В.Г. Дацышен, д.и.н.,
проф., А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
Е.А. Канаев, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов,
д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., проф.
РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н.,
Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик РАН,
Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., В.Я. Портяков, д.э.н.,
Н.А. Самойлов, д.и.н., С.С. Суслина, д.э.н., Л.Л. Сухадольская
(ответственный секретарь), С.В. Уянаев, к.и.н.

Иностраннные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгера, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
В.О. Кистанов
зав. отделом Японии
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии

Содержание

Круглый стол в ИДВ РАН

Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы	6
---	---

ПОЛИТИКА

<i>К.А. Ефремова.</i> Интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии: этапы становления регионального комплекса	15
<i>Д.В. Стрельцов.</i> Политическая власть в Японии: каковы шансы оппозиции?	27
<i>Лю Фэнхуа.</i> Суть китайско-российского стратегического взаимодействия — поддержание стабильности и развития в АТР	39
<i>А.В. Виноградов.</i> Гонконг — 2019: вызовы модели «одно государство — два строя»	46

ЭКОНОМИКА

<i>Ван Мэнлин, Вэй Лиань, Ци Цзэфэн.</i> Подвижки в моделировании социального жилья в Китае	59
<i>С.К. Лысенко, Д.А. Шербаков.</i> Феномен «взрослых усыновлений» как фактор долголетия японских компаний.....	67

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

<i>И.А. Топчий.</i> Национальное агентство разведки Республики Корея.....	75
---	----

ИСТОРИЯ

<i>А.Ю. Иванов.</i> Проблема урегулирования пограничных вопросов между цинским Китаем и Кореей в конце XIX — начале XX вв.	88
<i>И.В. Тункина, М.Д. Бухарин.</i> Синьцзян на пороге Первой мировой войны в свете новых архивных документов	95
<i>В.Г. Шаронова.</i> Русско-китайская торговля в Ханькоу в годы Первой мировой войны	104
<i>Е.В. Хахалкина, Б.С. Жигалов.</i> К вопросу о политике СССР в связи с японской агрессией в Маньчжурии в 1931 г.....	110

КУЛЬТУРА

<i>До Лимэй.</i> Российские артефакты в музее Гугун (бывшем императорском дворце).....	121
<i>Л.В. Стеженская, А.Д. Костромина.</i> Образы Гонконга и Шанхая в творчестве Чжан Айлин.....	131

РЕЛИГИЯ

- Т.В. Ивченко, Л.С. Холкина.* Перевод слова «Бог» на китайский язык в православной традиции: лингвистический подход 139

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Л.В. Захарова, Ю.В. Кулинцев, К.А. Чирков, А.Ч. Мокрецкий.* VII международная научная конференция молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее и будущее» 148
- Т.Г. Герасимова.* V Всероссийская научная конференция «Исторические события в жизни Китая и современность» 155
- Е.И. Кранина, Е.А. Лапина.* Защита диссертаций в ИДВ в 2019 году 164
- Планируемые научные конференции 2020 года с участием ИДВ РАН 167

РЕЦЕНЗИИ

- О.А. Добринская.* Панов А.Н., Саркисов К.О., Стрельцов Д.В. История внешней политики Японии 1868–2018 гг. — М.: Международные отношения, 2019. 168

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Юбилей Галины Вениаминовны Куликовой 171
- Александру Владимировичу Пиковеру — 60 лет 174

Contents

ROUND TABLE IN THE IFES RAS

“Relations of Japan with the countries East Asia: Problem, Trends, Prospects” 6

POLITICS

- K. Efremova.* Integration Processes in Southeast Asia: Evolution of the Regional Complex 15
- D. Streltsov.* Political Power in Japan: What Are the Chances of the Opposition? 27
- Liu Fenghua.* The Essence of Sino-Russian Strategic Cooperation is Maintaining Stability and Development in the Asia-Pacific Region 39
- A. Vinogradov.* Hong Kong – 2019: A Challenge to the “One State – Two Systems” Concept 46

ECONOMY

- Wang Menling, Wei Liyan, Qi Zefeng.* Progress in the Modeling of Social Housing in China 59
- S. Lysenko, D. Shcherbakov.* “Adult Adoptions” as a Factor of Japanese Firms Longevity 67

MILITARY BUILD-UP

- I. Topchiy.* The National Intelligence Agency of the Republic of Korea 75

HISTORY

- A. Ivanov.* The Problem of Resolving Border Issues Between Qing China and Korea in the Late XIX – Early XX Centuries 88
- I. Tunkina, M. Bukharin.* Xinjiang on the Threshold of World War I in the Light of New Archival Documents 95
- V. Sharonova.* Russian-Chinese Trade in Hankou during the World War I 104
- E. Khakhalkina, B. Zhigalov.* On the Policy of the USSR in Connection with Japanese Aggression in Manchuria in 1931 110

CULTURE

- Duo Limei.* Artifacts of the Russian Empire in the Palace Museum (the Forbidden City) in Beijing 121
- L. Stezhenskaya, A. Kostromina.* Images of Hong Kong and Shanghai in the Works of Zhang Ailing 131

RELIGION

- T. Ivchenko, L. Kholkina.* Translation of the Word “God” into Chinese in the Orthodox Tradition: Linguistic Approach 139

SCIENTIFIC EVENTS

- L. Zakharova, Yu. Kulintsev, K. Chirkov, A. Mokretsky.* VII International Scientific Conference of Young Orientalists “East Asia: Past, Present and Future” 148
- T.G. Gerasimova.* V All-Russian Scientific Conference “Historical Events in the Life of China and the Present” 155
- E. Kranina, E. Lapshina.* Dissertations Theses Defence in the Institute of Far Eastern Studies (RAS) in 2019 164
- Planned Scientific Conference in 2020 with the participation the Institute of Far Eastern Studies (RAS) 167

BOOK REVIEW

- O. Dobrinskaya.* Panov A.N., Sarkisov K.O., Streltsov D.V. The History of Japanese Foreign Policy in 1868–2018 168

SCHOLAR JUBILEE

- Jubilee of Galina Veniaminovna Kulikova 171
- Alexander Vladimirovich Picover — 60 Years 174

Круглый стол в ИДВ РАН

Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы

20 декабря 2019 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялся круглый стол на тему «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы», который был организован Центром японских исследований ИДВ РАН (руководитель д.и.н. В.О. Кистанов). На открытии с приветственным словом выступил директор ИДВ РАН, д.и.н. проф. С.Г. Лузянин. Он отметил важную роль Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также обратил внимание на комментарий президента России В.В. Путина относительно Японии, который прозвучал на большой пресс-конференции президента Российской Федерации 19 декабря 2019 г., о военном взаимодействии между Японией и США: «У нас нет военного союза с Китаем, и мы не планируем его создавать. А то, что пытается Восточная Азия создать этот военный союз, другие страны <...>: США, Япония, Южная Корея, — мы это видим, считаем это контрпродуктивным, ни к чему хорошему это не приведет»¹.

В настоящее время регион Восточной и Юго-Восточной Азии представляет большой интерес для исследователей, поскольку в нем переплелись экономические и геополитические факторы, которые, с учетом культурно-исторической специфики региона, во многом формируют его уникальный облик. Один из ключевых игроков в Восточной Азии — Япония, в течение долгого времени выполнявшая роль локомотива регионального развития и лишь сравнительно недавно она уступила по ряду экономических показателей Китаю. Именно этим проблемам и перспективам отношений Японии с соседними государствами были посвящены выступления на прошедшем круглом столе.

Выступление **Д.В. Гордиенко** (ИДВ РАН) «Сравнительная оценка защищенности экономики Японии при реализации глобальных интеграционных проектов» было посвящено оценке экономической безопасности Японии, которая, по его мнению, осуществляется «в форме экономического патроната со стороны правительства и центрального банка, экономической кооперации и экономического противоборства с другими странами мира». Были рассмотрены перспективы изменения уровня экономической безопасности Японии при реализации Транстихоокеанского партнерства (ТТП), Индо-Тихоокеанского партнерства (ИТП) и Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП).

Как отметил Д.В. Гордиенко, реализация ВРЭП повышает защищенность национальной экономики Японии в рамках экономической кооперации со странами-участниками к 2025 г. на 4,96 проц. пункта от уровня защищенности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и центробанка этой страны. Одновременно участие Японии в реализации ВРЭП также позволит национальной экономике Японии в рамках экономического противоборства со странами—участниками этого гло-

бального интеграционного проекта к 2025 г. повысить свою защищенность на 2,26 проц. пункта от уровня защищенности, реализованного в рамках экономического патроната. В результате защищенность национальной экономики Японии при реализации ВРЭП повышается на 7,22 проц. пункта.

В свою очередь, реализация ИТП повысит защищенность национальной экономики Японии к 2025 г. лишь на 3,16 проц. пункта в рамках ее экономической кооперации и на 1,22 проц. пункта — в рамках экономического противоборства. В результате защищенность национальной экономики Японии повышается на 4,48 проц. пункта.

Реализация Соглашения о Транстихоокеанском стратегическом экономическом сотрудничестве (с участием США) влечет за собой к 2025 г. изменения приростов защищенности национальной экономики Японии (+7,3 п.п.) сравнимые с приростами при реализации ВРЭП. Реализация же Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения для Транстихоокеанского партнерства (без участия США) делает прирост защищенности национальной экономики Японии сравнимым с погрешностью проведенной оценки (+0,4 п.п.).

Реализация ТТП является менее выгодной для национальной экономики Японии, чем ВРЭП, с точки зрения обеспечения экономической безопасности. Это объясняется тем, что экономическая кооперация и экономическое противоборство со странами—участниками Соглашения о Транстихоокеанском стратегическом экономическом сотрудничестве в сумме обеспечивают изменение защищенности национальной экономики Японии только на 27,2% от уровня защищенности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и центробанка этой страны. В то же время, ВРЭП обеспечивает изменение защищенности национальной экономики Японии на 40,1% от уровня защищенности, реализованного в рамках экономического патроната. То есть исходная база для реализации глобального интеграционного проекта с участием Японии у ВРЭП выше, чем у ТТП.

Выступление **И.С. Тихоцкой** (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Стратегия Японии в Восточной Азии в области создания устойчивого общества» было посвящено вопросам охраны окружающей среды. Также она отметила важность именно географического понимания терминов «Восточная Азия» и «Юго-Восточная Азия», применяемых не всегда корректным образом.

В 2015 г. в области устойчивого развития 193 страны приняли 17 целей, почти половина которых связана с защитой окружающей среды. Япония позиционирует себя активным сторонником достижения этих целей, стремящимся к идеалам безопасности и благополучия людей. Она прилагает усилия к тому, чтобы представлять свое лидерство в области охраны окружающей среды, особенно в таких сферах, как качественная инфраструктура, изменение климата, энергетика, здравоохранение, а также борьба с пластиковыми отходами в океане.

Япония — это страна, в которой концепция рециклирования и образ жизни в соответствии с идеей «замкнутого цикла» возникли естественным образом еще в период Эдо (1603–1868). Так, традиционная японская концепция *моттайнай* (понятие, обозначающее философию и стиль жизни, направленные на бережное отношение к окружающей среде и творениям человеческих рук, и осуждающее неэкономное отношение к ресурсам) и традиционные японские ландшафты *сатояма* (место с уникальной экосистемой, в которой люди и животные живут в гармонии) являются примерами устойчивого развития. Страна активно ищет путь создания общества нового типа. Чтобы внести свой вклад в решение глобальных проблем, прежде всего — экологических, с фокусом на цели устойчивого развития, Япония активно участвует в международном сотрудничестве, действуя через международные организации, развивая региональные и двусторонние отношения.

В выступлении анализировалась эволюция экологической стратегии Японии в Восточной Азии — центре мирового экономического роста и главного загрязнителя окружающей среды. Рассмотрены ее основные этапы: помощь в развитии управления в сфере защиты окружающей среды на базе двустороннего сотрудничества, позже дополненная многосторонним сотрудничеством азиатских стран (вылившееся в создание региональных экологических институтов); формирование новой стратегии после мирового Саммита Земли и ее развитие.

Выступление **К.А. Корнеева** (ИДВ РАН) «Японская энергетическая политика как практический ориентир для стран Восточной Азии»² было посвящено современному состоянию энергетической сферы Японии.

Япония первой среди стран Восточной Азии встала на путь активного и успешного развития экономики на рыночных принципах в 1950-е, чему во многом способствовали союзнические отношения с США. Однако уже к началу 1970-х страна исчерпала практически все собственные энергетические ресурсы, а высокие темпы экономического роста (6–7% в год) требовали удовлетворения новых потребностей таких отраслей, как промышленность, транспорт, строительство, сфера услуг для населения, благосостояние которого также постоянно росло.

В 1975 г. был опубликован документ «Основные направления общей энергетической политики». Среди направлений особо выделялась необходимость бесперебойного энергоснабжения страны, поэтому предлагалось выстраивать долгосрочные партнерские отношения с поставщиками энергоресурсов, а также работать над диверсификацией импорта, чтобы не зависеть полностью от одного-двух поставщиков.

Еще в 1970-е остро стал вопрос энергетической безопасности Японии: потребность в импортируемых углеводородах составляла 98%, что ставило под угрозу устойчивость экономики в случае частичного или полного прекращения поставок по причине, например, военных конфликтов или иных геополитических кризисов. Поэтому была принята госпрограмма развития атомной энергетики (с середины 1990-х добавилась и программа по использованию потенциала возобновляемых источников энергии), которая позволила начать строительство АЭС на основе адаптации европейских и американских технологий. К 2011 г. доля атомных электростанций в структуре выработки электроэнергии достигла 30%.

Страны Восточной Азии, активное экономическое развитие которых началось позже, в первую очередь — Республика Корея и Китай (плюс Тайвань как часть Китая), в целом признают лидерство Японии в плане формирования структуры и принципов энергетической политики, и многое перенимают у нее в этом направлении, особенно по части внедрения стандартов энергоэффективности и развития энергетической инфраструктуры. Все страны Восточной Азии испытывают большой дефицит собственных энергоресурсов, и вопрос бесперебойного энергоснабжения является для них критически важным. Опыт Японии, создавшей почти с нуля и фактически без привлечения иностранных инвестиций современную энергетическую отрасль с высоким уровнем устойчивости к техногенным и климатическим катастрофам, является весьма ценным и требует дальнейшего осмысления, считает К.А. Корнеев.

Выступление **Я.В. Мищенко** (МГУ им. М.В. Ломоносова) «ТНК Японии и стран ЮВА: актуальные тенденции развития, сотрудничество и конкурентный потенциал в XIX веке» было посвящено сравнению ТНК Японии с ТНК стран Юго-Восточной Азии.

В 2018 г. в рейтинг 100 крупнейших в мире нефинансовых транснациональных корпораций ЮНКТАД были включены 10 японских корпораций (в автомобильной сфере, в сфере телекоммуникаций, в фармацевтике, в торговле металлами и минералами, нефтью и топливом, товарами длительного пользования и в сегменте бытовой электротехники). Ни одной ТНК из стран ЮВА в рейтинге 2017–2018 гг. не представлено; в

2016 г. единственной ТНК из субрегиона в рейтинге была малазийская корпорация Petronas (добыча полезных ископаемых и нефти). Ранее, в 2003 г., в данный список также включалась корпорация Singtel Ltd (телекоммуникации) из Сингапура. За почти два десятилетия XXI в. ТНК из стран ЮВА не настолько преуспели в своей деятельности и продвижении на мировых рынках, чтобы конкурировать равно успешно с ТНК экономически развитых и наиболее динамично развивающихся стран — в отличие от китайских ТНК, которые обширно представлены в рейтинге 2018 г.

В рейтинге 100 крупнейших в мире мультинациональных предприятий по объемам зарубежных активов из развивающихся стран и стран с переходной экономикой ЮНКТАД корпорации из ЮВА представлены более широко: в рейтинг 2017 г. включено 14 корпораций из ЮВА, из них 7 — из Сингапура, 5 — из Малайзии, по одной из Филиппин и Таиланда. Т.е. среди стран ЮВА, по сути, только Сингапур и Малайзия значительно преуспели в транснационализации своего крупного бизнеса, что свидетельствует о сохраняющейся неравномерности развития международного предпринимательства в ЮВА.

Как сегодня взаимодействуют ТНК Японии и стран ЮВА? ЮВА уже несколько десятилетий является производственной базой японских ТНК, там расположено много филиалов японских корпораций в обрабатывающей промышленности. Этому способствовала географическая близость стран, относительно дешевая рабочая сила, наличие ресурсов, благоприятный инвестиционный климат и режим налогообложения. Япония и сейчас активно инвестирует в субрегион: в 2018 г. на АСЕАН пришлось 18,7% суммарных японских прямых иностранных инвестиций (29 754 млн долл.).

Не только японские ТНК действуют на рынках ЮВА, но и некоторым корпорациям ЮВА удалось закрепиться на японском рынке. Например, Petronas — самой значительной ТНК ЮВА. Впервые корпорация вышла на японский рынок в 1975 г., когда стала поставлять малазийскую сырую нефть в Японию. В 2017 г. Petronas через свой филиал Malaysia LNG заключила 10-летний контракт на поставку СПГ с японской компанией Hokkaido Electric Power. Тогда же Petronas вышла на японский рынок смазочных материалов, начав поставлять в страну автомобильные моторные масла премиум-класса. Интересы сторон комплементарны, поэтому удалось наладить взаимовыгодное долгосрочное партнерство. Но летом 2019 г. было объявлено, что Petronas и консорциум японских компаний во главе с JXTG Holdings проявляют интерес к покупке доли в проекте нефтеперерабатывающего завода в Индии. По мере развития ситуации будет понятно, станут ли Япония и Petronas партнерами или конкурентами в данном проекте на территории третьей страны.

Выступление **В.О. Кистанова** (ИДВ РАН) «Современные отношения между Японией и Китаем: проблемы и тенденции» было посвящено анализу современных японо-китайских отношений.

Драматические отношения между Японией и Китаем на протяжении XX в. играли важную роль в формировании геополитического ландшафта не только в Восточной Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом, оказывая серьезное воздействие на ход мировой истории. В XXI в. Китай в сфере экономики не только оттеснил Японию с позиции экономического лидера в Азии, но и стал оспаривать на глобальном уровне хозяйственные высоты у США.

В текущем столетии взаимоотношения Японии и Китая превратились в весьма заметный экономический и политический фактор не только в региональном, но и в мировом масштабе. При всей сложности этих отношений значительно повысилась их ценность для каждой из стран. Исключительная взаимная значимость и непреходящая противоречивость партнерства двух ведущих азиатских держав ярко проявились во втором десятилетии XXI в.

Базой, цементирующей японо-китайские отношения, являются их глубокие и разносторонние экономические связи. Однако в настоящее время эти отношения серьез-

но осложняются наличием ряда трудноразрешимых проблем. Одной из них является территориальный спор вокруг группы необитаемых островов Сэнкаку (*кит.* Дяюйдао). Также японо-китайские отношения омрачает неприятие в КНР высказываний многих японских политиков и экспертов, стремящихся обелить агрессию Японии против Китая в первой половине XX в.

В 2018–2019 гг. в отношениях между Японией и Китаем наметилась тенденция к некоторому сближению. Появлению ее во многом способствовала агрессивная внешне-торговая политика президента США Д. Трампа, объектами которой в Азии, наряду с Южной Кореей, стали Китай и Япония.

Не приходится сомневаться, что в контексте наращивания японо-американского военного сотрудничества с прицелом на Китай настороженность Пекина в отношении Токио будет лишь возрастать. Однако очевидно и то, что под воздействием ряда геополитических и экономических факторов объективно будет происходить и параллельное усиление центростремительных тенденций в отношениях двух ведущих азиатских держав.

В обозримом будущем на международной арене можно будет наблюдать диалектическое «единство и борьбу противоположностей» в лице Японии и Китая. В зависимости от протекания этой борьбы на первый план в отношениях между ними будут поочередно выходить то конфликты, то сотрудничество. В любом случае японо-китайские отношения будут оставаться важнейшим системообразующим фактором в сфере политики и экономики в Восточной Азии.

Выступление **Кима Ен Ун** (ИДВ РАН) «Состояние и перспективы японо-южнокорейских отношений в свете “экономической мести” Японии» было посвящено теме ухудшения японо-южнокорейских отношений и реакции на это США.

По оценке выступавшего, 2019 г. характеризовался непрогнозируемым обострением отношений между Японией и Республикой Корея (РК), нашедшим наиболее яркое отражение во введении ограничений на ряд имеющих двойное назначение товаров для экспорта в РК, к тому же сильно влияющих на производство полупроводников, электронных и микроэлектронных систем, и исключении РК из так называемого белого листа наиболее доверительных торговых партнеров. Ответная реакция Южной Кореи в виде начала процедуры выхода из Соглашения об обмене военной информацией (General Security of Military Information Agreement, GSOMIA) относительно Северной Кореи свидетельствовала о намерении РК дать решительный отпор «высокомерным действиям Японии».

Это вызвало большую тревогу в США, к которым обратились каждая из конфликтующих стран в надежде на поддержку их позиции. Однако США не смогли ни примирить своих союзников, ни занять чью-либо сторону.

Отношения Японии и РК в среднесрочной перспективе, разумеется, нормализуются, но вера в безусловную поддержку со стороны США своих близких союзников в АТР поколеблена и в Японии, и в РК. Обе эти страны по своему политическому дискурсу принадлежат к так называемому историческому Западу и вскоре, как считает Ким Ен Ун, перед этими странами встанет проблема выбора в условиях падений роли и влияния «исторического Запада». С кем Япония и РК будут «дружить» и как? Может быть на почве решения этой проблемы выбора они найдут какой-то консенсус в своей внешнеполитической стратегии.

Выступление **В.И. Водопьяновой** (НИУ ВШЭ) «Деятельность агентов “мягкой силы” Японии в Китае (Японский фонд, НПО, города-побратимы)» было посвящено некоторым аспектам «мягкой силы» Японии в отношении Китая.

Деятельность Японского фонда в Китае. В 1990-е годы Китай начал активно развиваться, при этом наблюдалась высокая заинтересованность в японской культуре и товарах. Японский фонд (*англ.* Japan Foundation) ставит задачу увеличения интереса иностранцев к японскому языку, культуре, распространяя собственное имя, где только мож-

но, и сотрудничая с лидерами мнений, чтобы о деятельности Фонда и о культуре Японии узнало как можно больше людей. Фонд ставит своей целью повысить эффективность связей между странами, используя для этого разные способы взаимодействия, в частности, с населением Китая. Для увеличения влияния японской «мягкой силы» важно и привлечение влиятельной молодежи и исследователей, которые могут способствовать построению интеллектуальных связей между двумя странами. Фактически, государственный агент «мягкой силы» смог установить устойчивую связь с Китаем с помощью распространения информации и идей.

Японские НПО в Китае. Неправительственные организации, благодаря своей гибкости и общей независимости от государства, в современной политике становятся важными агентами страновой и общественной «мягкой силы», действуя в разных странах и способствуя созданию личных связей между народами этих стран. Японские НПО в период отсутствия официальных государственных отношений между Японией и Китаем имели возможность обеспечить необходимый минимальный уровень поддержания контактов и канал для трансфера японских идей и информации в Китай, тем самым проводя курс политики «мягкой силы». Сотрудничество с китайской администрацией помогло установить связи, которые могут использоваться и в будущих десятилетиях. Неправительственные организации могут стать серьезным политическим инструментом, способным нести «мягкую силу» государства, считает В.И. Водопьянова.

Парадипломатия городов-побратимов. В настоящее время многие города Китая и Японии связаны между собой дружественными связями в зависимости от нужд, надежд и целей местных администраций. Местные самоуправления продвигают международную дружбу и долгосрочное партнерство; действуют с целью открытия и расширения каналов коммуникации для свободного трансфера идей, людей и информации. Центральному правительству тяжелее реагировать на все желания и требования населения, и как раз легче продвигать свою «мягкую силу» на более низком уровне, тем самым воздействуя точно.

Выступление **О.И. Казакова** (ИДВ РАН) «О прошедшем Перекрестном годе России и Японии»³ было посвящено этому экстраординарному событию в российско-японских отношениях 2018–2019 гг.

Была дана оценка прошедшего впервые в двусторонних отношениях Перекрестного года России и Японии, который включал Год России в Японии и Год Японии в России. Этот межгосударственный проект, призванный улучшить атмосферу в отношениях между народами двух стран, стал значимым культурным событием в жизни россиян и японцев.

Основной Годом России в Японии стал Фестиваль российской культуры, который в 2018 г. отметил 13-летнюю годовщину. Решение о проведении ежегодного Фестиваля было принято в 2006 г. президентом России В.В. Путиным и правительством страны и согласовано на высшем уровне с руководством Японии. Однако помимо культурных мероприятий, в Японии прошли и встречи, ориентированные на развитие бизнес-контактов двух стран.

Год Японии в России происходил под руководством Посольства Японии в РФ. Именно на сайте Посольства была размещена программа Года. В Год Японии в России пришлось: на сферу культуры — около 60% мероприятий, сферу образования — более 7%, спортивных, молодежных и других гуманитарных обменов — более 15%, научную сферу — более 8%. Значительную роль в проведении Года Японии в России сыграли региональные отделения Общества «Россия—Япония» и другие общественные организации. Серия японских мероприятий в России немного улучшила отношение россиян к Японии на фоне ее территориальных притязаний на «северные территории» — южные Курильские острова. В то же время, политические ожидания японских политиков на подвиги в решении территориальной проблемы в 2019 г. не оправдались.

Базовая финансовая поддержка проведению Года Японии в России принадлежит Японскому фонду, а Года России в Японии — Министерству культуры Российской Федерации. Однако помимо ключевых финансовых «игроков», за которыми стоит прежде всего государство, реализующее свои проекты в формате «мягкой силы», в организации и проведении мероприятий Перекрестного года приняли участие и другие структуры — благотворительные и коммерческие.

Перекрестный год заложил в формате «мягкой силы» основу дальнейшего развития двусторонних отношений на уровне народной дипломатии — «корней травы», а также способствовал открытию в 2020 г. нового межгосударственного проекта по улучшению взаимодействия между регионами России и Японии. Таким образом, закрытие Перекрестного года не привело российско-японские отношения к заметному «периоду охлаждения», а плавно подвело к периоду подготовки нового проекта по сотрудничеству между регионами двух стран. В итоге 2020 г. станет Годом российско-японских межрегиональных и побратимских обменов, который захватит и 2021 г.

Выступление Г.М. Локшина (ИДВ РАН) «Японо-вьетнамские отношения в контексте азиатской стратегии США» было посвящено взаимоотношениям в треугольнике Япония—Вьетнам—США.

Как отметил выступающий, Япония — военный союзник США, но она ищет и других союзников и партнеров для обеспечения собственной безопасности и своих интересов в АТР. Чтобы сохранить влияние в регионе, Япония выдвинула собственную инициативу в противовес китайскому «Поясу и пути» — свое «видение свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Подход Японии к вопросам региональной безопасности не идентичен подходу США и более рассчитан на поддержку малых и средних государств региона, чем доктрина Д. Трампа.

Япония одной из первых установила партнерские отношения с АСЕАН. Премьер-министр Т. Фукуда на саммите АСЕАН в 1977 г. в Маниле изложил свою концепцию отношений со странами АСЕАН («доктрина Фукуды»). За эти годы японские компании превратили АСЕАН в свой важнейший экспортный хаб (*англ.* hub), пользуясь дешевой рабочей силой и поддержкой властей. Особое значение она придает двустороннему взаимодействию с теми членами АСЕАН, которые имеют собственные территориальные конфликты с Китаем — Вьетнаму и Филиппинам.

У Японии нет территориальных претензий в Южно-Китайском море (ЮКМ), но есть свои национальные интересы в ЮКМ. Она уже не одно десятилетие развивает сотрудничество с Вьетнамом, к которому в последние годы добавилась и военно-стратегическая поддержка. Вьетнам не только служит мостом между СВА и ЮВА, но и со своими природными богатствами, обильной и относительно дешевой рабочей силой в сочетании с японскими технологиями и капиталами обладает значительным потенциалом и позволяет обеим сторонам извлекать большую выгоду от взаимного сотрудничества. Сегодня отношения между Японией и Вьетнамом являются наилучшими за всю их историю. Между странами выстроена беспрецедентная по охвату система активных политических контактов и диалога на всех уровнях.

Какую роль может играть Япония в регионе? По мнению Г.М. Локшина, Япония как и США не подходит на роль «честного брокера» в спорах в ЮКМ и не может стать сдерживающей силой для Китая ввиду отсутствия ядерного оружия и в силу того, что экономически она больше зависит от Китая, чем наоборот. Единственно возможная для нее роль — это поддержание сложившегося баланса сил в ЮВА. Она хочет поддержать Вьетнам в его противостоянии с Китаем, но может ли она, даже объединившись с ним, уравновесить Китай? У Китая есть целый ряд преимуществ перед японо-вьетнамской коалицией, и наиболее очевидные из них — военная мощь и центральная роль в экономике Азии.

На первый взгляд, Япония и Вьетнам — это два мира, не имеющие никаких мотивов для встречи друг с другом. Однако они вновь встретились — на этот раз не на тропе войны, а в совершенно другой геополитической ситуации. Вырисовывается определенная конвергенция их социокультурной модели развития. Япония, как азиатская культура, в духе конфуцианства отдает приоритет социальной гармонии и правам общества в целом, а не индивидуальным правам человека и политическим свободам, как на Западе. Это вполне устраивает и монополю правящую во Вьетнаме Коммунистическую партию страны, считает Г.М. Локшин.

Выступление Г.Е. Бесстремянной (НИУ ВШЭ) «Российско-японские торгово-экономические отношения» было посвящено структуре торгово-экономических отношений между Россией и Японией в последнем десятилетии.

Как отметила выступавшая, эти отношения характеризуются тем, что Россия занимает достаточно низкое место во внешней торговле Японии. Так, доля России в экспорте и импорте Японии составляла в 2006–2016 гг. около 1% и 2% соответственно. В то же время роль Японии как торгового партнера России намного выше, чем роль России в качестве торгового партнера Японии.

В 2011 и 2012 гг. сальдо торгового баланса внешней торговли России с Японией резко упало и стало отрицательным. Однако начиная с 2013 г. экономическая ситуация в Японии стала постепенно улучшаться, и это нашло отражение в положительных величинах сальдо российско-японского торгового баланса в 2013–2014 гг. Затем объем торговли снова стал падать, из-за замедления экономического роста в России в связи с санкциями со стороны зарубежных стран. Сам товарооборот рос с 2010 г. по 2013 г., достигнув в 2013 г. максимального значения в более, чем 33 млрд долл. После этого произошел спад — снижение объемов экспорта и импорта: величина товарооборота в 2017 г. составила лишь 18 млрд долл.

Наиболее важными статьями импорта России из Японии являются машины и оборудование (в среднем — 80% в 2010–2017 гг.). Второй по значимости является продукция химической промышленности. В экспорте России наибольшую долю занимают топливно-энергетические продукты. На них приходится свыше 80% всего российского экспорта в Японию.

Инвестиционное сотрудничество Японии с Россией осуществляется при содействии ряда торгово-экономических организаций, таких как Организация содействия внешней торговле (ДЖЕТРО) и Японская ассоциация по торговле с Россией и новыми независимыми организациями (РОТОБО). В сентябре 2017 г. был образован Российско-японский инвестиционный фонд. Меморандум о создании фонда был подписан в декабре 2016 г. между Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) и Японским банком международного сотрудничества. Создание фонда было призвано стимулировать взаимодействие двух стран в сферах здравоохранения, экологически чистых технологий, энергетики, инноваций и экспортного развития Дальнего Востока России.

В целом структура японских прямых иностранных инвестиций в Россию соответствует структуре японского импорта в нашу страну и структуре товарооборота между двумя странами. Так, наибольшую долю среди прямых иностранных инвестиций Японии занимают добыча полезных ископаемых и производство запасных частей для транспортных средств. В последние годы увеличивается число японских компаний, сотрудничающих с Россией или имеющих представительства в России, а направления совместной деятельности расширяются в сферах медицины, информационных технологий и робототехники, а также в агропромышленном комплексе.

Согласно японским опросам, основной возможный фактор, мотивирующий японские компании открывать филиалы и представительства в России, — это ожидания экономической прибыли. Ориентация японских компаний на максимизацию прибыли, особенно в рамках их внешнеэкономической деятельности (включая и филиалы в Рос-

сии), является позитивным отражением процессов реформы корпоративного управления в Японии. Кроме того, созданию именно экономических стимулов для деятельности японских компаний способствуют и изменения во взаимоотношениях между японскими компаниями и кредитующими их банками в Японии. Отражение рыночной стратегии можно заметить в том, что оперирующие в России японские компании отмечают наличие высокой конкуренции, в первую очередь, со стороны таких же японских или европейских компаний в России. Более того, японские компании предполагают рост конкуренции в сфере их деятельности на российском рынке. В отношении отраслевой структуры действующих в России японских компаний можно отметить, что преобладают торговые компании, на втором месте находятся транспортные компании, а на третьем — банки. Банковская деятельность в России является достаточно новым направлением двусторонних торгово-экономических отношений.

После прозвучавших на круглом столе выступлений, вызвавших живой интерес у участников, состоялось обсуждение затронутых тем в формате свободного обмена мнениями.

© 2020

*О.И. Казаков,
заведующий Отделом наукометрии и
информационных технологий ИДВ РАН.
E-mail: kazakov-oleg@mail.ru*

-
1. Большая пресс-конференция Владимира Путина // Президент России. 19.12.2019 16:20. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62366> (дата обращения: 10.01.2020).
 2. Корнеев К.А. Международное энергетическое сотрудничество в регионе Восточной Азии: проблемы и перспективы // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 40–49. DOI: 10.24411/2686–7702–2019–10010.
 3. Казаков О.И. Перекрёстный год России и Японии (2018–2019): достижения и неудачи // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 83–97. DOI: 10.24411/2686–7702–2019–10013.

Политика

Интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии: этапы становления регионального комплекса

© 2020

К.А. Ефремова

В статье рассматриваются этапы становления регионального комплекса Юго-Восточной Азии с конца 40-х годов XX века вплоть до настоящего времени. Описывается предыстория создания общерегиональной организации, оцениваются факторы, способствовавшие складыванию коллективной региональной идентичности. Раскрывается сущность концепции формирования Сообщества АСЕАН и его отдельных составляющих. Описывается историческая эволюция и современное состояние механизма функционирования АСЕАН. Отмечается, что коллективные усилия АСЕАН по наращиванию внутрирегиональных связей, сознательное конструирование особой асеановской идентичности, ограниченной рамками ЮВА, содействуют становлению регионального комплекса.

Ключевые слова: АСЕАН, Сообщество АСЕАН, Юго-Восточная Азия, интеграция, региональный комплекс, региональное сотрудничество.

DOI: 10.31857/S013128120008824-7

Региональным комплексом принято называть внутренне интегрированное региональное сообщество, которому присуще коллективное самосознание и, следовательно, общая идентичность¹. Региональный комплекс Юго-Восточной Азии в том виде, в котором мы его знаем сегодня, начал формироваться после Второй мировой войны, когда колониальные страны региона стали постепенно обретать независимость. Так, Индонезия и Вьетнам провозгласили создание суверенных государств в 1945 г., Филиппины — в 1946 г., Бирма (ныне Мьянма) — в 1948 г., Лаос — в 1949 г., Камбоджа — в 1953 г., Малайя (ныне Малайзия) — в 1957 г., Сингапур — в 1965 г., Бруней — в 1984 г. Последние изменения на политической карте ЮВА произошли в 2002 г., когда о своей независимости объявил Тимор-Лешти.

Первоначально Юго-Восточная Азия представляла собой «геополитическое пространство» в том смысле, который вкладывает в этот термин российский политолог-международник А.Д. Богатуров. Это была инертная, пассивная среда, функция которой — «олицетворять политически некую географическую протяжённость; быть частью ресурс-

Ефремова Ксения Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России. E-mail: efremova@mgimo.ru.

но-сырьевого ландшафта, культурно-цивилизационным компонентом или фактором регионального общественно-политического мнения»². Однако с течением времени, в ходе продвижения по пути региональной интеграции, это пространство начало уплотняться, приобретая черты субъектности. Естественным результатом его эволюции стало формирование регионального комплекса, персонифицированного в лице Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

8 августа 2017 года АСЕАН отпраздновала свой золотой юбилей. Именно в этот день полвека назад пятью странами-основательницами — Индонезией, Малайзией, Сингапуром, Таиландом и Филиппинами — была подписана Бангкокская декларация, заложившая институциональную основу региональных интеграционных процессов.

Предыстория создания АСЕАН

Первые предложения о создании региональной организации сотрудничества государств Юго-Восточной Азии восходят к концу 40-х годов XX века. Призывы к политическому объединению народов Юго-Восточной Азии, страдавших под гнетом колониального господства и стремившихся добиться независимости, неоднократно звучали из уст выдающихся государственных деятелей того времени. В 1946 г. архитектор бирманской независимости генерал Аун Сан выступил с идеей создания Соединенных Штатов Индокитая в составе Бирмы, Французского Индокитая, Малайи, Таиланда и Индонезии. Объединительные инициативы выдвигали также и другие лидеры стран Юго-Восточной Азии³. Однако международно-политическая обстановка в регионе не позволила этим проектам воплотиться в жизнь.

Нарастающее противоборство сверхдержав привело к тому, что в 1954 г. под эгидой США была создана военно-политическая Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), имеющая ярко выраженную антикоммунистическую направленность. Из азиатских государств в неё вошли Пакистан (тогда еще включавший территорию современной Бангладеш), Таиланд и Филиппины. При этом военно-идеологический костяк СЕАТО составляли США, Великобритания, Франция, Австралия и Новая Зеландия. Несмотря на заявленную цель обеспечения коллективной безопасности, по своей сути, СЕАТО являлась инструментом проведения американской политики в регионе. Примечательно, что организаторы СЕАТО включили в сферу действия договора Южный Вьетнам как «свободное» государство, противостоящее «коммунистической агрессии» со стороны Северного Вьетнама⁴. Образование СЕАТО встретило категорическое неприятие большинства азиатских стран, не желавших оказаться втянутыми в американо-советскую конфронтацию.

В ответ на создание СЕАТО в 1955 г. в индонезийском городе Бандунге прошла конференция афро-азиатской солидарности, в которой участвовали 29 стран. Юго-Восточную Азию на конференции представляли Бирма и Индонезия (в числе ее организаторов), а также Камбоджа, Лаос, Таиланд, Филиппины, Северный Вьетнам и Южный Вьетнам⁵. Это был, пожалуй, первый опыт доверительного, конструктивного взаимодействия между государствами региона, придерживавшимися различных общественно-политических платформ и идеологических установок. Принципы мирного сосуществования, поддержанные делегатами Бандунгской конференции, впоследствии легли в основу идеологии «национальной и региональной стойкости», нашедшей отражение в основополагающих документах АСЕАН.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов идея региональной интеграции в Юго-Восточной Азии вновь оказалась на повестке дня благодаря руководству Малайи, выступившему в 1959 г. с инициативой образования Организации договора стран Юго-Восточной Азии о дружбе и экономическом сотрудничестве (СЕАФЕТ). В состав последней

предполагалось включить, помимо самой Малайи, также Филиппины, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Бирму, Таиланд и Южный Вьетнам. По мнению инициаторов СЕАФЕТ, в основе данного объединения должны были лежать не военно-политические, а экономические принципы. Однако, несмотря на подчеркнутую аполитичность этого интеграционного проекта, предложение Куала-Лумпура не получило поддержки предполагаемых участников (за исключением Филиппин и Таиланда)⁶.

Убедившись, что им не удастся привлечь в свои ряды некоммунистические государства региона, в конце июля — начале августа 1961 г. официальные представители Малайи, Филиппин и Таиланда собрались в Бангкоке, чтобы торжественно провозгласить образование новой субрегиональной организации — Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСА). АСА примечательна тем, что она стала первой интеграционной группировкой, созданной самими странами региона без непосредственного участия внешних сил. Хотя она имела явный антикоммунистический уклон, государства-основатели особо подчеркивали, что «Ассоциация никоим образом не связана с какой-либо державой или блоком и не направлена против какой-либо другой страны»⁷.

Однако, несмотря на идеологическую близость Бангкока, Куала-Лумпура и Манилы, между ними существовали определенные разногласия, препятствовавшие эффективной работе Ассоциации. В частности, Филиппины протестовали против намерения объединить Малайю, Сингапур и английские протектораты острова Борнео (малайск.), известного также как Калимантан (индонезийск.), — Бруней, Саравак и Сабах — в Федерацию Малайзия, настаивая на том, что Сабах является исконно филиппинской территорией. Аналогичную позицию «конфронтации Малайзии» заняла Индонезия, не входившая в АСА, но так же, как и Филиппины, претендовавшая на английские территории Северного Калимантана.

Стремясь предложить альтернативу проекту Федерации Малайзии, индонезийские власти выступили с инициативой создания субрегиональной организации, в которую входили бы страны с преимущественно малайским населением. В марте 1963 г. главы правительств трех стран, где преобладал малайский этнос (Индонезия, Малайя, Филиппины, — провели в Маниле совещание, на котором была достигнута договоренность о создании общемалайской конфедерации МаФилИндо с целью «решать азиатские проблемы азиатскими методами и самими азиатами»⁸. Однако после образования Федерации Малайзии (16 сентября 1963 г.) МаФилИндо распалась, Филиппины вышли из АСА, и деятельность последней фактически была парализована. Ассоциация, ставшая предтечей АСЕАН, формально просуществовала еще четыре года, вплоть до своего самороспуска в 1967 г.

Несмотря на то, что Филиппины изначально не признали Малайзию, отношения между двумя странами были нормализованы год спустя при посредничестве США. Уже в июне 1966 г. оба государства приняли участие в состоявшейся в Сеуле учредительной конференции Азиатско-Тихоокеанского совета (АЗПАК), в которой участвовало девять некоммунистических стран. Этот региональный «клуб единомышленников» объединил всех азиатских союзников Вашингтона и Лондона: Японию, Австралию, Новую Зеландию, Южную Корею, Тайвань, Южный Вьетнам, Таиланд, Филиппины и Малайзию⁹. Однако создание АЗПАК, несмотря на его формальную репрезентативность, было шагом назад по сравнению с АСА, поскольку возвращало страны региона к модели «навязанного» сотрудничества, обязывая их, по сути, «дружить против» других стран Юго-Восточной Азии (в первую очередь, социалистического Северного Вьетнама). Таким образом, создание АЗПАК не способствовало, а скорее препятствовало процессам региональной интеграции в Юго-Восточной Азии, закрепляя сложившееся разделение государств региона на коммунистические, антикоммунистические и нейтралистские.

Вместе с тем запрос на политическое объединение стран Юго-Восточной Азии в рамках эффективных региональных институтов не терял свою актуальность. После восстановления дипломатических отношений между Манилой и Куала-Лумпуром Филиппины вернулись в АСА, однако эта организация уже не отвечала требованиям времени. Необходимо было выработать новый инклюзивный формат, который учитывал бы произошедшие в регионе изменения: падение режима Сукарно в Индонезии и приход к власти антикоммунистически настроенного генерала Сухарто, прекратившего кампанию по «конфронтации Малайзии»; появление на политической карте региона независимого Сингапура; начало «культурной революции» в Китае и активизацию поддерживаемых Пекином леворадикальных группировок в странах Юго-Восточной Азии; интернационализацию и эскалацию вьетнамского конфликта.

Все эти события стали прологом к появлению очередной интеграционной инициативы, на этот раз объединяющей Индонезию, Малайзию, Сингапур, Филиппины и Таиланд, которая стала, по сути, преемницей АСА. Новая субрегиональная организация получила название Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Тогда, на встрече министров иностранных дел «пятерки» в Бангкоке в августе 1967 г., мало кто мог с уверенностью предсказать ее будущее. Территориальные споры между Таиландом и Малайзией, Малайзией и Индонезией, Филиппинами и Малайзией продолжали омрачать двусторонние отношения. Тем не менее, эти страны были готовы отложить взаимные претензии ради решения более насущных проблем, затрагивающих весь регион.

Очередная попытка создания юго-восточно-азиатской интеграционной группировки была предпринята в условиях, когда некомунистическим странам региона пришлось сплотиться перед лицом внешних и внутренних угроз. Открытое вмешательство США в противостояние Ханоя и Сайгона превратило Юго-Восточную Азию в эпицентр американо-советской конфронтации, что вызывало опасения не только неприсоединившихся государств, но и региональных союзников США. «Коммунистическая угроза» имела для стран региона и другое, внутреннее измерение: необходимость объединения усилий для борьбы с леворадикальными повстанческими группировками, спонсируемые Китаем, которые осуществляли экспорт «культурной революции» на их территории.

Как отмечает российский исследователь В.Г. Орлов, «АСЕАН сложилась в результате наложения внутрирегиональных процессов на внерегиональные вызовы. Возникнув с одобрения США и Великобритании как противовес прокоммунистическим режимам, в той или иной степени ориентировавшимся на СССР, она вскоре отошла от участия в прямой конфронтации между системами, и это предопределило ее существование как активного игрока на международной арене»¹⁰. Таким образом, можно говорить о том, что исторический успех АСЕАН был обусловлен наличием мощных центростремительных факторов, имеющих внутрирегиональную природу, которые пересилили центробежные тенденции, стимулируемые внерегиональными державами.

Несмотря на антикоммунистический характер АСЕАН, страны-основательницы с самого начала предусматривали присоединение к Ассоциации других региональных государств. В частности, в ее основополагающем документе — Бангкокской декларации 1967 г. — было прямо заявлено, что АСЕАН «открыта для вступления всех государств Юго-восточно-азиатского региона, разделяющих ее цели, принципы и намерения»¹¹. В 60-е — 70-е годы XX века предложения о вступлении в Ассоциацию неоднократно поступали Бирме; в январе 1984 г. аналогичным предложением воспользовался Бруней, получивший независимость от Великобритании¹². Однако широкомасштабное расширение Ассоциации стало возможным только после окончания холодной войны и преодоления раскола региона на коммунистический и антикоммунистический блоки. В июле 1995 г. к АСЕАН присоединился Вьетнам, в июле 1997 г. — Мьянма (бывшая

Бирма) и Лаос, а в апреле 1999 г. — Камбоджа¹³. Таким образом, несмотря на прогнозы скептиков, Ассоциация благополучно пережила неизбежные кризисы роста и доказала свою жизнеспособность на практике.

Нормативно-правовая база АСЕАН

Анализируя нормативно-правовую базу АСЕАН¹⁴, можно выделить пять этапов институционального развития Ассоциации¹⁵.

Этап самосознания (1967–1976). В первый период своего существования АСЕАН представляла собой довольно эфемерную политико-экономическую конструкцию, страны-члены которой стремились, в первую очередь, преодолеть существующие между ними разногласия и выработать скоординированные подходы к решению общих проблем. Подробный перечень задач, стоящих перед членами Ассоциации, был сформулирован в Бангкокской декларации (Декларации АСЕАН), подписанной министрами иностранных дел в августе 1967 г. В ней зафиксировано намерение основателей Ассоциации сформировать рамочный механизм регионального сотрудничества по реализации трех основных целей:

- стимулирование экономического развития, социального прогресса и культурного развития региона на основе совместных действий;
- укрепление мира и безопасности в Юго-Восточной Азии;
- развитие сотрудничества и взаимопомощи по вопросам, представляющим общий интерес в экономической, социальной, культурной, технической, научной и административной областях.

Из сказанного выше очевидно, что изначально АСЕАН задумывалась скорее как «клуб взаимопомощи», а не как экономический союз или военно-политический блок. Тем не менее, учитывая сложную международную обстановку в регионе, вопросы обеспечения безопасности не сходили с повестки дня Ассоциации.

Этап становления (1976–1992). В феврале 1976 г. на индонезийском острове Бали состоялся первый саммит АСЕАН. С этого момента ведет отсчет новый этап институционального развития организации. Именно в этот период были заложены основы общерегиональной идеологии, получившей название «путь АСЕАН» (The ASEAN Way). Ее ключевые принципы были сформулированы в Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийском договоре):

- взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной идентичности всех наций;
- право каждого государства на свободу от вмешательства извне, подчинения или принуждения;
- невмешательство во внутренние дела друг друга;
- разрешение противоречий и споров мирными средствами;
- отказ от применения силы или угрозы ее применения;
- эффективное взаимное сотрудничество.

Принятие решений «путем АСЕАН» предполагало участие всех заинтересованных лиц в неформальных консультациях, целью которых являлся поиск консенсуса по той или иной проблеме¹⁶. Если же достичь единогласия в ходе переговоров не удавалось, вердикт по этому вопросу откладывался на неопределенный срок. Данный механизм принятия решений восходит к традиционным принципам *совещательности* (индонез. *мушаварах*) и достижения *согласия, солидарности* (индонез. *муфакат*), когда в ходе обсуждения различных точек зрения выдвигается компромиссный вариант, приемлемый для всех участников дискуссии. Учитывая, что АСЕАН создавалась в условиях региональной нестабильности и взаимного недоверия между странами-основательницами, по-

догревавшегося не только этническими, лингвистическими и конфессиональными различиями, но и идеологическими противоречиями и территориальными спорами, данный метод принятия решений оказался наиболее эффективным инструментом для укрепления взаимного доверия и развития прагматичного сотрудничества в рамках Ассоциации.

В числе значимых политических документов данного периода следует также упомянуть Манильскую декларацию, подписанную по результатам третьей встречи АСЕАН на высшем уровне (декабрь 1987) и подводящую итог двадцатилетнему существованию Ассоциации. Одним из важных пунктов Манильской декларации стало упоминание о намерении стран АСЕАН создать в Юго-Восточной Азии зону, свободную от ядерного оружия (НВФЗ)¹⁷. Эта инициатива стала свидетельством того, что Ассоциация готова взять на себя решение проблем безопасности в регионе, вступив на равных в диалог с великими державами.

Этап расширения (1992–1999). Четвертый, юбилейный саммит АСЕАН состоялся в январе 1992 г. в Сингапуре. Принятая на нем Сингапурская декларация суммировала основные достижения Ассоциации за прошедшие четверть века и обозначила ключевые вехи ее дальнейшего развития. В частности, в ней подчеркивался открытый характер организации, ее готовность обсуждать проблемы региональной безопасности со всеми государствами региона (включая социалистические страны Восточного Индокитая) и внерегиональными партнерами по диалогу. В качестве практического шага по реализации данного намерения предусматривалось создание Регионального форума АСЕАН (АРФ) — переговорного механизма превентивной дипломатии, способного гасить конфликты на ранних стадиях и содействовать мирному разрешению противоречий. Первое заседание АРФ состоялось в июле 1994 г. в Бангкоке, и с тех пор они проводятся ежегодно.

На саммите в Сингапуре было также принято решение о том, чтобы проводить встречи лидеров «шестерки» регулярно (раз в три года), а не «по необходимости», как было зафиксировано в предыдущих документах.

В июле 1992 г. Вьетнам, Камбоджа и Лаос, подписав Балийский договор, получили статус постоянных наблюдателей при АСЕАН, а в июле 1995 г. Вьетнам был официально принят в состав Ассоциации. Во время пятой встречи АСЕАН в верхах, состоявшейся в декабре 1995 г. в Бангкоке, руководители асеановской «семерки» провели неформальные переговоры с высшими руководителями Камбоджи, Лаоса и Мьянмы¹⁸. По их итогам в заключительной декларации бангкокского саммита было заявлено о намерении АСЕАН до конца столетия объединить в своих рядах все десять государств Юго-Восточной Азии. Как известно, эта задача была успешно выполнена.

Среди других важных документов, подписанных в тот период, следует отметить программную декларацию «Видение АСЕАН — 2020», принятую на втором неформальном асеановском саммите, прошедшем в декабре 1997 г. в Куала-Лумпуре. Эта декларация, помимо политических моментов, подчеркивала значимость экономической интеграции региона. В частности, в ней подтверждалась решимость стран — участниц Ассоциации сформировать Зону свободной торговли АСЕАН (АФТА), зафиксированная в Сингапурской декларации 1992 года, а также ставились цели создания Зоны инвестиций АСЕАН, Единой энергосистемы АСЕАН, транс-аеановского газопровода и водопровода и развития возобновляемых источников энергии.

В декабре 1998 г. на шестом саммите АСЕАН в Ханое был принят еще один программный документ под названием «Ханойский план действий», в котором раскрывались конкретные шаги по реализации задач на 1999–2004 годы, поставленных в «Видении АСЕАН — 2020». Кроме того, в Ханойской декларации подчеркивалась необходимость дальнейшей интенсификации региональных интеграционных процессов.

Этап институционализации (1999–2007). Начиная с конца 1990-х годов саммиты АСЕАН (официальные и неофициальные) стали проводиться ежегодно, а с середины 2000-х — два раза в год. В этот период отмечается тенденция к функциональному развитию механизмов внутриасеановского сотрудничества: если ранее главы государств и правительств стран АСЕАН ограничивались принятием церемониальных деклараций по случаю очередной годовщины создания Ассоциации, то на новом этапе ее развития их повестка дня наполнилась содержательными документами, регулирующими деятельность АСЕАН в конкретных сферах, представляющих взаимный интерес для стран-членов.

На очередной, девятой официальной встрече лидеров асеановской «десятки», прошедшей в октябре 2003 г. на индонезийском острове Бали, был представлен обновленный вариант Декларации согласия АСЕАН 1976 года — Балийская декларация согласия II. В этом документе было впервые заявлено о намерении государств региона построить Сообщество АСЕАН, включающее три опоры: сотрудничество в сфере политики и безопасности, экономическое сотрудничество и социокультурное сотрудничество. Декларация содержит подробную характеристику всех трех компонентов асеановского сообщества, подчеркивая его принципиальное отличие от оборонительных пактов, военных союзов, протекционистских блоков и иных привычных форм региональной кооперации. На следующей встрече в верхах, состоявшейся в ноябре 2004 г. в Лаосе, была утверждена Вьентянская программа действий по формированию Сообщества АСЕАН и его отдельных составляющих на 2004–2010 годы.

Тринадцатый саммит Ассоциации, прошедший в ноябре 2007 г. в Сингапуре, ознаменовался принятием исторического документа — Хартии АСЕАН, которая вступила в силу 15 декабря 2008 г. Она зафиксировала сложившуюся к тому моменту структуру управляющих органов — Саммита АСЕАН, Координационного совета АСЕАН (состоящего из министров иностранных дел), Совета сообществ АСЕАН, секторальных министерских органов и Секретариата АСЕАН, а также национальных секретариатов и комитета постоянных представителей стран-членов при АСЕАН. Помимо этого, Хартией предполагалось учреждение Фонда АСЕАН и специального асеановского органа по правам человека. В качестве основополагающего принципа взаимодействия между странами-участницами был назван существующий механизм консультаций и консенсуса.

Кроме того, в 2007 г. государства «десятки» инициировали создание Морского форума АСЕАН, действующего в качестве площадки для диалога и обмена опытом правительственных экспертов и академической общественности по широкому спектру вопросов обеспечения свободы мореплавания. В нем принимают участие представители асеановской «десятки» и восьми региональных стран-партнеров: России, США, Китая, Индии, Японии, Республики Корея, Австралии и Новой Зеландии. Инаугурационная встреча Морского форума состоялась в июле 2010 г. в Сурабае (Индонезия).

Этап трансформации (с 2007 по н.в.). Эволюция АСЕАН на современном этапе определяется программными документами, утвержденными в начале 2000-х годов. Из документов, принятых в данный период, необходимо отметить «Дорожную карту к Сообществу АСЕАН» (март 2009 г., Таиланд), в которой суммированы задачи на 2009–2015 гг. по формированию Сообщества, представленные в его проектах в сфере политики и безопасности, Экономического сообщества и Социокультурного сообщества. Кроме того, заслуживает внимания Балийская декларация согласия III (ноябрь 2011 г., Индонезия), в которой сформулирован скорректированный план действий на 2013–2017 гг., Бандар-Сери-Бегаванская декларация о видении Сообщества АСЕАН после 2015 года (октябрь 2013 г., Бруней) и Нейпидоская декларация о видении Сообщества АСЕАН после 2015 года (ноябрь 2014 г., Мьянма).

На двадцать седьмом саммите АСЕАН, прошедшем в ноябре 2015 г. в Малайзии, было торжественно объявлено о том, что соглашение об учреждении Сообщества АСЕАН вступает в силу с 31 декабря 2015 года. Кроме того, главы государств и правительств Ассоциации приняли очередной программный документ под названием «АСЕАН 2025: создавая вместе», в котором наметили основные направления дальнейшей эволюции Ассоциации на ближайшие десять лет. В его состав вошли проекты развития Сообщества в сфере политики и безопасности, Экономического сообщества и Социокультурного сообщества, Генеральный план по достижению сопряженности¹⁹ и третий Рабочий план Инициативы по интеграции АСЕАН на 2015–2025 годы.

На тридцать втором саммите, прошедшем в апреле 2018 г. в Сингапуре, был принят концептуальный документ под названием «Видение асеановских лидеров относительно стойкой и инновационной АСЕАН», в котором перечислены 10 ключевых принципов «стойкости и инновационности». Обращают на себя внимание восьмой и десятый пункты данного перечня, в которых поддержание региональной стойкости напрямую увязывается с «укреплением асеановской идентичности» и «уважением прав и основных свобод человека». При этом важно отметить, что здесь имеется в виду не либеральная трактовка прав и свобод человека, а та трактовка, которая была заложена в Декларации АСЕАН о правах человека, принятой в 2012 году. Иными словами, укрепление асеановской идентичности и уважение прав и основных свобод человека рассматриваются лидерами АСЕАН в контексте «азиатских ценностей», духом которых пропитан этот документ.

Как отмечает коллектив авторов ИДВ РАН, «региональная идентичность основана не на географической близости, не на общей истории и даже не на политическом единстве, близости культур и опыта. Все это, несомненно, важные элементы, но для региональной идентичности их, оказывается, недостаточно. Она рождается через тесное взаимодействие правительств с опорой на поддержку широких слоев общества. Происходивший в последние десятилетия рост многосторонних институтов и усилившаяся тенденция к регионализму создали в ЮВА определенное чувство региональной идентичности наряду с сохранившейся национальной идентичностью в каждой стране»²⁰. Таким образом, региональная идентичность не вытесняет идентичность национальную, а наоборот, как бы надстраивается над нею, формируя у населения государств региона чувство принадлежности к единому Сообществу.

Механизм функционирования АСЕАН

Согласно Хартии АСЕАН, высшим руководящим органом Ассоциации является Саммит АСЕАН, объединяющий глав государств и правительств Ассоциации. Саммит определяет политические цели АСЕАН и принимает ключевые решения по вопросам их достижения, а также по выходу из кризисных ситуаций в соответствии с принципами совещательности и единогласия. Встречи на высшем уровне проходят два раза в год под руководством страны-председателя организации. Председательство в АСЕАН передается ежегодно от одного члена Ассоциации к другому в порядке английского алфавита, однако из этого правила бывают исключения (например, Мьянма пропустила свое председательство в 2004 г. по внутривнутриполитическим причинам).

Вторым по значимости управляющим органом является Координационный совет АСЕАН, состоящий из министров иностранных дел стран-членов, который собирается, как минимум, два раза в год для подготовки повестки дня асеановских саммитов и контроля за выполнением их резолюций. В его задачи входит также координация деятельности трех Советов сообществ АСЕАН ради обеспечения взаимоувязанности их стратегий, усиления их эффективности и осуществления согласованного взаимодействия между ни-

ми. Советы сообществ АСЕАН, в свою очередь, отвечают за деятельность соответствующих секторальных министерских органов и подотчетны главам государств и правительств АСЕАН. Их заседания проходят, как минимум, дважды в год под руководством министров страны — председателя Ассоциации, курирующих конкретные направления: сферу безопасности, экономику и социокультурное сотрудничество.

Не менее важным административным органом Ассоциации является ее Секретариат, расположенный в Джакарте (Индонезия). В целях улучшения взаимодействия между странами-участницами на базе Секретариата Ассоциации создан Комитет постоянных представителей при АСЕАН, в который каждое государство «десятки» назначает своего постпреда в ранге посла. Кроме того, в странах-участницах созданы Национальные секретариаты АСЕАН, выполняющие функции координации исполнения решений АСЕАН на национальном уровне, а также информирования местной общественности и бизнеса о возможностях, предоставляемых Ассоциацией.

Генеральный секретарь АСЕАН назначается высшими руководителями стран-участниц на пятилетний срок и не может быть переназначен во второй раз. К претендентам на данный пост выдвигаются определенные требования: они должны быть гражданами стран — членом Ассоциации, их ротация должна осуществляться в соответствии с алфавитным принципом (по английским названиям государств АСЕАН), при подборе кандидатур следует учитывать их способности, профессиональный опыт и гендерную принадлежность (с целью соблюдения принципа равенства полов). Генеральный секретарь участвует в заседаниях Саммита АСЕАН, Координационного совета, Совета сообществ и других мероприятиях, требующих его присутствия, а также представляет АСЕАН во взаимодействии с международными партнерами Ассоциации.

Международные связи АСЕАН

Начиная с середины 70-х годов прошлого века существует традиция проведения совместных заседаний министров иностранных дел и отраслевых министерств стран АСЕАН со своими коллегами из государств — партнеров Ассоциации по диалогу²¹. Такие совещания получили название постминистерских конференций, поскольку они организуются после того, как представители стран АСЕАН обсудили между собой все важные вопросы и выработали по ним согласованную позицию. Постминистерские конференции традиционно проходят в формате «10 + 1». Кроме того, с конца 1990-х годов практикуется проведение встреч на высшем уровне между АСЕАН и ее партнерами по диалогу (Россией, США, ЕС, Канадой, Австралией, Новой Зеландией, Японией, Южной Кореей, Китаем и Индией) в форматах «10 + 1», «10 + 2» (АСЕАН + Австралия и Новая Зеландия) и «10 + 3» (АСЕАН + Китай, Япония, Южная Корея).

Другой площадкой для диалога с международными партнерами Ассоциации, помимо постминистерских конференций и саммитов, является форум «Азия — Европа» (АСЕМ), инаугурационное заседание которого прошло в марте 1996 г. в Бангкоке. В первом совещании азиатско-европейского формата приняли участие семь стран — членом АСЕАН, Китай, Япония, Южная Корея, пятнадцать стран — членом ЕС и председатель Еврокомиссии. В дальнейшем состав АСЕМ был значительно расширен. В данный момент эта структура объединяет пятьдесят одну страну и две региональные организации (АСЕАН и ЕС), ее встречи проводятся раз в два года. Россия является членом АСЕМ с октября 2010 г.

Продолжая идею межрегиональных форумов, с конца 1990-х годов АСЕАН начала институционализировать связи с Латинской Америкой. Координаторами процесса формирования нового объединения, получившего название Форума восточноазиатско-латиноамериканского сотрудничества (ВАЗЛАФ), выступили Сингапур и Чили. Первая

встреча министров иностранных дел, на которой был принят Рамочный документ, определяющий цели, принципы и основные направления деятельности ВАЗЛАФ, состоялась в марте 2001 г. в столице Чили Сантьяго. На ней присутствовали 30 государств (поровну от Восточной Азии и Латинской Америки). Сначала эти встречи проводились раз в 3 года, затем — раз в 2 года. Как и в случае с АСЕМ, данные мероприятия проводятся поочередно то в одном, то в другом регионе.

Еще одной инициативой с участием стран АСЕАН является Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА), учредительное собрание которого состоялось в июне 2002 г. в тайландском городе Чаам. На нем присутствовали представители 18 стран, включая Бахрейн, Катар, Индию, Пакистан, Бангладеш, Китай, Японию и Южную Корею. В настоящее время данная организация объединяет 34 государства (включая Россию, которая стала членом ДСА в 2005). Основной замысел ДСА — создание нового инструмента межрегиональной кооперации, который стал бы «мостом» между азиатскими региональными группировками (АСЕАН, «АСЕАН+3», СААРК, ССАГПЗ, ОЭС, ЕАЭС, ШОС и др.), а в перспективе — ведущей структурой общеазиатского взаимодействия.

Помимо межрегиональных переговорных площадок, АСЕАН инициировала создание Восточноазиатского саммита — ежегодного консультативного форума для обмена мнениями между лидерами стран региона. Первый Восточноазиатский саммит, созданный под эгидой АСЕАН, состоялся в декабре 2005 г. в Куала-Лумпуре. Помимо асеановской «десятки» в нем приняли участие представители Австралии, Новой Зеландии, Японии, Южной Кореи, Китая и Индии. В 2011 г. к участникам форума присоединились Россия и США. С тех пор подобные саммиты проводятся регулярно в привязке к осенним встречам АСЕАН на высшем уровне.

В апреле 2010 г. по инициативе Вьетнама было принято решение о создании механизма Совещаний министров обороны АСЕАН с восьмью основными партнерами по диалогу («СМОА плюс»). Первая встреча в данном формате с участием представителей асеановской «десятки», а также России, США, Китая, Индии, Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии состоялась в октябре 2010 г. в Ханое (Вьетнам). По ее итогам была принята Совместная декларация, в которой «СМОА плюс» определялся в качестве ключевого компонента региональной архитектуры безопасности. Практическая работа в данном формате ведётся на уровне старших должностных лиц и экспертов оборонных ведомств, а также в рамках шести профильных рабочих групп: по военной медицине, гуманитарному содействию и чрезвычайному реагированию, безопасности на море, борьбе с терроризмом, миротворчеству, гуманитарному разминированию.

Заключение

Таким образом, за полвека своего существования АСЕАН прошла долгий, тернистый путь от субрегиональной группировки, раздираемой внутренними противоречиями, до полноценной региональной организации, активно развивающей партнерство с крупнейшими мировыми державами и благодаря ему определяющей международную повестку дня.

Оглядываясь назад, можно с уверенностью утверждать, что страны АСЕАН выбрали правильную (а возможно, и единственно верную в тех исторических обстоятельствах) траекторию региональной интеграции, позволившую им преодолеть взаимное недоверие и обеспечить то самое «единство в многообразии», которое является их девизом и визитной карточкой Ассоциации. Успех асеановской интеграционной модели был обусловлен вовлечением крупных региональных держав — Китая, Японии, Южной Кореи — в интеграционные процессы в качестве преференциальных партнеров по диалогу. При этом АСЕАН не забывала балансировать отношения ведущих внерегио-

нальных игроков, имеющих непосредственные интересы в регионе, — Индии, Австралии, Новой Зеландии, Канады, США, ЕС и, безусловно, России — для поддержания мирного и стабильного международного окружения, необходимого ей для устойчивого роста и развития.

Начиная с середины 70-х годов прошлого века АСЕАН успешно реализует стратегию «концентрических кругов», ориентированную на дозированное наращивание интеграционных усилий: в первую очередь, внутри самой Ассоциации; во-вторых, в формате «АСЕАН + 3»; в-третьих, в рамках взаимоотношений со своими азиатскими и тихоокеанскими партнерами по диалогу (Китаем, Японией, Южной Кореей, Индией, Австралией, Новой Зеландией); в-четвертых, во взаимоотношениях с мировыми центрами силы (Россией, США, ЕС); в-пятых, в рамках широких межрегиональных организаций, таких, как АТЭС и АСЕМ²². Распределение интеграционных приоритетов удачно дополняется сознательным конструированием особой асеановской идентичности, ограниченной рамками Юго-Восточной Азии²³. Представляется, что два эти фактора стимулируют дальнейшее становление Сообщества АСЕАН как регионального комплекса и выведут интеграционные процессы в регионе на новый, качественно иной уровень.

1. Whittlesey D., ed. *Regional Study with Special Reference to Geography*. Wash., D.C.: Division of Geology and Geography, National Research Council, National Academy of Sciences, 1952. p. 48. Подробнее о региональных комплексах см.: *Ефремова К.А. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса // Сравнительная политика. 2019. № 2. С. 5–19.*
2. *Богатуров А.Д. Среда — против лидеров. «Пространственная структура» самоорганизации международных отношений в Восточной Азии // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 272.*
3. *Малетин Н.П. АСЕАН: Четыре десятилетия развития. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 8.*
4. Там же. С. 8.
5. *Заключительное коммюнике Конференции стран Азии и Африки (Бандунг, 24 апреля 1955) // Движение неприсоединения в документах и материалах. М.: Наука, 1975. С. 51.*
6. *Орлов В.Г. Политическая обстановка в ЮВА в середине 1960-х годов и предпосылки образования АСЕАН // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 6. С. 85.*
7. Цит. по: Малетин Н.П. АСЕАН: Четыре десятилетия развития..., с. 12.
8. Цит. по: Малетин Н.П. АСЕАН: Четыре десятилетия развития..., с. 14.
9. Малетин Н.П. АСЕАН: Четыре десятилетия развития..., с. 15.
10. Орлов В.Г. Политическая обстановка в ЮВА..., с. 94.
11. *The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration)*. Bangkok, 8 August 1967. Available at: <https://asean.org/the-asean-declaration-bangkok-declaration-bangkok-8-august-1967/>. Accessed on 06.12.2019.
12. Изначально планировалось, что султанат Бруней, наряду с Сараваком и Сабахом, войдет в состав Федерации Малайзия, однако восстание под руководством Народной партии Брунея в 1962 году сорвало эти планы. Бруней оставался британским протекторатом вплоть до 1 января 1984 года.
13. Вступление Камбоджи в АСЕАН, запланированное на июль 1997 года, было отложено из-за внутривосточного кризиса в этой стране.
14. *Материалы официального сайта АСЕАН // The ASEAN Official Website*. Available at: <http://www.asean.org>. Accessed on 06.12.2019.
15. При анализе этапов становления регионального комплекса АСЕАН мы опирались на периодизацию, предложенную Н.П. Малетиным [Малетин, 2007].
16. *Сумский В.В. Опыт регионализма на азиатском Юго-Востоке и поиск ответов на новые вызовы // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 3. С. 7–8.*
17. Договор о создании в Юго-Восточной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, был подписан на пятом саммите АСЕАН, состоявшемся в декабре 1995 года в Бангкоке.

18. Мьянма стала постоянным наблюдателем при АСЕАН в июле 1996 года.
19. Понятие «сопряженность» восходит к терминологии, предложенной Азиатским банком развития (АБР) для стран Индокитая. В 1992 году АБР объявил о запуске программы экономического сотрудничества в субрегионе Большого Меконга, основной целью которой было объявлено достижение «3С» — *сопряженности* (connectivity), *соревновательности* (competitiveness) и *сообщества* (community). Термином «сопряженность» обозначалась достаточная развитость транспортной, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры, термином «соревновательность» — обеспечение конкурентоспособности региональных товаров и услуг, а термином «сообщество» — совместное решение социальных, гуманитарных и экологических проблем, таких как борьба с бедностью, эпидемическими заболеваниями и деградацией окружающей среды. [См. Greater Mekong Subregion..., 2007, p. 3.]
20. Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире. М.: Форум, 2019. С. 111.
21. Колдунова Е.В. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 3. С. 59–60.
22. Байков А.А. Сравнительная интеграция: Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 119.
23. Примечательно, что в число наблюдателей при АСЕАН входят только два государства — Папуа-Новая Гвинея и Тимор-Лешти; оба расположены на островах Малайского архипелага и имеют сухопутные границы с Индонезией.

К. Efremova. Integration Processes in Southeast Asia: Evolution of the Regional Complex

The article discusses evolution of the Southeast Asian regional complex, starting from 1940s until today. It covers the complex' pre-history, evaluating factors, which stimulated the formation of the collective regional identity. The article gives a characteristic of functional development of intra-ASEAN cooperation on each of these stages. The concept of the ASEAN Community and its constituting elements are discussed further on. The narrative proceeds with a short sketch of ASEAN mechanisms, their historical evolution and the contemporary state. It is noted that ASEAN collective efforts for intensification of intra-regional ties, as well as the intentional construction of a specific ASEAN identity confined by Southeast Asian borders, are very important for the regional complex development.

Key words: ASEAN, ASEAN Community, Southeast Asia, integration, regional complex, regional cooperation.

Политическая власть в Японии: каковы шансы оппозиции?

© 2020

Д.В. Стрельцов

По результатам выборов 2017 и 2019 г. коалиция ЛДП и Комэйто в очередной раз обеспечила себе стабильное большинство в обеих палатах парламента. Автор анализирует причины электоральных неудач оппозиции, в числе которых выделены такие моменты, как преобладание значительного консервативного сегмента в электоральном поле, рост популизма в обществе и спрос на харизматических лидеров, а также умелое использование С. Абэ возможностей медиа. Перспективные возможности для оппозиции автор видит в выдвижении привлекательной в глазах избирателей политической альтернативы в сфере социальной политики.

Ключевые слова: Япония, партийная система, оппозиция, неоконсервативные ценности, клиентелизм, «всеохватывающая партия», электоральная координация.

DOI: 10.31857/S013128120008825-8

21 июля 2019 г. в Японии прошли выборы в Палату советников японского парламента.

Выборы проходили в неблагоприятный для правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) и ее лидера Синдзо Абэ момент. С начала октября 2019 г. вступала в силу введенная по решению кабинета Абэ новая 10%-ная, увеличенная на 2% ставка потребительского налога. По-прежнему свою остроту сохранял вопрос об участии Абэ в коррупционных скандалах с организациями «Моритомо гакуэн» и «Какэ гакуэн», разгоревшихся в 2018 г. «Моритомо гакуэн» приобрела государственный участок под строительство частной школы по заниженной цене, а «Какэ Гакуэн», которой управляет старый знакомый Абэ, незаконно получила одобрение правительства на строительства ветеринарного училища. Актуальным для кабинета оставался и вопрос об источниках средств для национальной пенсионной системы, нехватка которых стала большой проблемой в условиях старения населения.

В результате выборов правящей коалиции в составе ЛДП и партии Комэйто удалось вновь, как и ранее, получить большую часть из 124 мест, судьба которых определялась на выборах: ЛДП получила 57 места, Комэйто — 14, т.е. всего 71. И хотя коалиция лишилась в верхней палате квалифицированного большинства, которое бы позволило кабинету министров инициировать поправки в конституцию, Абэ добился публично озвученной перед выборами цели сохранить там простое большинство. С учетом уже имеющих у ЛДП и Комэйто в верхней палате мест, не подлежащих переизбранию (на выбо-

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университета), ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru.

рах переизбиралась только половина списочного состава палаты), правящая коалиция обеспечила себе на ближайшие три года устойчивое большинство в 141 место из 245.

Обращает на себя внимание электоральный успех оппозиционной Конституционно-демократической партии, которая увеличила свое представительство с 9 до 17 мест, получив, с учетом уже имеющейся доли, 32 мандата в Палате советников. Однако, несмотря на определенную сдачу позиций, доминирование ЛДП в парламенте остается, как и прежде, достаточно прочным. Выиграв в шестой раз подряд парламентские выборы, правящая коалиция ЛДП и Комэйто имеет стабильное большинство в обеих палатах парламента и квалифицированное большинство в Палате представителей.

Преобладание коалиции очевидно и в местных законодательных собраниях, в том числе городских, где ЛДП традиционно чувствует себя не очень уверенно, но Комэйто имеет сильные позиции. Более того, молодое поколение в большей степени поддерживает ЛДП, чем оппозиционные партии, которые по-прежнему пребывают в состоянии растерянности и хаоса. И хотя кабинет Абэ по-прежнему не может справиться со многими сложными внутри- и внешнеполитическими проблемами, слабая оппозиция пока не в состоянии предложить ему реальной альтернативы. Цель настоящей статьи — проанализировать основные причины регулярных электоральных успехов правящей коалиции, заставляющих говорить о возрождении в Японии феномена доминантной партии, который, казалось бы, навсегда стал достоянием истории с окончанием эпохи «системы 1955 года», а также дать оценку того, имеются ли у оппозиции хоть малейшие шансы изменить сложившуюся ситуацию в свою пользу.

Факторы долгосрочного правления ЛДП

Имеется целый ряд системных факторов в пользу сохранения длительного господства ЛДП в коалиции с Комэйто. Прежде всего, это социально-политическая ситуация в стране, а точнее — структурные особенности электоральной картины. Более всего выделяются в ней консервативные слои избирателей, в основном из числа старших возрастных категорий, а также избиратели, проживающие в сельской местности. Этот электоральный сегмент отличается высокой политической активностью, что проявляется в стабильно высоких показателях явки, сплоченности и предсказуемости электорального поведения — это партия «против перемен», всегда голосующая против «смутьянов» и «ниспровергателей основ». Консервативные избиратели неизменно поддерживают на выборах ЛДП, в нынешнем лидере которой они видят не только защитника традиционных японских ценностей, но и гаранта национальной идентичности, стоящей перед вызовами глобализации. Политика Абэ, по их мнению, позволила Японии избежать социальной напряженности, вызванной наплывом трудовых мигрантов, открытием внутренних рынков для иностранных товаров и услуг, влиянием чуждой японскому духу рыночной стихии, ростом индивидуализма и ослаблением коллективистского начала в межличностных отношениях.

В одномандатных округах консервативные избиратели демонстрируют лояльность так называемым династическим кандидатам — политикам, «унаследовавшим» свой округ от одного из ближайших родственников или политических покровителей. Среди депутатов ЛДП, прошедших в Палату представителей на выборах 2017 г., таковых оказалось около 40%. При этом депутаты-«наследники», впервые избранные в 2017 г., были в основном потомками ушедших на пенсию или умерших депутатов. Эти депутаты начали свою парламентскую карьеру еще до политической реформы 1994 года¹. Между тем депутаты, получившие свой мандат в силу традиции «наследничества», редко демонстрируют склонность к политическим инновациям или радикальным реформам.

Спрос на политическую стабильность и отказ от резких перемен определяется также наличием в стране значительного процента постоянной занятости, составляющей до 60%. *Сарариманы* (от англ. Salaryman) — постоянные работники компаний — как правило, выступают и за сохранение существующей конфигурации власти, которая в целом их устраивает, тогда как любые ее резкие изменения чреватые в их глазах неоправданными рисками. В этом смысле «пожизненный наем» порождает, условно говоря, и «пожизненный политический выбор», то есть способствует консервации политических порядков в стране.

Большое воздействие на электоральную ситуацию оказывает и преобладание в информационном поле страны ведущих средств массовой информации. По сравнению с периодом холодной войны, когда среди японских газет выделялись явно «левые» и «правые» издания, в настоящее время среди основных СМИ отсутствуют (или размыты) существенные различия в их идейно-политической ориентации, что в свою очередь снижает уровень политической поляризации в обществе².

Фактором политической стабильности выступает и то, что во главе ЛДП оказался С. Абэ — весьма талантливая и незаурядная политическая фигура. Он демонстрирует большую политическую волю, умение маневрировать и хорошую адаптивность к создавшейся ситуации, а также умение подавать себя в публичном пространстве. Накануне выборов обществу навязывается такая повестка, которая не наносит ущерба рейтингам правительства, а решения, могущие вызвать раскол в обществе и критику со стороны оппозиции, откладываются на период после выборов. Например, явно непопулярные законопроекты, предусматривавшие повышение потребительского налога, ослабление пацифистских ограничений и гарантий личных свобод граждан, меры по защите государственной тайны и др., были внесены в парламент в течение 2015 г., то есть в течение первого года после прошедших в декабре 2014 г. выборов в палату представителей. И только после того, как упавшие рейтинги правительства постепенно вернулись в норму (составив к январю 2016 г. 53,7%)³, Абэ смог летом 2016 г. провести успешные для себя выборы в верхнюю палату.

Другой пример касается ситуации 2017 г. Летом рейтинги Абэ резко упали из-за его личной вовлеченности в скандалы с «Какэ гакуэн» и «Моритомо гакуэн». Во время выборов в префектуральное собрание Токио в июле 2017 г. деятельность Абэ на посту премьера одобряли лишь 27% респондентов. В этих условиях С. Абэ отказался, несмотря на требования оппозиции, созывать внеочередную сессию парламента. Однако уже осенью уровень поддержки кабинета стал постепенно восстанавливаться на фоне обострения ситуации на Корейском полуострове, ставшей катализатором сплочения японцев вокруг руководства страны, что дало премьеру возможность провести успешные выборы в нижнюю палату.

Сильное преимущество создает ЛДП ее умелая медиа стратегия. Современную систему связей с общественностью в партии создал еще в период правления кабинетов Дзюньитиро Коидзуми (2001–2006 г.) Хиросигэ Сэко, тогда еще молодой депутат Палаты советников, имевший опыт работы в отделе по связям с общественностью частной компании⁴. Эта система стала одной из движущих сил триумфа Коидзуми в 2005 г., когда Абэ получил общенациональную известность в качестве самого молодого генерального секретаря ЛДП за всю ее историю. С возвращением в 2012 г. к власти Абэ прилагал огромные усилия для раскрутки своего образа в СМИ, При этом предвыборная кампания в электронных СМИ стала ключевым элементом избирательной стратегии партии, начиная с выборов в Палату советников 2013 г.

Умелое использование Абэ возможностей медиа дало ему хорошую фору перед оппозицией. В условиях падения действенности традиционных механизмов электораль-

ной мобилизации и сокращения числа «твердых голосов» исход выборов для отдельных кандидатов политических партий во все большей степени стал зависеть от личной популярности партийного лидера. С учетом этого обстоятельства ЛДП еще в 2001 г. внесла изменения в правила выборов председателя партии, ориентированные на то, чтобы избирать такого деятеля, который бы наиболее всего соответствовал общественным ожиданиям. Право участвовать в выборах председателя получили тогда префектуральные отделения ЛДП, которые стали проводить нечто вроде праймериз, учитывающих мнение рядовых членов партии. В результате ЛДП стала делать ставку на лидеров популистского типа, имеющих большую личную харизму. Наиболее яркими представителями новой генерации таких политиков стали Дз.Коидзуми, возглавлявший партию и правительство в 2001–2006 гг., и нынешний премьер С.Абэ. Вместе с тем Абэ при выдвижении предвыборных манифестов в полной мере учитывает уроки относительно недолгого правления Демократической партии Японии (ДПЯ), которая в период проведения предвыборной кампании 2007–2009 гг. выдвинула целый ряд невыполнимых популистских обещаний, например, лозунги отмены платы за пользование платными автомобильными дорогами или двукратного повышения детских пособий. В итоге многие избиратели на выборах 2012 г. отказались голосовать за ДПЯ, и партия потерпела сокрушительное поражение. Абэ в полной мере учитывает этот урок, воздерживаясь от нереалистичных предвыборных обещаний, особенно сопряженных с крупными бюджетными тратами.

Важно и то, что Абэ удалось создать в медиапространстве свой личный бренд лидера державы мирового уровня. Этот бренд основан на продвижении в электоральные массы идеи о том, что для получения статуса мировой державы Японии необходима сильная личностная дипломатия, ассоциирующаяся с именем премьер-министра. Успехи такой дипломатии в деле укрепления связей Японии с ключевыми странами-партнерами, например, США, Китаем и Россией, умело используются близкими партии власти СМИ для создания позитивного образа Абэ, что, в свою очередь, способствует повышению рейтингов всей партии власти.

Благоприятствуют длительному правлению Абэ и особенности международной ситуации. Обострение проблемы ракетно-ядерной программы КНДР и актуализация в связи с этим вопросов военной безопасности для страны позволяют ему существенно укрепить свои внутривнутриполитические позиции. Спрос на сильную руку создает и военно-политический подъем Китая, который воспринимается в Японии прямой угрозой национальной безопасности. К тому же на пользу Абэ играет нестабильная социальная ситуация в ряде стран Европы. Острые проблемы беженцев и общественной безопасности на европейском континенте контрастируют с относительно стабильной ситуацией в самой Японии, которую многие избиратели связывают с правильной, на их взгляд, политикой кабинетов Абэ по недопущению массовой трудовой миграции.

Фактором долгосрочной правления ЛДП служит также особенность партийно-политической ситуации в стране. Крайне удачной для ЛДП можно назвать ее электоральную смычку с партией Комэйто, нащупанную еще в 1999 г. На протяжении двух десятилетий ЛДП поддерживает коалицию с этой партией, чтобы компенсировать свою недостаточную популярность в городских округах. Эта смычка не утратила своей значимости и сегодня, несмотря на серьезные различия в подходах двух партий ко многим важнейшим вопросам политической повестки дня. Так, Комэйто демонстрирует сдержанность в отношении планов правительства Абэ изменить пацифистские положения Конституции, ликвидировать любые ограничения на отправку военнослужащих за рубеж, продолжать делать ставку на атомную энергетику. И ЛДП вынуждена считаться со своим партнером по коалиции, учитывая то обстоятельство, что без его помощи удержание власти становится проблематичным: Комэйто имеет в каждом мажоритарном округе большой сегмент

лояльных избирателей (так называемых твердых голосов), которые по команде сверху послушно отдают свой голос за кандидата от правящей партии, если у самой Комэйто там отсутствуют какие-либо шансы на победу.

Большой удачей для ЛДП по праву можно назвать ситуацию хронического раскола в стане оппозиции, в котором она пребывает с момента ухода ДПЯ с властного Олимпа. Оппозиционные партии пользуются наибольшей поддержкой в городских округах, где теоретически у них имеются очевидные шансы составить ЛДП реальную конкуренцию. Так, доля голосов избирателей в пользу ЛДП составила там в 2017 г. примерно 48%, в смешанных районах — около 55%, и в сельских районах 60%⁵.

Опросы общественного мнения показывают, что если бы оппозиции удалось объединиться, многие избиратели отдали бы свой голос за ее кандидата. Согласно опросу общественного мнения, проведенного газетой «Йомиури» после выборов в палату представителей в октябре 2017 г., за ЛДП целенаправленно голосовали лишь 36% респондентов, тогда как 44% респондентов сделали свой выбор в пользу партии власти лишь потому, что «после раскола ДПЯ от оппозиции баллотировалось слишком много кандидатов». При этом лишь 6% опрошенных выбрали ЛДП по причине высокой оценки ими премьер-министра Абэ, а для 10% главным мотивом голосования стало одобрение работы правительства⁶. Красноречивыми выглядят итоги опроса, проведенного газетой «Асахи» накануне выборов в палату советников 13–14 июля 2019 г. На вопрос о том, какую партию они поддерживают, 45% выбрали ответ «ни одной», тогда как в пользу ЛДП высказалось только 34% респондентов. При этом никто из прочих партий не получили в свою поддержку более 6%⁷.

Таким образом, поддержка ЛДП значительной частью электората, очевидно, основана не на принятии ею политических взглядов Абэ или одобрении правительства, а, скорее на отсутствии более подходящего кандидата от оппозиции. Это подтверждается статистическими данными: на выборах 2017 г. ЛДП получила в одномандатных округах 26 500 723 голоса, что было меньше даже показателя на выборах 2009 г. (27 301 982 голоса)⁸, когда ЛДП сокрушительно проиграла ДПЯ. Электоральные успехи ЛДП были в большей степени связаны с тем обстоятельством, что у нее отсутствовали сильные соперники в мажоритарных округах, где безусловную победу дает даже небольшое относительное большинство. Именно мажоритарная система позволила превратить незначительное преимущество, полученное ЛДП в одномандатных округах, в большую электоральную победу.

На пользу правящей партии играет и феномен политической апатии избирателей, который проявляется, в частности, в форме низкой явки на выборы. Например, на всеобщих выборах 2014 г. был зарегистрирован самый низкий показатель явки за всю послевоенную эпоху. Оставался он низким и на выборах в нижнюю палату в октябре 2017 г., когда на избирательные участки не пришло 39% японских избирателей⁹. На выборах же в верхнюю палату 2019 г. явка избирателей составила 48,8% — это второй с конца показатель за всю послевоенную историю¹⁰.

Высокий уровень абсентеизма является, скорее, индикатором настроений политического протеста, свидетельствующим о нежелании избирателей активно поддерживать партию власти, чем признаком отсутствия у избирателей интереса к политической сфере как таковой. Избиратели подобным образом не только демонстрируют свою неудовлетворенность правящей партией, но и выражают недовольство отсутствием в избирательном бюллетене «достойных» оппозиционных партий, способных, по их мнению, бросить вызов действующей власти.

Нередко это недовольство приводит к переключению интереса избирателей к новым партиям или «партиям третьего пути»¹¹, что приводит к высокой волатильности

электоральной картины. Проголосовав за одну из новых партий, на следующих выборах избиратель переключается на другие партии, не фиксируя свой политический выбор на сколько-нибудь долгую перспективу. В этом явственно проявляется отличие электорального поведения избирателей с «плавающими голосами» от консервативного электорального сегмента, продолжающего стабильно поддерживать «старые» партии.

Таким образом, победа ЛДП была, скорее, результатом неэффективности электоральных действий оппозиционных партий, а также отражением политической апатии среди избирателей, нежели одобрения ими политики кабинета Абэ.

Риски для ЛДП

Стоит выделить ряд долгосрочных факторов риска для нынешней системы правления ЛДП. Во-первых, это уже отмеченный выше факт недовольства политикой правящей коалиции со стороны значительной части избирателей. Как представляется, это связано с глубинными изменениями в электоральной базе ЛДП, где в последние два десятилетия произошли кардинальные изменения.

Прежде всего, ЛДП гораздо в меньшей степени стала опираться на политику клиентелизма — «окучивание» избирательных округов бюджетными инвестициями, например, в виде субсидий фермерам или инфраструктурных проектов, подпитывающих местную экономику. Это связано с переориентацией общественных запросов с местных потребностей на общенациональные социальные программы. В условиях старения населения расходы государственного бюджета стали направляться прежде всего на обеспечение национальных систем пенсионного и медицинского страхования, в связи с чем средств на «подарочные законопроекты» уже практически не остается. Кроме того, урбанизация и дальнейший рост образования, особенно среди женщин, обесценили в глазах молодого поколения японцев карьерные возможности в сельском хозяйстве и строительстве (типичных сферах приложения политики клиентелизма).

Снижение значимости клиентелизма ослабило смычку ЛДП с электоральными низами, в результате чего сократилась численность партии. Составляя в последние годы около миллиона человек, она не идет ни в какое сравнение с периодом однопартийного господства, когда ЛДП пользовалась поддержкой широких слоев населения (на своем пике в 1990 г. численность ЛДП составляла около 5 млн членов). При этом по мере постарения политически активного поколения, взгляды которого сформировались еще в эпоху холодной войны, теряют свою действенность и традиционные методы электоральной мобилизации, основанные на потенциале «обществ поддержки» *коэнкай*, работавшие на принципах тесной личной связи с рядовыми избирателями. Именно это обстоятельство в корне изменило электоральную картину, для которой характерны существенное сокращение, по сравнению с периодом «системы 1955 года», доли «твердых голосов», при одновременном усилении доли «плавающих голосов» (избирателей, не определившихся со своим выбором вплоть до момента голосования).

По этой причине усилились для ЛДП и риски, связанные с общей непредсказуемостью выборов, что в свою очередь еще больше повысило значимость личной популярности ее лидера на общенациональном уровне и, соответственно, актуализировало вопрос о выработке им сильной имиджмейкинг-стратегии. Реформируя систему внутрипартийных выборов, партия стала делать ставку на политиков, наиболее перспективных с точки зрения обретения личной харизмы, которые могли бы стать в полном смысле слова лицом партии на выборах.

Зависимость ЛДП от популярности своего лидера таит в себе опасность того, что в случае изменения внешних обстоятельств партия становится заложником его личных рейтингов. Так, если популярность партийного лидера становится низкой, на-

пример, по причине ухудшающегося экономического положения или политических скандалов, он быстро превращается в «хромую утку», а это больно ударяет и по электоральным шансам правящей партии в целом. Именно так произошло, когда после ухода Коидзуми в отставку в 2006 г. у руля ЛДП последовательно сменились Синдзо Абэ, Ясуо Фукуда и Таро Асо, каждый из которых правил не более года. Закономерным итогом калейдоскопической смены трех кабинетов стало сокрушительное поражение ЛДП на выборах в нижнюю палату осенью 2009 г.

Оборотной стороной зависимости партии от популярности премьера стало нарастание авторитаристских тенденций в партийном управлении при одновременном сокращении действенности традиционных консенсуальных методов внутрипартийного согласования¹². Внутрипартийные позиции партийного лидера стали больше зависеть от его популярности в партии на низовом уровне, чем от межфракционного расклада сил. В результате председатель партии перестал считаться с мнением лидеров других фракций и обрел беспрецедентную для японской политической практики свободу рук при принятии важнейших решений, в том числе имеющих судьбоносное значение для страны. В партийных делах закрепился авторитарный, «президентский» стиль правления, больно ударивший по системе сдержек и противовесов, составляющей основу внутрипартийной демократии.

Особенно ярко этот стиль проявился в кадровой сфере. Еще в 2001 г. ЛДП, избрав на высший партийный пост Дз.Коидзуми, реформировала систему распределения высших должностей в партии и правительстве, ранее действовавшую исключительно на основе межфракционных договоренностей и уважения принципов старшинства. Будучи избранным не путем переговоров между фракциями, а при опоре на голоса местных партийных организаций (с 1989 г. в выборах председателя участвуют представители префектуральных отделений ЛДП), Дз. Коидзуми выделил своим близким соратникам важные министерские и партийные посты, невзирая на их фракционную принадлежность, и в нарушение традиции старшинства включил в кабинет относительно молодых политиков, женщин-политиков, а также лиц, вообще не являющихся депутатами парламента, но обладающих необходимой компетенцией (японская Конституция это допускает).

После Коидзуми — при кабинетах Абэ, Фукуды и асо — в ЛДП наблюдался определенный откат в пользу фракционной кадровой политики. С возвращением Синдзо Абэ в 2012 г. на пост главы кабинета с некоторыми дополнениями вновь возродилась практика кадровой самостоятельности премьера. Абэ создал под своим личным началом Совет по кадрам, контролирующим кадровые назначения более чем 600 высших должностей в правительстве. Назначения в кабинет, как и при Коидзуми, вновь стали осуществляться на внефракционных принципах. Новым стало и то, что Абэ существенно увеличил срок нахождения членов кабинета на одной должности. Это шло вразрез с традицией краткосрочного пребывания в министерской должности. Традиция связана с необходимостью постоянной ротации министров для получения политиками верхнего эшелона соответствующего опыта и парламентского стажа. Это, в свою очередь, являлось неременным условием для занятия ими высших должностей в партийно-правительственной номенклатуре.

Так, Абэ не производил перестановок в кабинете министров в течение первых 614 дней своего пребывания на посту, что было самым продолжительным периодом в истории ЛДП¹³. После 2014 г. перестановки в кабинете производились практически каждый год, однако около половины членов кабинета, в том числе ключевые министры, каждый раз оставались на прежнем посту. Не была исключением и перестановка кабинета, проведенная Абэ в октябре 2019 г., когда основная часть министров либо осталась на своих постах, либо была перемещена на аналогичные по своему политическому весу

должности. Длительное пребывание на одной должности давало министрам от ЛДП достаточно опыта и знаний и позволяло более эффективно проводить «политическое руководство», контролируя бюрократию своего ведомства.

Однако авторитарный стиль правления имеет и свою оборотную сторону: высшие бюрократы стали апеллировать в своих действиях непосредственно к главе кабинета, личная зависимость от которого у них существенно возросла. Получило распространение явление *сонтаку*, когда бюрократы предоставляли преференциальный режим своим «клиентам» не по причине прямых указаний с политических верхов или иных форм политического вмешательства, а лишь потому, что они ожидали положительной реакции на свои действия со стороны канцелярии премьер-министра (этот феномен стал достоянием гласности благодаря скандалам «Моритомо гакуэн» и «Какэ гакуэн»).

Длительное пребывание кабинета Абэ таким образом ослабило систему сдержек и противовесов в партии, снизило подотчетность правительства общественному контролю и повысило риск субъективизма и волюнтаризма при принятии важных государственных решений.

Перспективы развития партийной системы

Останется ли ЛДП ведущей партией на обозримую перспективу? Возвращение к власти ЛДП во главе с Синдзо Абэ в декабре 2012 г. положило конец ожиданиям двухпартийной системы, которые были порождены наличием в стране в 2000-е годы двух системообразующих политических партий и сменой власти в 2009 г. С 2012 г. Япония фактически вернулась к системе однопартийного доминирования, при которой одной находящейся во власти (пусть и в составе правящей коалиции) крупной партии противостоит пестрая и разрозненная в идеологическом отношении компания малых и средних партий. Среди оппозиции выделяется левый фланг в лице Конституционно-демократической и Коммунистической партий, центр представлен Народно-демократической партией, к числу условно «правых» можно отнести Общество обновления Японии (Ниппон исин-но кай). К настоящему времени эти партии не смогли продемонстрировать воли к объединению и созданию реальной политической альтернативы коалиционному правлению ЛДП и Комэйто.

Уместно сравнить Японию с Великобританией и США, где у власти регулярно сменяют друг друга две крупные партии, разделенные по идеологическим ценностям. Как правило, консервативной идеологии там противостоит социал-демократическая (или либеральная). В Японии же идеология партии и содержание ее политической программы традиционно не имеет большого значения для электорального выбора. Главным является не верность партии идеологическим принципам, а перспектива ее прихода к власти, который может принести осязаемые материальные дивиденды конкретному избирателю. Поэтому электоральные предпочтения могут меняться от выборов к выборам в зависимости от субъективной оценки той или иной партии со стороны «медианного избирателя». Свою роль здесь играет тот факт, что в послевоенный период в Японии не произошло такой же отчетливо выраженной партийной дифференциации электорального поля, как в большинстве крупных западных демократий.

Можно выделить несколько причин относительной слабости партийного фактора в японской политической жизни. Прежде всего, в Японии отсутствует сильная социальная дифференциация по этническому, гендерному, конфессиональному и иным признакам. Японское общество относительно гомогенно, а это накладывает свои ограничения на партийное строительство, ориентированное на специфические интересы отдельных социальных групп. И даже когда такие партикуляристские интересы существуют, крупные партии, ставя во главу угла цель вхождения во власть, стремятся максимально

удовлетворить чаянья самых широких страт общества, а потому не акцентируют эти интересы в своих политических программах. К. Заковский отмечал, что политические программы основных партий, следующих образцу всеохватывающей партии и включающих в себя различные в идеологическом отношении группы, не слишком ясны¹⁴. Следует признать, что подобной практики придерживались не только ЛДП и их основной соперник последних десятилетий — ныне распущенная Демократическая партия, но и некоторые переставшие существовать партии девяностых годов, такие как Синсэйто (Партия обновления) и Синсинто (Партия новых рубежей).

Другой причиной является послевоенная электоральная традиция, в соответствии с которой избиратели поддерживают не партию, а кандидата. Персональная ориентация электората закрепилась в условиях существования в стране до 1994 г. системы «средних округов», в рамках которых основное соперничество разворачивалось не между партиями, а между отдельными кандидатами, даже если они представляли одну и ту же партию. Избиратели были склонны не обращать внимания на партийный бренд, демонстрируя лояльность конкретному политику¹⁵.

Залогом электоральных успехов партий служило наличие у них прочной организационно-финансовой основы общенационального значения, опытных политических кадров, узнаваемости партийного бренда в электоральных массах — и только в гораздо меньшей степени их идеология. Крупные партии, как правило, стремились заручиться поддержкой максимально широкого круга избирателей и потому придерживались модели всеохватывающей (или «всеядной») партии.

В период правления ЛДП такая модель получила в профильной литературе название «партия-универмаг», или «партия-больница общего профиля» (т.е. в партии есть товары на любой вкус или там можно найти врачей от любого недуга). В этом смысле ЛДП фактически сама по себе представляла собой квази-многопартийную систему¹⁶. Решения в такой партии, будучи плодом консенсуальной демократии, носили подчеркнuto деидеологизированный характер, то есть были призваны удовлетворить самые разные политические группировки, предотвращая партийный раскол. Символическое значение с этой точки зрения имела регулярная смена лидеров, представлявших разные фракции.

Построенная С.Абэ модель политической власти, по сути, означает отход ЛДП от парадигмы «всеядности»: вот уже несколько лет у власти в ней находится одна и та же политическая группировка из числа выходцев из фракций «побочного течения» ЛДП, ориентирующаяся на конкретные программные установки, ставшие источником острых разногласий в обществе. Абэ апеллирует к традиционным японским ценностям (хотя многие видят в них призыв к романтизации милитаристского прошлого); придерживается принципов «малого правительства» (многие критикуют такой подход, видя в нем отказ поддерживать уязвимые группы населения); стремится изменить конституцию и создать полноценные вооруженные силы (по данному вопросу расколото все японское общество); предлагает возродить курс на развитие атомной энергетики (многие японцы по понятным причинам выступают против). Даже внутри самой ЛДП линия Абэ вызывает сопротивление: например, один из его соперников в борьбе за пост председателя партии Сигэру Исиба открыто выступает против пересмотра 9-й, «мирной» статьи конституции.

Останется ли подобная система власти после ухода Абэ в отставку с поста премьера? Является ли это зигзагом на пути совершенствования японской демократии или это закономерный и безальтернативный процесс, свидетельствующий о неизбежном кризисе демократии и переходе к жесткой авторитарной системе правления?

Как представляется, у Японии имеется несколько вариантов развития политической системы. Если исходить из того, что логика реформирования партийного пространства определяется не идеологией, а целями прихода к власти, партийные коалиции

могут носить лоскутный и непоследовательный с идеологической точки зрения характер. Например, ДПЯ и прочие партии оппозиции с 2016 г. стали согласовывать свою электоральную политику с коммунистами, что стало беспрецедентным феноменом для всей послевоенной политической практики, в которой КПЯ всегда находилась в «гордом одиночестве». В нынешнем, образца 2019 года, парламенте Конституционно-демократическая и Народно-демократическая партии, имеющие принципиально разную идеологическую ориентацию, сформировали, тем не менее, единую парламентскую фракцию с целью сместить ЛДП. Уместно вспомнить и то, что партнерства в коалиционном правлении с идейно чуждой ей Комэйто не чужается и сама ЛДП.

Традиционно (с периода холодной войны) в центре идеологического противостояния партий были внешнеполитические вопросы, прежде всего — вопрос об отношении к Договору безопасности с США и конституции. ЛДП выступала за сохранение договора и за ревизию пацифистских положений конституции, а ее оппоненты в лице СПЯ и КПЯ защищали конституцию и добивались выхода Японии из союза с США. Однако в современной Японии сложился внутривнутриполитический консенсус по поводу необходимости для Японии Договора безопасности: против выступают лишь КПЯ и некоторые политические маргиналы. Различаются лишь нюансы, касающиеся роли и места Японии в системе договора, связанные с нынешней политикой американской администрации, в рамках которой Япония все более открыто позиционируется как «младший партнер». Например, Абэ считается наиболее ревностным сторонником укрепления союза с Америкой за счет «личностной дипломатии», в то время как откровенно протрамповскую линию Абэ критикует не только оппозиция, но и внутривнутрипартийные оппоненты премьера.

Не совпадает с партийными контурами и политическое противостояние по конституционному вопросу. Абэ в его стремлении изменить конституцию поддерживает часть оппозиции, в частности Общество обновления (Исин-но кай). Вместе с тем оппонентом премьера по данному вопросу парадоксальным образом является партнер ЛДП по коалиции — партия Комэйто, выступающая против устранения из конституции основных пацифистских положений. Таким образом, если Абэ решится на радикальную ревизию конституции, Комэйто теоретически может выйти из коалиции, что создаст для ЛДП кризисную ситуацию и может спровоцировать новую смену власти. В то же время приход на смену Абэ менее «ястребиного» премьера даст возможность реализации более спокойного сценария, при котором правящая коалиция сохранит свою власть в обозримом будущем.

Другим водоразделом можно считать вопрос о допущении рыночных принципов в экономику, а также о приоритетах социальной политики. Курс на «малое правительство», олицетворяемый Абэ, и опора на иные неконсервативные ценности, в числе прочего предполагают достаточно ограниченное участие государства в решении социальных проблем. Опора на традиционные «японские ценности» в значительной мере несовместимы с сильной социальной политикой государства, так как в японском социуме проблемы пожилых людей исстари решаются без помощи «сверху». В этом смысле политика Абэ оказывается ближе «рыночным партиям» (например, Исин-но кай), чем левым силам. Однако ЛДП по-прежнему зависит от поддержки фермеров и не готова полностью либерализовать импорт сельхозпродукции и допустить рыночную стихию в аграрный сектор, что в свою очередь разводит ЛДП и радикальных «рыночников» по разные стороны баррикад.

Как представляется, именно вопросы социальной политики могли бы стать тем водоразделом, по которому можно ожидать дальнейшее структурирование партийного пространства. На фоне старения населения главным вопросом политической повестки дня остаются вопросы строительства жизнеспособных систем пенсионного и социаль-

ного обеспечения, и, прежде всего, их финансового обеспечения. В обществе сохраняется неприятие итогов структурных реформ Коидзуми (фактически духовного отца нынешнего премьера), результатом которых стало сильное социальное расслоение и появление новой для Японии проблемы бедности. Эгалитарная идея в Японии гораздо более популярна, нежели идеология социального дарвинизма, которая по сути лежит в основе неоконсервативной идеологии Абэ.

В 2007–2009 гг. ДПЯ умело использовала недовольство итогами реформ Коидзуми для раскачивания электоральной основы власти ЛДП. Приход демократов к власти, однако, не привел к радикальной реформе социального обеспечения. ДПЯ достаточно быстро дискредитировала свой демократический образ провальной внешней политикой и неспособностью выполнить взятые на себя социальные обещания, в результате чего избиратели отказали ей в поддержке. Идейным наследником ДПЯ в этом смысле выступает Конституционно-демократическая партия, которая имеет неплохие шансы нарастить свое политическое влияние, используя фактор нерешенной проблемы строительства жизнеспособной системы социального обеспечения.

С 2016 г. оппозиционные партии уже получили опыт координации действий и выдвижения единых кандидатов в одномандатных округах на выборах как в нижнюю, так и в верхнюю палату парламента. Так, на выборах в Палату советников 2019 г. пять оппозиционных партий поддержали единого кандидата во всех 32 одномандатных округах, и в 10 округах победили. Заслуживает внимания тот факт, что оппозиция консолидируется не по программно-идеологическим критериям, а по вопросу о смене ЛДП у власти. Пока это так, идеологические различия между партиями не будут иметь большого значения. Однако для создания реальной угрозы власти ЛДП оппозиция должна будет выдвинуть реальную программную альтернативу, привлекательную в глазах избирателей, и такая альтернатива в наибольшей степени вероятна в сфере сильной социальной политики.

-
1. *Scheiner E., Smith D.M., Thies M.F.* The 2017 Election Results: An Earthquake, a Typhoon, and Another Landslide. In: Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds) *Japan Decides 2017*. Palgrave Macmillan, 2018. P. 23.
 2. Solís M. Japan's consolidated democracy in an era of populist turbulence// https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/FP_20190227_japan_democracy_solis.pdf P. 14.
 3. *Maeda Y.* Public Opinion and the Abe Cabinet: Alternating Valence and Position Issues. In: Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds) *Japan Decides 2017*. Palgrave Macmillan, Cham. 2018. P. 138.
 4. *Umeda M.* The Liberal Democratic Party: Its adaptability and predominance in Japanese politics for 60 years *Asian Journal of Comparative Politics*. 2019, Vol. 4(1) P. 20.
 5. *Scheiner E., Smith D.M., Thies M.F.* (2018) The 2017 Election Results: An Earthquake, a Typhoon, and Another Landslide. In: Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds) *Japan Decides 2017*. Palgrave Macmillan, Cham. P. 40.
 6. *Maeda Y.* (2018) Public Opinion and the Abe Cabinet: Alternating Valence and Position Issues. In: Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds) *Japan Decides 2017*. Palgrave Macmillan, Cham. 2018. P. P. 143.
 7. *Reynolds I, Emi N.* Japan Is a One-Party State Again And Voters Are Fine With That <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-07-18/japan-is-a-one-party-state-again-and-voters-are-fine-with-that>.
 8. *Maeda Y.* (2018) Public Opinion and the Abe Cabinet: Alternating Valence and Position Issues. In: Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds) *Japan Decides 2017*. Palgrave Macmillan, Cham P. 144.
 9. Solís Mireya Japan's consolidated democracy in an era of populist turbulence// https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/FP_20190227_japan_democracy_solis.pdf P. 14.

10. Deplorably low voter turnout. <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/10/31/editorials/deplorably-low-voter-turnout/>
11. Krauss E., Nemoto K., Pekkanen R. & Tanaka A. Party politics, elections and mistrust in Japan. *Japan Forum*, 2017, 29:1. P. 30.
12. Mishima Ko (2019) *The Presidentialization of Japan's LDP Politics: Analyzing Its Causes, Limits, and Perils*. Spring, P. 98.
13. Umeda M. The Liberal Democratic Party: Its adaptability and predominance in Japanese politics for 60 years *Asian Journal of Comparative Politics*. 2019, Vol. 4(1) P. 17.
14. Zakowski K. Evolution of the Japanese Political Scene: Toward a Non-Issue-Oriented Two-Party System?, *Asian Journal of Political Science*, 2011. 19:2. P. 200.
15. Kawashima I. and Ishio Y. The instability of party identification among eligible Japanese voters. *Party Politics*, 1998, Vol. 4. No. 2. P. 154.
16. Koji Murata Alisa Gaunder Japan Needs A Two-Party System. <https://www.csis.org/analysis/resolved-japan-needs-two-party-system>.

D. Streltsov. Political Power in Japan: What Are the Chances of the Opposition?

As a result of the 2017 and 2019 parliamentary elections, the LDP and Komeito coalition have again secured a stable majority in both houses of Japanese Parliament. The author analyzes the causes of electoral failures of the opposition, including such factors as the predominance of a significant conservative segment among the electorate, the growth of populism in society and the demand for charismatic leaders, as well as Abe's skillful use of media opportunities. The author views an electoral opportunity for the opposition in future in putting forward an attractive alternative program in the sphere of social policy.

Key words: Japan, the party system, the opposition, the neo-conservative values, clientelism, "catch-all party", electoral coordination.

Суть китайско-российского стратегического взаимодействия — поддержание стабильности и развития в АТР

© 2020

Лю Фэнхуа

Стратегическое сотрудничество КНР и РФ в АТР становится ключом к всеобъемлющему взаимодействию между Китаем и Россией. Акцент должен быть сделан на поддержании региональной стабильности и интеграционном развитии, которые включают сохранение стабильности в АТР, содействие сопряжению инициативы «Пояса и пути» с ЕАЭС, развитие ШОС, обеспечение экономической интеграции. Если взаимодействие между Китаем и Россией окажется эффективным, это позволит Китаю провести базовую модернизацию, а России — возрождение и развитие восточных регионов. В то же время для собственного подъема Китаю необходимы собственная мощь, сильная воля и мудрая дипломатия, особенно в решении тайваньского вопроса, вопроса об островах Дяоюйдао и о принадлежности островов Южно-Китайского моря.

Ключевые слова: китайско-российские отношения; региональная стабильность; интеграция в АТР; стратегическое взаимодействие.

DOI: 10.31857/S013128120008826-9

В 2019 г. исполнилось 70 лет со дня установления дипотношений между КНР и РФ. Среди большого количества юбилейных мероприятий самым важным дипломатическим событием стал государственный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию 5 июня. Во время визита главы двух государств подписали и опубликовали Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о развитии всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху, приняли участие в праздновании 70-летия установления дипотношений между двумя странами. В Совместном заявлении главы двух государств, обобщив исторический опыт развития их отношений за 70 лет, подняли их на новый уровень, и наметили ряд новых целей и направлений¹.

Празднование 70-летия установления дипотношений между КНР и РФ не ограничилось только правительственным и дипломатическим уровнем. Научные круги обеих стран также активно изучают опыты и уроки 70-летнего развития китайско-российских отношений, размышляя об их тенденциях в будущем. В результате исследований появилось немало научных работ, посвященных событиям прошлого, однако, с оценкой будущего их явно недостаточно. В этой статье автор рассматривает ключ к китайско-российскому стратегическому взаимодействию на предстоящие 10 лет, надеясь, что это поможет Китаю и России продвинуть его вперед и тем самым поднять уровень отношений между двумя странами.

Лю Фэнхуа, доктор юридических наук, заведующий отделом внешней политики России Института России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН, КНР. E-mail: liufh100@163.com.

I. Ключевые моменты российско-китайского стратегического взаимодействия в АТР в следующем десятилетии

За более чем 20-летний период в стратегических отношениях Китая и России сформировались пять опорных точек двустороннего взаимодействия и партнерства: сотрудничество в политической, торгово-экономической, энергетической, дипломатической и военно-технической сферах². С развитием российско-китайских связей и сотрудничества в гуманитарной сфере в настоящее время происходит формирование шестой опорной точки двустороннего взаимодействия. И хотя стратегическое сотрудничество в указанных сферах на разных этапах развивается не синхронно, все они имеют большое значение для России и Китая. На пороге 20-х годов XXI столетия на фоне нестабильной международной ситуации стратегическое дипломатическое сотрудничество Китая и России заметно опережает другие сферы, занимая среди них ведущее место. Существуют две причины возникновения данной ситуации.

Первая заключается в продолжающемся ухудшении внешней безопасности Китая и России, вызванном политикой США, нацеленной на сдерживание их развития. Поэтому для защиты государственной безопасности и для создания благоприятных условий для внутреннего социально-экономического развития обе стороны должны укреплять дипломатическое сотрудничество.

Что касается США, то они усиливают сдерживание развития и модернизации обычных вооруженных сил Китая и России. Одновременно с перемещением своих военно-морских и военно-воздушных сил в Азиатско-Тихоокеанский регион они продолжают укреплять военное сотрудничество со своими союзниками и партнерами в регионе, «плетя» оборонительные сети против Китая, демонстрируют свои силы в Южно-Китайском море. США и НАТО продолжают укреплять сухопутные и морские вооруженные силы на передовой линии в Восточной Европе в целях «пересмотра» европейского регионального порядка, а также регулярно проводят военные учения на суше и на море, сохраняя тем самым военное давление на Россию.

За последние годы США усилили давление на Китай и Россию в области стратегической безопасности. В 2016 г. Соединённые Штаты и Южная Корея под предлогом пресечения «ядерной угрозы из Пхеньяна» предложили разместить на территории Южной Кореи американскую систему противоракетной обороны THAAD. Несмотря на активный протест России и Китая, в 2017 г. система ПРО THAAD была развернута на юге Корейского полуострова. Радиолокационная станция ПРО THAAD способна не только обнаруживать баллистические ракеты во внутренних районах России и Китая, но представляет угрозу оборонному потенциалу РФ и КНР, наносит серьезный ущерб стратегическим национальным интересам и безопасности стран региона, подрывая в нем стратегический баланс. В опубликованных Соединёнными Штатами в январе—феврале 2018 г. «Отчете о стратегии национальной безопасности» и «Докладе об оценке ядерной обстановки» Россия и Китай были названы основными потенциальными противниками и по отношению к ним были предложены такие меры, как обновление ядерного вооружения и увеличение количества ракетных комплексов нового типа. В феврале 2019 г. США приостановили выполнение своих обязательств в рамках Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (ДРСМД) и запустили процедуру выхода из него. Эти действия, несомненно, подрывают стратегическую стабильность в Европе и Азии и, более того, могут спровоцировать региональную гонку вооружений.

Вторая причина состоит в том, что постоянно ухудшающаяся внешняя среда, влияя на развитие Китая и России, требует от них дальнейшего укрепления стратегического сотрудничества. Ухудшение внешней среды развития двух стран связано, главным

образом, с двумя факторами: страны-гегемоны применяют экономическое сдерживание или санкции против Китая и России; односторонние действия и протекционизм стран-гегемонов разрушают международный экономический порядок, препятствуя восстановлению мировой экономики и экономическому росту регионов РФ и КНР.

В ближайшие 5–10 лет ввиду указанных причин Соединенные Штаты не изменят своей политики экономического сдерживания Китая и вряд ли отменят экономические санкции в отношении России. Американская политика унилатерализма и протекционизма может продолжиться, если Трамп снова победит на президентских выборах 2020 года. Поэтому Китаю и России необходимо укреплять внешнеполитическую и экономическую координацию, чтобы совместно отвечать на вызовы внешнеэкономической среды. Лишь консолидируя сотрудничество в вышеупомянутых областях и укрепляя фундамент отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства, Китай и Россия смогут более тесно и эффективно сотрудничать в международных делах, поддерживать стабильность в мире и сохранять мирную окружающую среду.

Для Китая стратегическое значение Азиатско-Тихоокеанского региона беспрецедентно возросло. Во-первых, АТР является стратегическим опорным пунктом для превращения Китая в мировую державу. Население региона составляет 60% населения планеты, на его долю приходится более 50% от объема мировой торговли. Таким образом, его роль в структуре мировой экономики чрезвычайно велика. За исключением государств—членов ЕС, основные торговые партнеры Китая находятся в АТР, а экономики региона являются также основными партнерами Китая для привлечения внутренних и иностранных инвестиций. В последние годы Китай, активно содействуя реализации инициативы «Пояс и путь», создал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути, чтобы тем самым придать импульс процессам региональной интеграции в АТР и взаимосвязанности инфраструктур. В ближайшие десять с небольшим лет Китай, имея в качестве основного направления своей внешней политики АТР, должен продолжать развитие торгово-экономического сотрудничества со всеми странами региона и активно создавать механизм открытого регионального экономического сотрудничества, ведущая роль в котором будет принадлежать КНР, с тем чтобы усилить доминирующую позицию присутствия в регионе. Во-вторых, Азиатско-Тихоокеанский регион может выступать в качестве «защитного барьера» в подъеме китайской экономики и в качестве «кольца окружения» для государств-гегемонов, стремящихся сдержать рост Китая. Скорейшее решение Китаем вопросов сдерживания внешних негативных (исходящих от стран-гегемонов) и внутрирегиональных (исходящих от соседних стран) факторов имеет важное значение в процессе адаптации к АТР для реализации Китаем своих планов.

С началом осуществления в 2011 г. стратегии «возврата в Азиатско-Тихоокеанский регион» США все более явно препятствуют Китаю в том, чтобы он мог играть ведущую роль в обеспечении безопасности и порядка в АТР, создавая вокруг него оборонительную сеть и используя территориальные споры в Южно-Китайском море для разжигания противоречий и конфликтов между КНР и азиатскими странами. С 2016 г. Соединенные Штаты усилили сдерживание Китая в стратегических сферах безопасности (противоракетная и др.), не только нанося тем самым ущерб интересам стратегической безопасности КНР, но ухудшая и без того сложную и нестабильную обстановку в сфере безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона. Реальная ситуация в китайско-американских отношениях последних лет показывает, что сдерживание Китая стало долгосрочной стратегической политикой Соединенных Штатов, а военное сдерживание является ее важной составной частью.

Для России Азиатско-Тихоокеанский регион также имеет важное стратегическое значение. Хотя в настоящее время наиболее серьезная и реальная угроза ее безопасности исходит с Запада, однако поскольку стратегическое и военное развертывание Соединённых Штатов сосредоточены в Азиатско-Тихоокеанском регионе, военно-политическое сдерживание России в Европе значительно ослабло. Россия развивает Сибирь и Дальний Восток, активно участвуя также в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В XXI веке вектор развития России направлен на Восток. Россия должна задействовать огромный потенциал Сибири и Дальнего Востока, чтобы занять свое законное место в АТР³. Россия придает большое значение поддержанию безопасности на Востоке и стремится играть важную роль в вопросах безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Исходя из соображений защиты собственных интересов безопасности и повышения своего международного статуса, Россия выступает за создание открытой структуры безопасности в АТР и совместно с Китаем призывает к сотрудничеству на этом направлении все страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

II. Приоритетные направления стратегического сотрудничества Китая и России в АТР

1. Сохранение стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Размещение Соединёнными Штатами на территории Южной Кореи и Японии своих противоракетных систем, объявление о выходе из ДРСМД и планы по размещению наземных ракет средней дальности на острове Гуам и на территориях своих союзников в АТР существенно подорвали сформировавшуюся в данном регионе после холодной войны стратегическую стабильность. Поэтому Китай должен сначала создать собственную сильную и надежную оборонительную систему, уделяя особое внимание разработкам и совершенствованию эффективных наступательных и оборонительных стратегических вооружений, с тем чтобы иметь возможность своими силами поддерживать региональную стратегическую стабильность и безопасность. В то же время Китай может усилить сотрудничество с Россией в следующих областях: продолжать развитие дипломатического сотрудничества путем обнародования совместных заявлений, выражения протестов против развертывания США систем противоракетной обороны по всему миру, призывов возобновить переговоры с Россией и подписать новый Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности; укреплять военно-техническое взаимодействие, особенно в области совместных исследований, разработок и внедрения систем противоракетной обороны и в других областях, для восстановления подорванной стратегической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе; проводить совместные военные и противоракетные учения для повышения способности Китая и России отражать ракетные угрозы «третьих стран».

Необходимо объединять силы для реагирования на вызовы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и решения таких международных проблем, как североамериканская ядерная проблема.

Следует развивать сотрудничество по содействию созданию механизмов безопасности и сотрудничества в АТР. Для достижения долговременного порядка и долгосрочной стабильности в регионе необходимо создать новый и эффективный механизм региональной безопасности и сотрудничества, охватывающий все страны региона. В этой связи Россия и Китай, выступив в 2010 г. с совместной инициативой по созданию открытой, прозрачной и равноправной структуры безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁴, неуклонно содействуют ее реализации.

2. Содействие сопряжению инициативы «Пояса и пути» с ЕАЭС, созданию зоны свободной торговли между Китаем и Евразийским экономическим союзом

Реализация соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве между Китаем и Евразийским экономическим союзом способствует повышению качества двусторонней торговли. Следующим шагом должно стать создание зоны свободной торговли между Китаем и Евразийским экономическим союзом. Сегодня Китай является основным торговым партнером всех стран—членов Евразийского экономического союза и таким странам-партнерам, как Китай и Россия, следует воспользоваться условиями содействия торговле, которые стали возможны благодаря соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между Китаем и Евразийским экономическим союзом.

Необходимо направить усилия на укрепление энергетического сотрудничества. В связи с такими благоприятными природными условиями, как наличие ресурсов и географическая близость, Китай установил тесные торговые отношения в энергетике с Россией, Казахстаном и другими странами-партнерами. наладил плодотворное сотрудничество в области добычи и переработки нефти и газа. В будущем, укрепляя двустороннее сотрудничество в области энергетики, Китай и Россия должны также содействовать сотрудничеству между Китаем и другими странами—членами Евразийского экономического союза в нефтегазовой сфере на всех уровнях, расширять сотрудничество в области угольной промышленности, электроэнергетики и ядерной энергетики, установить крепкие отношения стратегического партнерства в сфере энергетики в рамках «Одного пояса, одного союза».

Международное сотрудничество в сфере производственных отраслей является важным способом содействия модернизации промышленности и совершенствованию международной торговли. Это естественное продолжение развития промышленности после объединения международной инфраструктуры, поэтому оно занимает ключевое место в сотрудничестве по сращиванию ЕАЭС и ЭПШП. В настоящее время Китай активно сотрудничает с Казахстаном, Беларусью и другими странами-партнерами в сфере производственных мощностей.

3. Развитие ШОС

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) внесла важный вклад в обеспечение безопасности государств-членов и поддержание региональной стабильности. После присоединения Индии и Пакистана организация четко определила сотрудничество в области безопасности в качестве важного приоритета своей деятельности. В дальнейшем восемь государств—членов ШОС должны укреплять политическое взаимодоверие. В частности, Индия и Пакистан, а также Китай и Индия должны развивать политический диалог и взаимодействие; Индия и Пакистан должны стать участниками ряда конвенций и соглашений по борьбе с «тремя силами зла», ранее подписанных шестью государствами—членами ШОС, и реагировать на другие нетрадиционные угрозы безопасности, а также активно осуществлять сотрудничество в целях укрепления основ безопасности организации. Активизация китайско-индийских и индийско-пакистанских военных обменов и укрепление доверия будут способствовать созданию механизма сотрудничества, аналогичного имеющемуся в пограничных районах Китая и России механизма военного взаимодоверия и взаимного сокращения вооруженных сил. Тем самым будут созданы условия для надлежащего и окончательного урегулирования пограничных споров путем переговоров.

Основополагающее значение для развития ШОС имеет экономическое сотрудничество. В будущем ШОС должна, как и прежде, развивать двустороннее торгово-эко-

номическое сотрудничество и содействовать развитию многостороннего торгово-экономического сотрудничества, основанного на защите общих экономических интересов стран-членов и на принципе учета позиции каждого государства-члена, а также их конкретных интересов. Несмотря на многочисленные трудности, ШОС должна «не забывать о первоначальном намерении» — постепенно осуществлять свободное движение товаров, капиталов, услуг и технологий и выполнять свою миссию по созданию зоны свободной торговли⁵.

Следует также расширять гуманитарное сотрудничество. Государства—члены ШОС сильно отличаются друг от друга в историческом, религиозном и культурном отношении, в политико-экономических системах и уровнях развития, что неизбежно влияет на их взаимовосприятие, взаимодействие и сотрудничество. Постоянно расширяющиеся культурные обмены и сотрудничество в рамках ШОС играют позитивную роль в укреплении взаимопонимания, доверия и дружбы между правительствами и народами государств—членов организации. В будущем ШОС должна продолжать продвигать сотрудничество в области науки и техники, образования, культуры, здравоохранения и туризма.

4. Сохранение тенденций экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Необходимо сохранять многостороннюю торговую систему ВТО и строить глобальную экономику открытого типа. Китай и Россия должны по-прежнему оберегать многостороннюю торговую систему, основанную на правилах ВТО, которая является открытой, инклюзивной, прозрачной и равноправной.

Китай и Россия должны продолжать совместно содействовать открытой, всеохватывающей и взаимовыгодной экономической интеграции и сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целях предотвращения «фрагментации» процесса региональной интеграции. Только путем создания полноценного и эффективного механизма экономической интеграции в АТР, такого, как Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли, можно устранить эффект «миски спагетти» в данном регионе и принести выгоду населяющим его народам. В то же время Китаю следует настоятельно призывать соответствующие страны как можно скорее завершить переговоры о заключении Соглашения о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) и создать в Азиатско-Тихоокеанском регионе обновленную версию торгово-экономического сотрудничества.

Таким образом, в следующем десятилетии стратегическое взаимодействие в АТР между Китаем и Россией станет самым важным направлением всеобъемлющего взаимодействия. Оно будет сосредоточено на поддержании региональной стабильности и интеграционном развитии, что включает в себя сохранение стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, содействие сопряжению инициативы «Пояс и путь» с ЕАЭС, развитие ШОС, содействие экономической интеграции в регионе. Если стратегическое взаимодействие в АТР между Китаем и Россией будет эффективным, на окружающих обе страны территориях сформируется мирная и интегрирующая среда, что позволит Китаю провести базовую модернизацию, а России — осуществить возрождение и развитие восточных регионов. Для собственного подъема Китаю необходимо обеспечить вокруг себя мирную и благоприятную среду в течение десяти лет, надежным средством для этого являются его собственная мощь, сильная воля и мудрая дипломатия, особенно в решении тайваньского вопроса, вопросов об островах Дяоюйдао и о принадлежности островов Южно-Китайского моря. В этом КНР следует опираться на собственные силы.

1. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о развитии всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху от 6 июня 2019 года. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/06/c_1124588552.htm.
2. Лю Фэнхуа. Китайско-российские отношения стратегического взаимодействия и партнерства: от дипломатической помощи к совместному развитию // Академический журнал исследований России. 2015. № 6.
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ 12 декабря 2012 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118>.
4. Совместное заявление Китая и России о всестороннем углублении стратегического взаимодействия и партнерства от 28 сентября 2010 года. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2010-09/28/c_13534081.htm.
5. Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств—членов Шанхайской организации сотрудничества 23 сентября 2003 года. URL: http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scoc/info/Article.jsp?a_no=568&col_no=50.

Liu Fenghua. The Essence of Sino-Russian Strategic Cooperation is Maintaining Stability and Development in the Asia-Pacific Region

In the next decade the security and development environment around China and Russia will deteriorate, therefore, the strategic coordination in the Asia-Pacific region has become the key to all-round strategic coordination between China and Russia. Its focus is to maintain regional stability and the trend of integration, including maintaining stability in the Asia-Pacific region, promoting synergies between the “Belt and Road” and the Eurasian Economic Union, developing the Shanghai Cooperation Organization and promoting economic integration in the region. If the strategic coordination between China and Russia in the Asia-Pacific region is effective, it will create a peaceful and integrated environment for them and respective neighbors, thus ensuring that China basically achieves modernization and Russia realizes the development and revitalization of the Far East. At the same time, China should create a decade’s peace favorable environment for its rise, it can’t count completely on strategic cooperation with Russia. More reliable is to count on its comprehensive national strength, strong will and clever diplomacy. Especially, China should be more self-reliant in the solution of the Taiwan issue, and the Diaoyu islands and the South China Sea territorial waters disputes.

Key words: Sino-Russian relations, regional stability, integration in Asia-Pacific area, strategic coordination.

Гонконг — 2019: вызовы модели «одно государство — два строя»

© 2020

А.В.Виноградов

Массовые протесты в Гонконге в 2019 г. стали частью нарастающего движения противников воссоединения с КНР после половины срока, отведенного Соглашением Великобритании и КНР от 1997 г. на постепенное воссоединение в 2047 г. материкового Китая и Гонконга. Несмотря на тесное и взаимовыгодное экономическое сотрудничество, объединения двух систем не происходит. Наоборот, в Специальном административном районе Сянган нарастает конфликт идентичностей. Население Гонконга стремится сохранить свою автономию, гражданские права. Эти настроения особенно сильны у молодого поколения, выступающего главной движущей силой протестов. Победа противников интеграции с Пекином на выборах в законодательные советы в ноябре 2019 г. может стать началом формирования политической оппозиции курсу на воссоединение с Пекином и поставить под сомнение принципиальную реализуемость концепции «одно государство — два строя», перспективы распространения ее на отношения с Тайванем, а также создать угрозу реализации «китайской мечты о великом возрождении» и восстановлению Китаем своих мироустроительных функций на международной арене.

Ключевые слова: протесты в Гонконге в 2019 г., «одно государство — два строя», Китай, мироустроительные функции, интеграция в Восточной Азии.

DOI: 10.31857/S013128120008827-0

Воплощение «мечты о великом возрождении» невозможно без восстановления территориальной целостности и единства китайской нации, расколотой европейскими державами в середине XIX в. На протяжении всего этого времени чувство национальной гордости настойчиво требовало от Пекина воссоединения китайских земель и, тем более, не допускало нового проявления слабости — потери территорий в результате их суверенизации. Сложность практического решения этой задачи в начале 1980-х годов породила замысловатую формулу, плохо сочетавшуюся с западными представлениями о государстве, но дарившую надежду на объединение: «одно государство — два строя»¹. Возвращение Гонконга и Макао в состав КНР в конце XX в. окончательно решило колониальный вопрос и стало главным и несомненным внешнеполитическим успехом КНР после начала реформ. Сегодня на пути Китая к пику экономического могущества и влияния в мире этот успех уже не столь очевиден.

Виноградов Андрей Владимирович, (МГИМО МИД России), д.полит.н., участник научного коллектива проекта «Многофакторный анализ "азиатского поворота" в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)». E-mail: vinogradov-a@mail.ru.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

«Одно государство — два строя»

35 лет назад, стремясь к национальному объединению, все еще слабый Китай был готов на символическое решение проблемы — единое представительство на внешней арене, со строгими и непрозрачными границами внутри, которые подчеркивали принципиальное отличие социально-экономического строя и политических систем разных частей страны. В момент своего выдвижения идея «одно государство — два строя» была предназначена, прежде всего, для урегулирования крупной международной проблемы. Вытесняя Великобританию и Португалию, Китай восстанавливал свою целостность на внешней арене, оставаясь глубоко расколотым внутри, и лишь создавал предпосылки для решения внутренних проблем «самими китайцами» в будущем.

В начале XXI в. Пекин смог убедить всех, что с прошлыми покончено и он научился преодолевать негативное влияние истории и свои слабости, хотя не гарантировал пока точные ответы на вызовы настоящего и будущего. Протесты 2019 г. в Гонконге стали не первым, но на сегодняшний день самым серьезным кризисом концепции «одно государство — два строя». Они поставили под сомнение способность современного китайского государства осуществлять сложные мироустроительные функции, растущая актуальность которых недвусмысленно просматривается в инициативе «Пояса и пути» и концепции «сообщества единой судьбы человечества».

Современный Гонконг является особой самоуправляющейся частью Китая, статус которой зафиксирован в Конституции КНР. Взаимоотношения Специального административного района (САР) Сянган с центром строятся по формуле, предполагающей существование двух общественных систем в едином государстве. В самом начале главную трудность в реализации этого курса китайское руководство видело в идеологических противоречиях социалистической и капиталистической моделей. За прошедшие годы обе системы не только подтвердили свою эффективность, но и установили тесное и выгодное взаимодействие. Решающую роль в сокращении различий между ними сыграла последовательная эволюция социализма с китайской спецификой от плана к рынку. Опасения идеологической несовместимости не оправдались. Проблема появилась там, где ее не ждали. Оказалось, что главная движущая сила восстановления исторической справедливости — чувство общей национальной принадлежности и китайский патриотизм, призванные объединить в едином государстве один народ с общим языком, культурой, историей, общей цивилизационной идентичностью, — отказывается действовать, а за понятием «идеологические противоречия» скрывается нечто большее, чем различие классовых интересов. Однако в первой половине 1980-х годов КПК еще оперировала преимущественно классовыми категориями и не смогла этого распознать. Одной из причин этого заблуждения была устойчивая убежденность в том, что новые отношения с Гонконгом положат начало и послужат примером для воссоединения с Китайской Республикой на Тайване, гоминьдановское правительство которой проиграло в гражданской войне коммунистам, но также стремилось к объединению всей страны.

История взаимоотношений

Возвращение Китаю бывших колоний было продиктовано столкновением геополитических интересов великих держав, мнение жителей этих территорий не учитывалось или учитывалось обеими сторонами в последнюю очередь. С самого начала переговоров о возвращении Гонконга в 1982 г. Китай ясно дал понять, что ради воссоединения он готов применить силу². За годы британского правления, фактически с января 1841 г. (в 1842 г. это было официально закреплено Нанкинским договором), в Гонконге выросло десять поколений китайцев, впитавших культуру метрополии и сформировавших собст-

венную идентичность, радикально отличающую их от жителей соседних КНР и Тайваня. Для большинства гонконгцев воссоединение с континентом не было добровольным, они считали, что их предали — «сдали коммунистическому режиму». Подобные настроения давали Великобритании определенные преимущества для получения впоследствии внутреннего рычага давления на Пекин.

В нарушение достигнутых с КНР договоренностей и, вероятно, не без тайного умысла, накануне возвращения Великобритании впервые в истории предоставила жителям Гонконга избирательные права, чем еще больше укрепила их веру в свою исключительность. До соглашения с КНР губернатор Гонконга назначался королевой, обладал всей полнотой власти, принимал законы, председательствовал в Законодательном и Административном советах. Система демократических выборов органов власти отсутствовала, а деятельность политических партий по договоренности между КНР и администрацией Гонконга от 1955 года была запрещена. Правительство Великобритании определяло лишь внешнюю политику и держало здесь воинский контингент. В целом, политическое устройство территории было строго функционально, исключало возможность политической дестабилизации, что сыграло положительную роль в экономическом процветании колонии. Для Великобритании и внешнего мира Гонконг был окном в Китай и вполне успешно выполнял эту функцию.

Сохранение подобного внутривластного устройства отвечало и коренным интересам КНР, идеально вписываясь в концепцию «одно государство — два строя», в которой Гонконг становился уже окном Китая во внешний мир. Согласно «Зеленой книге о дальнейшем развитии представительного правления в Гонконге» 1984 года, «главная отличительная черта гонконгской системы управления — консультации и консенсус — это не политическая система, созданная из политических партий, фракций и оппозиции». В ней нет политической борьбы, но есть стремление к достижению широкого общественного консенсуса и прагматичного подхода к решению актуальных проблем³. По соглашению между Великобританией и КНР 1984 года Гонконг сохранял судебную и правовую систему, полное самоуправление и финансово-экономическую самостоятельность, право на участие в международных организациях под названием «Китай, Сянган», что позволило ему стать членом ВТО, АТЭС и других международных объединений. С санкции Госсовета он получал право открывать консульские представительства, включая представительство Тайваня, но без использования флага Китайской Республики. В целом КНР просто сменила Великобританию, ограничив свои функции внешней и оборонной политикой и предоставив району большую и разнообразную автономию.

Политические реформы в Гонконге начались после соглашения о передаче его КНР⁴. С 1985 по 1996 г. английская сторона без согласования с КНР приняла 184 закона и внесла изменения еще в 845 законов, в 1991 г., в частности, был принят Билль о правах⁵. С 1985 г. Законодательный совет стал частично избираться от различных функциональных сообществ. В 1990 г. в Гонконге были созданы первые политические партии, а жителям впервые было предоставлено право выбора губернатора в соответствии с британской колониальной практикой — от профессиональных объединений, как правило, представляющих наиболее лояльные администрации группы населения. В 1991 г. часть депутатов Законодательного собрания впервые была избрана путем прямого голосования. Постепенная демократизация укрепляла культурную идентичность, придавая ей заверченный политический вид. Выступая в декабре 1992 г. в Палате лордов, Маргарет Тэтчер выразила надежду, что в продолжение этой тенденции всеобщее избирательное право в Гонконге будет введено уже в 2007 г. Действительно, в 2007 г. глава администрации Гонконга Дональд Цанг поставил перед центральным правительством вопрос о введении системы прямых выборов с 2017 г.

Основной закон (Конституция) САР Сянган был принят ВСНП в 1990 г. (САР Аомэнь — в 1993). Все функции и полномочия за исключением иностранных дел и обороны — уголовное законодательство, участие в международных организациях, таможенное, экономическое пространство, судебные решения — как и предполагалось, остались в руках Гонконга и Макао. Полномочия главы администрации мало отличались от полномочий губернатора и включали, в частности, роспуск Законодательного совета. Главу администрации избирала коллегия выборщиков, составленная из членов функциональных (профессиональных) и общественных организаций, представляющих всего 7% населения, а также из депутатов ВСНП и представителей центральных властей.

Произошедшие изменения по-разному оценивались центральным правительством и жителями САР. Для Пекина политическая система Гонконга была всего лишь точкой отсчета для начала сближения, для жителей Гонконга — высшим проявлением их идентичности. Избирательное право, которое успели даровать британцы, навсегда связало их с европейской традицией либерализма и задавало направление движения, противоположное курсу на интеграцию с авторитарным Китаем. Так были заложены и институционализированы предпосылки нынешнего конфликта.

Высокая для Пекина цена национального объединения — подчинение идеологических принципов интересам национального объединения — была зафиксирована в Совместной декларации 1984 года, подписанной М.Тэтчер и премьером Госсовета КНР Чжао Цзыяном. Сохранение капиталистического анклава и особого политико-административного статуса Гонконга объяснялось еще двумя сугубо практическими обстоятельствами.

Во-первых, с самого начала переговоров о возвращении Гонконга главной задачей Пекина было сохранение торгового и финансового потенциала территории, жизненно необходимого китайской экономике на этапе реформ: Гонконг был единственным широко распахнутым окном Китая во внешний мир, на него в 1980-е — 1990-е годы приходилась основная доля прямых зарубежных инвестиций хуацяо, составлявших 77% всех иностранных инвестиций в КНР⁶, а также значительная часть внешнеторгового оборота⁷. В свою очередь и судьба Гонконга всегда зависела от континентального Китая. Гонконг начал бурно развиваться после окончания Второй мировой войны и гражданской войны в Китае, заняв в конце концов место Шанхая в качестве важнейшего финансового и торгового центра Восточной Азии. Затем он первым присоединился к локомотиву китайской экономики периода реформ и больше других выиграл от такого сотрудничества, реализовав свое главное конкурентное преимущество — географическую близость и особый характер отношений с КНР. Только в 1998 г. Китай обогнал Гонконг по экспорту товаров и услуг и занял 9-е место, оставив Гонконг на 10-м. Еще теснее двустороннее сотрудничество стало после подписания в 2003 г. «Соглашения о тесном экономическом партнерстве между Пекином и Гонконгом», которое ликвидировало торговые и инвестиционные барьеры и позволило Гонконгу занять одно из наиболее высоких мест в мире по показателям душевого дохода (почти 50 тыс. долл. США в 2018 г., в 5 раз больше, чем в КНР)⁸, а также привлекло многие китайские компании на Гонконгский фондовый рынок, увеличив их общее число вдвое⁹. Одним из следствий экономического процветания стало появление в Гонконге университетов мирового уровня и возросшая доступность высшего образования. Понимание того, что своим экономическим процветанием Гонконг обязан особому характеру отношений с КНР, сдерживало рост сепаратистских настроений.

Во-вторых, сохранение особого статуса Гонконга объяснялось необходимостью объединения Китая мирным путем, бывшая британская колония в решении этой задачи играла ключевую роль. С воссоединения с Гонконгом начинался последний этап практи-

ческого преодоления последствий колониального периода и гражданской войны и окончательного воссоединения всех частей Поднебесной.

50 лет, первоначально определенные в качестве переходного периода, казались вполне реалистичным сроком для постепенного сближения и преодоления социально-экономического разрыва, образовавшегося за предшествующие полтора века. Экономическая отсталость КНР воспринималась тогда как главное препятствие возрождению, на ее преодоление и были направлены реформы. Изначально идея Дэн Сяопина «одно государство — два строя» была способом объединения на внешней арене административно-территориальных единиц с различным социально-экономическим строем, но одновременно она создавала условия для мирного соревнования двух общественно-экономических систем в рамках одного государства и, несомненно, оказала влияние на выбор направления и ход реформ в КНР, предвосхитив в итоге их рыночный характер. Создание СЭЗ Шэньчжэнь на границе с Гонконгом, широкое распространение там рыночных принципов хозяйствования стало в конечном счете примером для всего Китая¹⁰.

Сосуществование плана и рынка на континенте сокращало отличия между КНР и Гонконгом, а выравнивание социально-экономического уровня смягчало противоречия между классовыми идеологиями и выглядело прочным фундаментом национального объединения. Политические различия на этом фоне выглядели менее значимыми и отходили на второй план.

На практике, однако, сближение экономических моделей КНР и Гонконга с течением времени парадоксальным образом подчеркивало различие их культурных идентичностей. Гонконг по-прежнему сохранял притягательность для жителей КНР, сотнями тысяч бежавших туда еще с 1950-х годов и до начала 1980-х¹¹, но уже не как источник материального благополучия, а как зона комфортной жизни, не обремененная ограничениями, существующими на континенте. В общей сложности после объединения в Гонконг из КНР переехало 1,5 млн жителей¹². В первую очередь это были наиболее обеспеченные граждане, которые искали здесь свободы, например, от ограничений на рождение второго ребенка. Миграция людей с высокими доходами стала еще одним источником экономического процветания, плодами которого пользовались, как и в колониальный период, прежде всего деловые круги и профессиональные сообщества.

Обратной стороной такого переселения стало нарушение привычного образа жизни и мощный вызов культурной идентичности, который был адресован уже не только избранным, а всем жителям Гонконга. Представители бизнеса, преподаватели и студенты из КНР не испытывали потребности учить гуандунский диалект китайского, продолжая разговаривать на пекинском¹³, отказывались демонстрировать свойственную британской культуре сдержанность в быту и т.д. Свою лепту вносили и туристы из внутренних районов. В Гонконг ежегодно приезжают 40 млн туристов из КНР¹⁴, как правило, с высоким уровнем доходов, свысока относящиеся к жителям бывшей колонии. Прямым следствием такого миграционного и туристического потока стал рост цен на товары, услуги, особенно на жилье, которое с 2000 г. подорожало почти вдвое, усилив имущественное расслоение. В 1996 г. индекс Джини в Гонконге составлял 43,44%, в 2016 г. он вырос до 53,9%¹⁵, значительно превысив соответствующий показатель КНР, где он составлял в 2016 г. 38,6%¹⁶. Экономическое неравенство и культурные отличия поляризовали Гонконг.

В гонконгском обществе всегда существовали две группы, одна из которых была ориентирована на Пекин, ясно понимая экономические выгоды от взаимодействия с континентом. Другая выступала против объединения, сделав дату воссоединения (1 июля) поводом для ежегодных протестов, усиливавшихся с каждым новым шагом к сближению.

В феврале 2003 г. в интересах КНР было инициировано рассмотрение законопроекта о безопасности, уточняющего ст. 23 Основного закона Сянган, предусматривавшего запрет на деятельность антипекинских организаций и усиление ответственности за антикоммунистическую пропаганду. Тогда в демонстрациях протеста приняли участие 500 тыс. человек, опасавшихся, что закон будет ограничивать их демократические права. В ходе этих событий впервые заявил о себе Civil Human Rights Front, объединивший все демократические оппозиционные силы Гонконга. Проект в итоге был отклонен¹⁷.

Следующие крупные протесты состоялись в год 65-летия образования КНР. В июне 2014 г. гражданскими активистами был проведен онлайн-референдум об избрании в 2017 г. главы Специального административного района на всеобщих прямых выборах, в котором приняли участие 800 тыс. человек. В июле администрация Гонконга передала доклад о пересмотре процедуры выборов главы администрации в 2017 г. и Законодательного совета в 2016 г. на рассмотрение ПК ВСНП, который эти предложения отклонил, а 31 августа принял свое «Постановление по вопросу о всеобщих выборах главы администрации Специального административного района Сянган и порядку формирования Законодательного совета в 2016 году». Согласно ему, с 2017 г. в Сянгане вводилась процедура всеобщих, прямых, равных и тайных выборов главы администрации из 2–3 кандидатов, получивших поддержку большинства в Номинальной коллегии (коллегии выборщиков). Этот вариант, ожидаемо, также был отвергнут оппозицией.

28 сентября 2014 г., накануне 65-летия КНР, в Гонконге началась акция «Оккупируй Централ»¹⁸. Ее участники выступили против планов скрыть за демократическим фасадом диктат Пекина, требовали права участия в выборах независимых кандидатов, отмены одобрения их со стороны центральных властей, а также отказа от обязательного утверждения избранного главы администрации Госсоветом КНР.

Дополнительным поводом для выступления студентов стало их недовольство внедрением в учебные программы «общекитайских» предметов, призванных воспитывать общие ценности¹⁹. В ходе массовых протестов, получивших название «революции зонтиков», пострадали 539 человек. Движение оказало негативное влияние на работу фондовой биржи, сферу общественного питания, сократился поток туристов из внутренних районов КНР, индекс Хан Сэн упал на несколько процентов. Однако через несколько недель в диалог со студентами вступили сами жители, которые призвали их навести порядок, расчистить дороги и прекратить «наносить вред Гонконгу». Через 79 дней после начала протесты прекратились.

С момента объединения Гонконг претендовал на высокую степень самостоятельности во внутренних делах и особый путь развития. Как показал 2014 г., эти настроения усилились. Через год, 18 июня 2015 г. Законодательный совет Гонконга официально отклонил предложенную ПК ВСНП модель избирательной реформы. «Против» проголосовало 28 депутатов при 8 «за». Главным итогом протестов 2014 г. стало формулирование стратегической цели — проведение политической демократизации, выдвинутой оппозицией и поддержанной, хотя и косвенно, органами власти. Наряду с четко артикулированной политической целью другим важным итогом протестов стало появление у оппозиционного движения неформальных лидеров. Один из них, Джошуа Вонг, в декабре 2014 г., когда движение уже шло на спад, провозгласил: «Студенческая группа Scholarism вместе с Федерацией студентов Гонконга продолжит борьбу за настоящее избирательное право».

Си Цзиньпин никак не реагировал на происходившие события, понимая, что Гонконг остается крупнейшим финансовым центром КНР, а Гонконгская фондовая биржа — шестым финансовым рынком мира. Вмешательство Пекина могло лишь обострить ситуацию и привести к серьезным экономическим потерям. Не менее тревожным для Пекина стало совпадение «революции зонтиков» 2014 г. в Гонконге с «революцией подсол-

нухов» на Тайване. Рост политического сознания и появление протестных движений серьезно ухудшали перспективы реализации курса «одно государство — два строя», ясно показывая, что конфликт культурных идентичностей перемещается в политическую плоскость, вовлекая и организуя массы.

Часть всекитайского политического пространства?

В условиях борьбы с коррупцией и усиления идейно-воспитательной работы на континенте отношения с Гонконгом стали важным фактором внутреннего развития. Ситуация в отношениях с ним усугублялась тем, что, «перемещение центра тяжести работы партии» с экономического строительства на совершенствование общественных отношений происходило в условиях кризиса действующей экономической модели, находящейся в фазе поиска новых конкурентных преимуществ и под жестким прессингом США.

2 января 2019 г. во Дворце народных собраний на заседании, посвященном 40-летию «Обращения к тайваньским соотечественникам», Си Цзиньпин подтвердил принципиальную позицию Пекина. «Все соотечественники, проживающие на обоих берегах Тайваньского пролива, являются китайцами, которых объединяет естественное родство и национальная идентичность»²⁰. Через полтора месяца, 18 февраля 2019 г. ЦК КПК и Госсовет КНР опубликовали «План развития региона "Большого залива" Гуандун-Сянган-Аомэнь» до 2022 г. и в перспективе — до 2035 г.²¹. В соответствии с ним в 2035 г. — году завершения в основном модернизации — регион должен стать инновационным городским кластером мирового уровня, «образцом для подражания по высококачественному развитию»²². Интеграция 11 городов, главными среди которых являются Гонконг, Гуанчжоу, Макао и Шэньчжэнь, должна привести к появлению экономического мегацентра подобного Силиконовой долине в США и району Токийского залива. Этот план стал завершающим пунктом государственной программы по созданию на юге Китая высокотехнологического финансово-экономического региона²³.

Практическая реализация этого плана будет означать не только создание единого хозяйственного комплекса на юге Китая, но ускоренную интеграцию Гонконга и Аомэня в КНР и дальнейшее ослабление их идентичности, представляющей для большинства населения бесспорную ценность.

За прошедшие 22 года после объединения порожденная Великобританией городская культура Гонконга приобрела ярко выраженную самобытность, не привязанную, как прежде, к метрополии. Ее носителем стало новое поколение, у которого не только сформировалась особая идентичность, но и укрепилось желание довести ее до логического завершения, добиться полноты демократических прав и демократической формы правления. Для этого существовали объективные предпосылки. Политическая оболочка гонконгской идентичности постоянно развивалась — от политически бесправного положения британской колонии до высокой степени автономии в составе КНР. Этой тенденции сопутствовала другая, тоже демократическая. Приближение середины срока, отведенного на переходный период до объединения, усиливало опасения последствий полного воссоединения с Китаем, потери уже имеющихся прав и свобод.

В самом Пекине, вероятно, также усиливались раздумья о последствиях такого воссоединения для континента. Экономические реформы привели к распространению в КНР рыночных отношений, изменению массового сознания, вытеснению государственных и общественных интересов личными. Несмотря на экономические успехи континентального Китая за последние десятилетия, по существующим на сегодняшний день критериям видно, что исторический приоритет в экономическом и культурном развитии принадлежит Гонконгу, победившему в 1970-х годах даже коррупцию.

В момент присоединения в 1997 г. примерно 60% населения Гонконга считали себя гонконгцами и не связывали свою идентичность с КНР. По последним опросам, число не связывающих себя с КНР выросло до 66%, а в период массовых выступлений доходило до 76%, среди молодежи только 3% считают себя китайцами²⁴. Летом 2019 г. Гонконгский университет опубликовал данные другого социологического опроса, которые показали, что число считающих себя китайцами жителей Гонконга снизилось и составляет менее 11%²⁵. Абсолютное преобладание гонконгской идентичности среди молодежи подтверждает крайне негативную для Пекина тенденцию.

Экономическим реформам удалось примирить конфликт классовых идеологий, но не конфликт культурных идентичностей. Несмотря на очевидные экономические выгоды, Гонконг не хочет растворяться в Китае, как и его бывшая метрополия в ЕС. Китайский патриотизм как платформа объединения, на которую делало ставку руководство КНР, не оправдался. Гонконг оказался равнодушен к «китайской мечте» о великом возрождении. «Революция зонтиков», взбудоражившая власти КНР в 2014 г. и сыгравшая, вероятно, важную роль в формировании нового внутривластного курса КПК²⁶, оказалась лишь прологом к нынешним, крупнейшим в истории Гонконга выступлениям.

Сближение социально-экономических систем предопределило, что сегодня единственное принципиальное отличие между двумя частями Китая заключается в патриотизме великодержавного возрождения и местного, освященного британскими либеральными традициями. Национальное освобождение в результате деколонизации не привело к национальному объединению. Конфликт культурных идентичностей стал проявляться и на континенте, где граждане КНР не понимают гонконгского стремления к самобытности в эпоху всекитайского единения. Для жителей Гонконга, как и для КПК и жителей КНР, идентичность оказалась важнее экономических интересов и выгод. Главный интеграционный проект Пекина оказался под угрозой. Но и это не все.

Стихийный протест жителей Гонконга против любого сближения, кроме экономического, наносит не просто удар по системе «одно государство — два строя». Это удар по авторитету власти и лично Си Цзиньпина в критически важный для КНР период развития.

Политический кризис 2019 года

Смена высшего руководства в 2012 г. задала новое направление развитию КНР. После успешного проведения экономических реформ центр партийной работы без официального объявления переместился в область совершенствования общественных отношений. Си Цзиньпин начал борьбу с коррупцией и разложением власти, которая разрушала социалистические принципы социальной справедливости, подрывала моральный авторитет КПК и бросала вызов общественному строю. Для противодействия коррупции КНР вступила в международные организации по борьбе с экономическими преступлениями и отмыванием денег, подписала многочисленные межгосударственные соглашения об экстрадиции граждан КНР за уголовные преступления и т.д. Не меньше оснований Китай имел и для того, чтобы пресечь использование преступниками и коррупционерами Гонконга. Проект Закона об экстрадиции²⁷, внесенный в Законодательное собрание Гонконга в феврале 2019 г. главой администрации Кэрри Лам, распространялся не только на КНР, но и на Тайвань, Макао и другие юрисдикции, и не преследовал цель урезать автономию САР. Непосредственным поводом для его внесения послужило убийство, совершенное жителем Гонконга на Тайване, и скрывшимся затем дома, в Гонконге. Несмотря на такой контекст, общественное мнение Сянгана однозначно восприняло законопроект как еще одно свидетельство насильственной интеграции. Действительно, в случае одобрения законопроект позволял по решению главы гонконгской администрации

выдавать центральному правительству преступников, нарушивших законы КНР, уголовников, коррупционеров и др., к которым могли быть отнесены также противники КПК, правозащитники²⁸, т.е. все те, кто избежал выдачи по поправкам 2003 г.

Подобная интерпретация законопроекта подтвердила главное противоречие системы «одно государство — два строя»: в КНР ее считают путем к объединению с фиксированной датой — 2047 г., а в Гонконге — формулой сосуществования, ресурсы которой по сближению ограничены самой формулой, не допускают расширительного толкования, а наоборот, предполагают возможность сохранения особого статуса после 2047 г.

Первая демонстрация протеста против законопроекта состоялась 31 марта 2019 г., в ней приняли участие более 10 тыс. человек. Во время первой многотысячной акции протеста 9 июня произошли столкновения с полицией, действия протестующих были квалифицированы как бунт, что предполагает уголовное наказание участников сроком до 10 лет. Жестокость полиции, применившей слезоточивый газ, дубинки, резиновые пули и дымовые шашки, вызвала всеобщее возмущение. 15 июня Кэрри Лам отложила рассмотрение законопроекта «на неопределенный срок», но протестующие ей не поверили²⁹. В следующей акции, 16 июня, приняли участие около 2 млн человек. С тех пор протесты не прекращались.

1 июля, в 22-ю годовщину перехода Гонконга под юрисдикцию КНР, ежегодное шествие противников объединения собрало, по разным оценкам, от 190 тыс. до 550 тыс. человек. Они требовали отставки главы САР Кэрри Лам, отзыва из парламента законопроекта об экстрадиции, а также изменения процедуры выборов в Законодательное собрание, вернувшись, в сущности, к требованиям 2014 г. о всеобщем избирательном праве. Вечером 1 июля манифестанты разгромили парламент, исписали стены антиправительственными лозунгами, закрасили китайский герб Гонконга и вывесили на трибуне британский колониальный флаг.

7 июля правительство Гонконга пошло на новые уступки, объявив о бессрочной приостановке рассмотрения поправок к закону, а Кэрри Лам принесла публичные извинения за сложившуюся ситуацию. Но в воскресенье, 14 июля, тысячи людей вновь вышли на улицы. Через неделю, 21 июля, группа радикально настроенных демонстрантов ворвалась в здание Канцелярии по связям Центрального народного правительства в Сянгане, повредила государственный герб КНР, исписали стены оскорблениями. Рейтинг Кэрри Лам упал до исторического с 1997 г. минимума — 28%.

Между тем на фоне эскалации приближались выборы в законодательные советы 18 городских районов Гонконга. Администрация начала к ним подготовку. 4 сентября Кэрри Лам объявила, что проект закона будет отозван, 23 октября его официально отозвали. Джошуа Вонг не был допущен к участию в выборах. Одновременно было объявлено о начале выработки плана по изменению процедуры назначения главы администрации Гонконга. За неделю до выборов полиция предприняла штурм кампуса Политехнического университета и арестовала часть протестующих. Это было последнее, что можно было сделать перед выборами. На этом ресурсы власти были исчерпаны, применение силы и разгром штаба протестующих не привели к прекращению протестов и смене настроений. Результаты оказались прямо противоположны ожидаемым. Выборы 24 ноября 2019 г. в местные законодательные советы прошли при рекордной явке — более 71% (в 2015 г. было 47%). Сторонники Пекина потерпели сокрушительное поражение. Оппозиция получила 85% депутатских мандатов и большинство в 17 из 18 районов³⁰.

Победа была не только моральной, она придала организованный характер оппозиции, которая получила возможность провести на следующих выборах в Законодательное собрание Гонконга значительное число своих представителей и создать оппозицион-

ную действующей власти политическую силу, обладающую ясной и разделяемой большинством населения целью.

Пекин, как и в 2014 г., прямо не вмешивался в развитие ситуации и, похоже, стал свидетелем появления новой проблемы. В определенном смысле ситуация возвращается к 1984 г., но уже с новым участником, с которым предстоит заново определять принципы взаимоотношений и содержание концепции «одно государство — два строя».

Почти 200 лет Гонконг не обладал суверенитетом. Консолидация политической оппозиции открывает принципиальную возможность для такой постановки вопроса. Из сугубо функционального британского торгового и военного сообщества после смены статуса и превращения в финансовый центр Китая жители Гонконга выросли до осознания своей политической идентичности. В этих условиях лозунги Пекина за объединение вполне могут смениться лозунгами оппозиции за независимость.

На протяжении четырех десятилетий Китай до последнего избегал решительных действий как внутри страны, так и за рубежом, что стало одним из источников его успеха. Это, однако, не означает, что в его арсенале отсутствуют силовые средства. Статья 18 Основного закона Гонконга гласит: если в САР происходят беспорядки, которые создают угрозу единству и национальной безопасности КНР, центральное правительство может напрямую вводить в САР необходимые законы. Но даже без применения силы у Пекина остались рычаги для оказания экономического воздействия на непокорную территорию. Выступая на 20-летию возвращения Макао под юрисдикцию КНР 20 декабря 2019 г., Си Цзиньпин заявил о необходимости «диверсификации направлений экономического развития» Макао³¹. В этом заявлении на Западе увидели желание Пекина превратить Макао в новый финансовый центр Восточной Азии.

Нет никаких сомнений в том, что Пекину удастся преодолеть негативные последствия экономического спада в Гонконге. Исключительно важная роль в начальный период проведения реформ в континентальном Китае способствовала сохранению идентичности Гонконга. Играя системообразующую роль в политике реформ и открытости, он постепенно становился неотъемлемой частью экономической системы КНР. Но время, когда ему не было альтернативы, прошло, за 40 лет сформировались мощные международные финансовые центры в Пекине, Шанхае и Шэньчжэне, куда, по крайней мере частично, переместится финансовая активность. Острая зависимость Пекина от Гонконга пропала, а у Гонконга, наоборот, усилилась. Экономическое положение Гонконга на протяжении всего этого времени улучшалось³², но его место в экономике КНР неуклонно снижалось. После 1997 г. доля Гонконга в ВВП КНР с 17% снизилась до 3%, а в 2018 г. его впервые превзошла экономика соседнего Шэньчжэня. Китай успешно использовал Гонконг, который становился экономической частью КНР, но одновременно терял свою уникальность. Но все же остается одна сфера, в которой его трудно заменить — особая роль в объединении Китая. Вызванный политическими потрясениями экономический кризис в Гонконге неизбежно лишит его пилотной роли в осуществлении концепции «одно государство — два строя».

Тень Тайваня и «Пояс и путь»

В 1981 г. идея «одно государство — два строя» была сформулирована для воссоединения с Тайванем, и хотя в 1980-е годы она не осуществилась, историческая задача не потеряла актуальности. Протесты в Гонконге бросили новый вызов ее решению. Подобно тому, как в свое время возвращение Аомэня под юрисдикцию КНР было поставлено в зависимость от возвращения Гонконга³³, так и мирное возвращение Тайваня в значительной степени зависит от интеграции Гонконга в КНР. Политические выступления в Гонконге в 2019 г. заронили сомнения в ее реалистичности. Выясняется, что

одних экономических ресурсов для реализации этого плана КНР недостаточно. Экономическое давление оказывается малоэффективным и контрпродуктивным. Гонконг несет серьезные экономические потери, но они пока никак не сломили его стремления к сохранению идентичности.

Неэффективность имеющихся в распоряжении Пекина средств усугубляется негативным эффектом от их применения на международной арене. Экономические санкции, а тем более применение силы, способны нанести непоправимый ущерб его репутации и продемонстрировать жителям Тайваня непривлекательные перспективы практической реализации идеи «одно государство — два строя».

Уже сейчас политические процессы в Гонконге обнаруживают тесную связь с политическим развитием на Тайване, который, как и Гонконг, находясь в орбите КНР, чутко реагирует на каждое возмущение в движении другого спутника. «Революция подсолнухов» на Тайване в марте 2014 г. показала жителям Гонконга пример в борьбе с экспансией КНР. Тогда жители Тайваня выразили протест планам углубленной интеграции, в действительности экономически более выгодной Тайваню, чем КНР. На этот раз уже события в Гонконге оказывают влияние на Тайвань и серьезно улучшили позицию действующего президента Тайваня, избранной от выступающей за независимость Демократической прогрессивной партии Цай Инвэнь на президентских выборах в феврале 2020 г.

Объединение Родины — важнейший пункт плана по возрождению Китая. Часть Большого Китая, демонстрируя политическую оппозицию центру и не соглашаясь с патриотической идеей Пекина, ставит под сомнение саму идею возрождения, во всяком случае, требует ее уточнения, бросая вызов не только руководству КПК, но и состоятельности теории Си Цзиньпина о возрождении, частью которой, хотя и широко не афишируемой, является восстановление мироустроительных функций Поднебесной.

Концепция «одно государство — два строя» выступала первым частным случаем реализации мироустроительной функции Китая на внешней арене. Сейчас эти функции могут быть реализованы в инициативе «Пояса и пути». Как следует из материалов XIX съезда КПК, Китай не ставит задачу опередить развитые страны Запада по уровню экономического развития и тем более ВВП на душу населения, но претендует на то, чтобы стать примером справедливого общественного устройства.

Авторитет Китая и привлекательность его модели на пространстве Евразии и Африки базируется не только на размерах потенциальных инвестиций, темпах роста и масштабах экономики. Эффективность экономики не может компенсировать недостатки политической системы и государственного устройства. Претензии на моральное лидерство предполагают уважение интересов и ценностей внешнего мира, не допускают использования силы, включая экономические санкции. В этих условиях Гонконг больше не критически важная точка экономического роста, но он сохранил свое значение как опытное пространство мироустроительных функций Китая.

-
1. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988, С. 52, 61, 92–95.
 2. История Китая с древнейших времен до начала 21 в. Т. 9 Реформы и модернизация. / отв. ред. А.В.Виноградов. М., 2016. С. 248.
 3. Дайи чжэнчжи луйпишу. Дайи чжэнчжи цзай Сянган дэ цзиньбу фачжань. Ди шицзю чжан: [Зеленая книга представительной политической системы. Дальнейшее развитие представительной политической системы в Гонконге. (19-я статья.)] // Сянган чжэнчжи фачжань цзыляо тунбянь. Сянган, 1984. С. 264.

4. Реформы административного плана начались немного раньше. В 1982 г. были созданы 18 районных советов, треть депутатов которых напрямую избиралась населением. См.: Дайи чжэнчжи люйпишу. Дайи чжэнчжи цзай Сянган дэ цзиньibu фачжань. Ди шиу чжан: [Зеленая книга представительной политической системы... (15 статья)]. Сянган, 1984. С. 263.
5. Как управляется Китай. Эволюция властных структур Китая в 1980-е — 1990-е годы 20 в./ под ред. Л.М. Гудошников. М., 2001. С. 434.
6. *Афонасьева А.В.* Как зарубежные китайцы помогают КНР // *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 8. С. 31. — «В 1979–1985 гг. примерно 2/3 иностранных инвестиций в Китае были из Гонконга». *Александрова М.* Стратегия внешнеэкономической деятельности КНР // *История Китая с древнейших времен до начала 21 в. т. 9. Реформы и модернизация. 1976–2009*. С. 265. «И до сих пор Гонконг лидирует в качестве основного источника иностранных инвестиций в КНР. По состоянию на 2015 г. на него приходилось 68% зарубежных инвестиций в экономику Китая». *Новоселова Л.В., Терентьева Т.Г.* Инвестиции // *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура*. 2014–2015. М., 2016. С. 108.
7. В 1981 г. на Гонконг и Макао приходилось 17,3% внешнеторгового оборота КНР. *История Китая с древнейших времен до начала 21 в. т. 9. Реформы и модернизация*. М., 2016. С. 246. «В 1997 г. на Гонконг приходилось 14% внешнеторгового оборота». Там же. С. 501.
8. World Economic Outlook Database — October 2019. IMF. [https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEO_WORLD В Восточной Азии Гонконг уступает только Аомэню и Сингапуру](https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEO_WORLD%20В%20Восточной%20Азии%20Гонконг%20уступает%20только%20Аомэню%20и%20Сингапуру).
9. О Соглашении о тесном экономическом партнерстве см.: *Портяков В.Я.* Муравей грызет кость. М., 2018. С. 422.
10. *Портяков В.Я.* Шэньчжэньский камертон. М., 2017. С. 23.
11. *История Китая с древнейших времен до начала 21 в. т. 9. «Реформы и модернизация. 1976–2009»*. М., 2016. С. 255. О масштабе и роли этой миграции свидетельствует, в частности, то, что по гонконгскому законодательству для получения права на участие в выборах необходимо проживать в Гонконге всего 7 лет. Дайи чжэнчжи люйпишу. Дайи чжэнчжи цзай Сянган дэ цзиньibu фачжань: [Зеленая книга представительной политической системы. 1984. С. 262.
12. Audrey Jiajia Li. With divergent values, it's increasingly difficult for Hongkongers and mainlanders to understand each other. // *South China Morning Post*. 02.07.2019.
13. После 1997 г. было установлено равенство китайского и английского языков, в этих условиях выбор континентальными китайцами английского в качестве предмета обучения и средства общения, а не кантонского, был очевиден.
14. URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/27/world/asia/hong-kong-protests-identity.html>.
15. URL: https://www.indexmundi.com/hong_kong/distribution_of_family_income_gini_index.html.
16. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=CN>.
17. См.: «One country, two systems» in crisis: Hong Kong's transformation after handover./ ed. by Wong Yiu-chung. Plymouth, 2008.
18. Occupy Central — по аналогии с движением Occupy Wall Street в 2014 г. Нью-Йорке.
19. *Ломанов А.* Общий знаменатель нации // *Россия в глобальной политике*. М., 2016. Т. 13. № 5. С. 143.
20. Xi Jinping chuxi «Gao Taiwan tongbao shu» fabiao 40 zhounian jinianhui bing fabiao zhongyao jianghua. (Си Цзиньпин принял участие в торжественном заседании посвященном 40-летию опубликования «Обращения к тайваньским соотечественникам» и выступил с важной речью.) URL: <http://tw.people.com.cn/GB/43949/423685/index.html>.
21. Чжунгун чжунъян гоуянь иньфа Юэ Ган Ао Даваньюй фачжань гуйхуа ганьяо. (Совместный документ ЦК КПК и Госсовета План развития района «Большого залива» Гуанчжоу, Гонконг, Макао.) URL: <http://gd.people.com.cn/n2/2019/0218/c123932-32652816.html>.
22. URL: <http://gd.people.com.cn/n2/2019/0218/c123932-32652816-2.html>.
23. См.: *Портяков В.Я.* Шэньчжэньский камертон. М., 2017. Сс. 22, 59, 76.
24. Audrey Jiajia Li. With divergent values, it's increasingly difficult for Hongkongers and mainlanders to understand each other. // *South China Morning Post*. 2.07.2019.
25. В то время как гонконгцами считают себя 52,9%. См. *South China Morning Post*. 20.12.2019. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3042920/chinese-president-xi-jinping-heaps-praise-macau-citing>.

26. Виноградов А.В. Новый авторитаризм в Китае // Социально-политическая ситуация накануне 19 съезда КПК. / отв. ред. А.В.Виноградов. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 15 и 17 марта 2017 г.) ИМ. Серия В. Выпуск 32. Общество и государство в Китае в ходе реформ. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 46–47.
27. «Fugitive Offenders and Mutual Legal Assistance in Criminal Matters Legislation Bill 2019» («Законопроект о Беглых преступниках и взаимной правовой помощи по уголовным делам»).
28. См. CAP 503 Fugitive Offenders Ordinance. URL: <https://www.hkllii.hk/eng/hk/legis/ord/503/index.html>.
29. С момента избрания Кэрри Лам воспринималась жителями Гонконга как ставленник Пекина. По опросам общественного мнения накануне выборов главы администрации в 2017 г., ее поддерживали 27,6% населения Гонконга, а экс-министра финансов Джона Цанга 44%.
30. The Guardian. 24 November 2019.
31. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/1221/c64094-31516605.html>.
32. С 2003 г. ВВП Гонконга вырос в 2 раза. Hong Kong Inequality Report. HK, L., 2018. P. 14. URL: https://www.oxfam.org.hk/tc/t/news_and_publication/16372/Oxfam_inequality%20report_Eng_FINAL.pdf.
33. История Китая с древнейших времен до начала 21 в. т. 9. «Реформы и модернизация. 1976–2009». М., 2016. С. 316.

A.Vinogradov. Hong Kong — 2019: A Challenge to the “One State — Two Systems” Concept

Mass protests in Hong Kong in 2019 became a part of the growing opposition movement to the reunification with the PRC in 1997. Half time allotted by the 1984 Joint Declaration between the UK and the PRC for the gradual reunification with the PRC in 2047 has passed. Despite the close and mutually beneficial economic ties the reunification of the two systems does not occur. On the contrary, a conflict of identities is growing in the Special Administrative Region of Hong Kong. The Hongkong citizens strive to maintain their autonomy and civil liberties. These sentiments are especially strong among the younger generation, which is the main driving force of the protests. The victory of the opponents to the integration with Beijing in the District Council elections in November 2019 could be the beginning of the formation of political opposition to the course for reunification with China and cast doubt on the fundamental feasibility of the concept “One State — Two Systems”, the prospects of its extension to relations with Taiwan, and also create a threat to the realization of the "Chinese dream of the great rejuvenation" and the restoration of its world-building functions in the international arena.

Key words: 2019 Hong Kong protests, “One State — Two Systems”, China, world-building functions, integration in East Asia.

Экономика

Подвижки в моделировании социального жилья в Китае

© 2020

Ван Мэнлин, Вэй Лиань, Ци Цзэфэн

Новые задачи, вставшие перед китайской программой гарантированного социального жилья, заключаются в достижении целей всеобщего обеспечения всех нуждающихся в этом граждан. С учетом государственной поддержки и практического опыта реформы, проводимой в Сямэне, Шанхае, Пекине (и еще в ряде городов), авторы статьи анализируют модель общественного арендного жилья и совместного права собственности, предлагают общее видение развития программы доступного жилья, проходящую успешную экспериментальную поверку в Китае.

Ключевые слова: г. Сямэнь, гарантированное социальное жилье, проблемы прерывания контракта, качество жилищного обслуживания.

DOI: 10.31857/S013128120008830-4

Зарубежный опыт

Обратимся к опыту жилищного законодательства за рубежом. В Великобритании функционирует «Закон о планировании в сфере жилищного градостроительства», в США, по нашим данным, в 1990 г. были оглашены специальный «Кодекс о национальном гарантированном жилье» и «Жилищный кодекс о защите малообеспеченных слоев населения». В США в 1997 г. был принят «Закон о жилищной реформе, субсидировании и поддержке», обеспечивший законодательную базу политики в области субсидирования и поощрения программ предоставления гарантированного жилья.

Сравнивая Китай с вышеуказанными странами, можно констатировать, что в нашей стране пока еще отсутствует соответствующая правовая основа в области гарантированного жилья. Жилищная политика в Китае реализуется на основании админист-

Вэй Лиань, доктор управленческих наук, доцент Сямэньского университета (КНР).

E-mail: weiliyan7691@xmu.edu.cn.

Ци Цзэфэн, магистр управленческих наук, аспирант Сямэньского университета.

Ван Мэнлин, магистр управленческих наук, аспирант Сямэньского университета.

Статья выходит при финансовой поддержке общественной научной исследовательской базы провинции Фуцзянь FJ2018JDZ038 (Центр исследований по вопросам качества общественных услуг Сямэньского университета), нацеленной на развитие проектов, связанных с философскими и социальными науками.

ративных распоряжений, правил, обнародованных Государственным советом и соответствующими функциональными подразделениями Центрального правительства. Ощущается нехватка общегосударственных, комплексных законов, а также местного законодательного регулирования.

Отсутствие такой правовой основы, с одной стороны, усложняет контроль местных органов в сфере гарантированного жилья, а с другой стороны, не может гарантировать эффективное осуществление жилищной политики в юридической плоскости.

В настоящее время различного рода проблемы, возникающие в ходе строительства и управления доступным жильем в Китае, связаны с несовершенством механизма управления, а также запаздыванием построения правовой системы. Работа в проектах по строительству и управлению доступным жильем в Китае требует не только координации и сотрудничества различных правительственных департаментов, но также и разъяснения и юридической поддержки одного или нескольких законодательных актов.

Ограничители в деле создания социального арендного жилья

Объектами общественного арендного жилья в Китае являются проживающие в городах и поселках семьи, большинство которых обладает средним и низким уровнем дохода. Сейчас данными объектами постепенно становятся малообеспеченные семьи их городов и поселков, испытывающие жилищные трудности. Социальные гарантии должны быть предоставлены всем нуждающимся, однако из-за большого количества малоимущих власти еще не могут покрыть потребности всех. Хотя в последние годы некоторые регионы постепенно ослабили жесткие ограничения, связанные с регистрацией по месту жительства в городах и поселках, однако в реальности не имеющих регистрации приезжих работников ожидают значительные сложности с подачей заявлений, длительный период ожидания, им по-прежнему трудно воспользоваться арендной жилищной политикой.

Почин Сямэньской модели социального жилья

В мае 2006 г. руководство крупного портового центра восточного Китая Сямэня выступило с новаторской инициативой: обеспечивать жильем семьи со средним и низким уровнем дохода. Началом послужили два десятка соответствующих управленческих и эксплуатационных методик (среди которых стоит выделить «Положение об управлении жилищным фондом социального обеспечения», оглашенное в мае 2009 г.) На этой основе сформировался механизм управления процессом реализации проекта «Гарантированное социальное жилье», известного под наименованием «Сямэньская модель».

Эта идея уже претворяется в жизнь, но ее корректировка, доработка продолжают. Так, в феврале 2018 г. городская мэрия огласила «Меры по управлению гарантированным жильем, предоставляемым в аренду на муниципальном уровне в городе Сямэнь»¹. Документом предусматривается, что эксплуатация и управление государственным арендным жильем в Сямэне должны отвечать принципам: «руководит государство, хозяйствуют предприятия на основах открытости, справедливости и беспристрастности», что относится и к малогабаритным жилищам эконом класса, и к многоквартирным домам.

Пользователями социального жилья вправе стать нуждающиеся в нем семьи со средним и выше среднего уровнем дохода по данному городу, ценные кадры, не пользующиеся другими жилищными льготами, а также лица, имеющие здесь стабильную работу при отсутствии жилья. Приоритетно жильем обеспечиваются лица, задействованные в муниципальной сфере услуг те, кто трудятся в тяжелых условиях или в отраслях промышленности приоритетного развития.

По ходу претворения в жизнь «сямэньской модели» проявилась насущность упорядочения правил расторжения арендного контракта либо отказа администрации от его продления.

Во-первых, отказ правомерен, если подаваемое нанимателем заявление не соответствует условиям продления аренды. Во-вторых, если на протяжении срока аренды наниматель (не включая организации) посредством покупки, получения в дар, наследования и пр. получил другое жилье. В-третьих, если на протяжении срока аренды наниматель арендовал другое социальное жилье.

В «Сямэньской модели» реально стал претворяться в жизнь принцип, выдвинутый Центральным Комитетом КПК — «Использовать жилье для проживания, а не для спекуляций», В 2017–1918 гг. общая площадь застройки составила здесь около 1,43 млн кв. м. Однако система нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Информационная асимметрия в вопросах социального жилья

Расторжение контрактов с обладателями общественного арендного жилья есть динамичный процесс, постоянно формирующий резервы жилищного фонда: после того как уровень жизни того или иного заемщика улучшился и он перестал соответствовать критериям нуждающегося в жилье, ему надлежит расторгнуть договор, освобождая место для граждан, имеющих реальные трудности с жильем. Оказалось, однако, что в этой сфере налицо информационная асимметрия: информации о том, что де-факто тот или иной заемщик перестал отвечать критериям нуждающегося в социальном жилье — задача непростая. К тому же по мере изменений, происходящих на этапе экономического и социального развития, становятся более многообразными источники доходов отдельных граждан.

Сложности финансирования строительства арендного жилья

В соответствующей документации Госсовета четко регламентировано, что местным органам власти запрещается заниматься инвестиционной и финансовой деятельностью в компаниях, представляющих собой финансовые платформы доступного жилья. На практике местная компания, занимающаяся проектами доступного жилья, подчиняющаяся местному правительству, берет заем у банка для строительства жилья, а затем возвращает его финансовыми средствами или гарантией местного правительства. Это напоминает модель финансирования общественного жилья в Сингапуре. Основным источником средств является финансовое распределение, а не социальный капитал. Как правило, для поддержки нормального функционирования проектов требуется непрерывное финансовое субсидирование со стороны государства. В недостаточно развитой инвестиционной среде цикл обращения социального капитала в сфере гарантированного жилья достаточно длинный, финансовая оперативность понижена, а возможные риски высоки.

Оптимизация правовых установок в сфере арендного жилья

Принятое в КНР «Положение о социальных жилищных гарантиях» способствовало координации функционирования сферы доступного жилья, с юридической точки зрения четко регламентировало определение объекта, критериев управляющей организации, источников финансирования, а также наказание за незаконное пользование общественным арендным жильем. Таким образом, в законодательной форме каждому гражданину было гарантировано базовое право на жилище, достигнута относительная справедливость

В настоящее время общественное арендное жилье в Китае относится к категории основных социальных услуг, предоставляемых местными органами власти, и в большинстве случаев увязанных с регистрацией граждан по месту жительства. Приезжие рабочие не могут пользоваться социальными услугами. Поэтому необходимо эффективно увеличивать охват доступным жильем, чтобы рабочие-мигранты, горожане с низким уровнем дохода и новые жители городов получали возможность им пользоваться.

Обеспечение правдивой информации об объектах социального арендного жилья

Необходимо четко обозначить важность личной кредитной информации, касающейся объектов общественного арендного жилья, ускорить строительство и оптимизацию систем управления информатизацией и личной кредитоспособностью, а также взять на учет малообеспеченные семьи с жилищными трудностями, своевременно обновлять текущую информацию касательно их доходов и осуществлять динамическое управление. Необходимо учредить архивную систему для хранения личной кредитной информации об объектах, создать кредитный архив, касающийся семей, подающих заявления на получение гарантированного жилья. Также следует провести интеграцию с системой управления и кредитной системой налоговых и финансовых департаментов для всестороннего анализа кредитных и имущественных данных заявителя.

Опыт государственно-частного партнерства в сфере социального арендного жилья

Строительство общественного арендного жилья неотделимо от большого объема капитала. Недостаточно полагаться исключительно на финансирование правительства, поэтому также требуются инвестиции от различных отраслей и использование различных моделей финансирования. Необходимо поощрять привлечение инвестиций социального и частного капитала в целях обеспечения проведения успешного строительства общественного арендного жилья. Если модель государственно-частного партнерства основывается на финансовых вложениях правительства, возможно эффективное использование роли социального капитала в строительстве социального жилья, стимуляция диверсифицированной инвестиционной структуры и расширение источников средств для строительства, благодаря сотрудничеству правительства и частного сектора, привлечению частного капитала для строительства социального арендного жилья.

Социальное жилье при соблюдении права совместной собственности — модель округа Хуайань

Еще в марте 2007 г. муниципальный комитет и правительство округа Хуайань пров. Цзянсу выпустили «Мнение о реализации девяти крупных проектов помощи народу» (Мнение о реализации проекта жилищного строительства городского округа Хуайань) и «Административные меры, выдвинутые муниципальным комитетом и правительством округа Хуайань, касающиеся строительства гарантированного жилья». В стране была впервые внедрена модель права совместной собственности гарантированного жилья путем уступки, интеграция ориентировочной цены, выдвинутой правительством, с рынком. Применение права совместной собственности на недвижимое имущество, в разных долях принадлежащее покупателям — гражданам и правительству, помогает обеспечивать жильем соответствующие группы населения.

Городской округ Хуайань стал первым регионом в стране, который провел реформу модели права совместной собственности жилья эконом класса. Физическое лицо

выкупает государственное имущественное право либо применяется рыночная переуступка, при этом прибыль распределяется местным правительством в соответствии с долей: при «выходе» прибыль поступает правительству, «выход» ограничивает «вход».

Шанхайская модель

В 2010 г. в Шанхае была запущен проект первой партии жилья, в которой жилищные и экономические условия были приведены к стандартным критериям, при этом был применен механизм функционирования «общего права собственности». После проведения пилотного проекта в городе Хуайань пров. Цзянсу, Шанхай пошел дальше и ограничил срок выкупа права собственности, а также четко определил обязательства обратного выкупа правительством. Пилотные проекты в области права общей собственности, проведенные в Хуайани и Шанхае, достигли высоких результатов и были выбраны в качестве образцовых для популяризации по всей стране. В апреле 2014 г. Министерство жилищного строительства и городского развития выпустило «Уведомление о хорошей работе в сфере обеспечения жильем в 2014 году». Шесть городов, включая Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь, Чэнду, Хуайань и Хуанши, стали первыми пилотными городами в области внедрения права совместной собственности. В 2016 г. Шанхайское муниципальное правительство издало «Меры по управлению правом совместной собственности гарантированного жилья в Шанхае», а система доступного жилья эконом класса была официально упразднена. В сентябре того же года Шанхайский муниципальный комитет по жилищному строительству и управлению городским и сельским строительством, а также еще пять департаментов выработали «Подробные правила управления и реализации после предоставления права совместной собственности гарантированного жилья в Шанхае», в которых были предусмотрены обратный выкуп через 5 лет после покупки жилья покупателем. В то же время предусмотрены ситуации, возникающие при обнаружении нарушений при использовании правом совместной собственности, а также принимаемые меры согласно идентификации выявленных нарушений. В целях реализации вышеуказанных правил подготовлены соответствующие стратегические меры². По состоянию на 2017 г. в Шанхае было запущено шесть проектов в области права совместной собственности на социальное жилье.

Пекинская модель

В сентябре 2014 г. Министерство жилищного строительства и городского развития опубликовало «Мнение касательно поддержки экспериментальных проектов в сфере жилья с правом совместной собственности в Пекине и Шанхае».

Впоследствии Пекин запустил экспериментальный проект развития в сфере жилья с правом совместной собственности. Нынешняя модель управления жильем с правом совместной собственности является одной из наиболее зрелых.

Пекинский муниципальный комитет по жилищному строительству и развитию городов и сельских районов, а также другие департаменты в 2017 г. совместно выпустили «Временные меры по управлению жильем с правом совместной собственности в Пекине», в которых говорится, что покупатели-заявители должны соответствовать следующим условиям: во-первых, быть полностью дееспособными. В число семьи-заявителя входят супруги и несовершеннолетние дети. Если заявитель одинокий человек, ему должно быть не менее 30 лет. Во-вторых, семья-заявитель должна отвечать условиям ограничения на покупку жилья в данном городе, члены семьи не должны иметь жилья в данном городе, а распределение жилья происходит в форме жеребьевки. Что касается механизма выхода, есть большие изменения по сравнению с предыдущими пилотными проектами в других городах. Если срок права совместной собственности

покупателя в Пекине составил 5 лет, владелец имеет право переуступить свою долю по рыночной цене. Первым делом покупатель подает заявление на переуступку в Бюро по управлению жильем, которое проводило изначальное распределение, уточняет цену, по которой будет производиться переуступка. При равнозначных ценовых условиях холдинговая организация может приобрести его в первую очередь. Далее, если холдинговая организация отказывается от преимущественного права покупки, продавец может опубликовать информацию о переуступке доли собственности на сервисной интернет-платформе холдинговой организации, при этом объект переуступки должен соответствовать условиям приобретателя совместной собственности. Приобретенные новым собственником права собственности по-прежнему являются «совместным имуществом», при этом доли остаются неизменными³. То есть, характер совместной собственности в механизме выхода остается неизменным. Решение вопросов недостаточной оптимизации механизма выхода в сфере гарантированного жилья распределительного типа, процесс вливания на рынок коммерческого жилья позволят в конечном итоге избежать «спекуляций в сфере совместной собственности на недвижимость», которые могли бы нарушить дух социальной политики в области обеспечения жильем, а также попирали бы интересы населения с низким и средним уровнями доходов.

Недавно внедренная в Пекине система права совместной собственности была с благодарностью принята семьями с низким и средним уровнями дохода, которые остро нуждались в жилье. В качестве примера можно привести Пекинский район Чаоян парк Цзиньдуця. Жилищный фонд в этом районе насчитывает 427 единиц с общим правом собственности, а число заявителей составляет 160 000 человек. Только 120 000 из семей-заявителей прошли проверку, а соотношение семей-заявителей и жилья составляет около 281: 1.

Поскольку система жилья с правом совместной собственности все еще находится на начальном этапе исследований и изысканий, эффективность и проблемы соответствующей политики в обществе в целом еще четко не выявлены. Поэтому в настоящей статье рассмотрены некоторые ключевые направления будущего развития жилья с правом совместной собственности с целью стандартизированного, унифицированного и гибкого регламентирования прав и обязанностей, возникающих между субъектами прав собственности, с тем чтобы владельцы права общественной собственности и владельцы с правом частной собственности могли бы пользоваться соответствующим совместным правом на гарантированное жилье.

Построение механизма управления рисками в сфере права совместной собственности

Сфера недвижимости с правом совместной собственности имеет важное значение для оптимизации модели обеспечения гарантированным жильем, а также способствует социальной справедливости в обществе. Право совместной собственности обеспечивает относительно оптимальный механизм решения и предохранения при решении проблем поиска аренды в области доступного жилья. Вследствие этого дополнительная покупка и выкуп доли права совместной собственности должны быть строго регламентированы. В кратчайшие сроки надлежит прекратить либо четко зафиксировать канал изменения доли государства в совместной собственности, что станет оптимальным механизмом управления и контроля рисками в этой сфере. Тем самым сократится пространство для поиска ренты, а также можно будет избежать несправедливого распределения льгот между государством, социумом и объектами гарантированного жилья.

Создание эффективной системы управления жильем с правом совместной собственности

Решение вопросов управления жильем — важная гарантия долгосрочного, стабильного осуществления политики в сфере жилья в совместной собственности. В случае, если у объектов обеспечения гарантированным жильем появляется неудовлетворенность общим уровнем домоуправления в микрорайонах, проводятся проверки проектирования, строительства, проведения сделок, квалификации, а также предпринимается ряд управленческих мер. Очевидно, что опираясь лишь на департамент гарантированного жилья, сложно обеспечить полную эффективность осуществления политики обеспечения гарантированным жильем. Необходимо привлекать специальные структуры для осуществления координации строительства, эксплуатации и управления на начальном, среднем и заключительном этапах. В рамках системы общей собственности покупатель приобретает часть права собственности на недвижимость, однако обладает правом пользования всем жилищем, поэтому правительству сложно как взять на себя обязанности совладельца, так и осуществлять свои права. Таким образом, в будущем основное внимание должно быть уделено созданию модели управления, которая координирует и уравнивает интересы обеих сторон.

Дефицит объектов образования и здравоохранения

Жилищные проблемы населения с низким и средним уровнем дохода остаются объектами пристального внимания государства. Уровень базового сервиса в этой сфере все еще относительно низок. А больше внимания на всех уровнях уделяется тому, как завершить строительство гарантированного жилья в установленные сроки. Основные силы направлены на строительство и оптимизацию системы, при этом базовые медицинские услуги, образование, инфраструктура значительно отстают от темпов строительства.

Помимо проблем основных городских транспортных путей сообщения, для некоторых маршрутов, например, характерны весьма длинные интервалы. Большинство запланированных площадок гарантированного жилья расположено на окраинах города. Здесь налицо нехватка базовых учебных заведений, а в каких-то местах даже их полное отсутствие, городские образовательные ресурсы оказываются отгорожены географическим барьером. Кроме того, многие из проживающих здесь из-за отсутствия регистрации не могут посещать начальные школы в городах, им приходится вносить высокую плату за обучение в частных школах. Запланированные здесь на начальном этапе школы представляют из себя второсортные образовательные учреждения из-за плохой образовательной среды, слабого преподавательского состава и низкого качества преподавания.

Медицина и здравоохранение являются необходимыми ресурсами в повседневной жизни населения. Нам известно, что городские профессиональные медицинские учреждения, такие как больницы общего профиля, специализированные больницы и др. большей частью расположены в районах с удобным транспортом. А на ранних этапах строительства гарантированного жилья государственные ведомства не в полной мере приняли во внимание личные базовые интересы этих специальных групп населения.

* * *

В настоящей статье проведен двусторонний анализ системного планирования и выбора политики в отношении коммерческого жилья арендного типа, общественного арендного жилья и жилья с совместной собственностью как субъектов гарантированного жилья. Можно заметить, что в Китае на текущий момент уже сформировался начальный этап относительно оптимальной жилищной системы, также воплощен начальный этап

достаточно готовой концепции высокоуровневого планирования. Следующим ключевым звеном является повышение качества обслуживания. Только полагаясь на реалии новой эры, мы сможем создать сугубо научную, рациональную и демократическую систему обеспечения жильем, проводить политику предоставления услуг, тем самым реализовать базовую цель всего народа — получение жилья всеми нуждающимися.

1. Методы управления гарантированным жильем на муниципальном уровне, г. Сямэнь [ЕВ/ОЛ]. (2014–03–05) / Веб-ресурс строительного управления г. Сямэнь. URL: http://www.xmjs.gov.cn/gzdh/bzzf/zcfg/201802/t20180202_1846343.htm.
2. «Подробные правила управления и реализации после предоставления совместного права собственности гарантированного жилья в Шанхае», выработанные Комитетом по управлению городским жилищным и городским и сельским строительством, а также пятью департаментами [ЕВ/ОЛ]. (2016–09–30) / Веб-ресурс городского народного правительства, г.Шанхай. URL: <http://www.shanghai.gov.cn/nw2/nw2314/nw2319/nw12344/u26aw49956.html>.
3. Уведомление о выпуске «Временных мер об управлении жильем с совместным правом собственности в Пекине» [ЕВ/ОЛ]. (2017–09–20) / Комитет городского жилищного строительства и городского развития Пекина. URL: <http://www.bjjs.gov.cn/bjjs/xxgk/ztzl/gycqzf/zcfg23/432910/index.shtml>.

Wang Menling, Wei Liyan, Qi Zefeng. Progress in the Modeling of Social Housing in China

The new challenges presented by the Chinese guaranteed social housing program are to achieve the goals of universal provision it for all citizens in need. Given the state support and the practical experience of reform in Xiamen, Shanghai, Beijing and some other cities, the authors analyze a model of social rental housing and co-ownership, offer a common vision for the development of affordable housing that is undergoing a successful experimental verification in China.

Key words: Xiamen, guaranteed social housing, problems of contract termination, quality of housing services.

Феномен «взрослых усыновлений» как фактор долголетия японских компаний

© 2020

С.К. Лысенко, Д.А. Щербаков

В настоящей статье рассматривается феномен «взрослых усыновлений» в Японии, а также основные исторические и социальные аспекты распространения этого феномена. Анализируются типы наследования собственности в японских семейных компаниях. Кроме того, авторы приводят подробное описание структуры *изэ* — японских домохозяйств. Также рассматриваются крупнейшие японские корпорации, использующие механизм «взрослых усыновлений». В заключении делаются выводы эффективности применения данных механизмов по сравнению с традиционными видами наследования собственности.

Ключевые слова: МСП, семейный бизнес, семейное предприятие, Япония, наследник, усыновление.

DOI: 10.31857/S013128120008831-5

Одному из крупнейших американских магнатов Э. Карнеги приписывается следующее утверждение: «унаследованное богатство умерщвляет талант и энергию»¹. Компании, контролируемые наследниками, со временем начинают значительно уступать по конкурентоспособности фирмам, управляемым профессиональными менеджерами. Кроме того, как показывает практика, срок существования семейных предприятий в большинстве случаев весьма недолговечен: в частности, в США этот показатель не превышает 24 лет². Однако эта закономерность минует японские семейные предприятия. Многие японские гиганты, такие как Судзуки, Мицуи, Сантори и т.д., являясь семейными фирмами, успешно ведут бизнес не только в Японии, но и за ее пределами. Средний возраст японской семейной компании составляет 52 года, что в два раза выше, чем в США³. В Японии насчитывается около 1150 семейных фирм, возраст которых превышает 200 лет, и по этому показателю страна существенно опережает многие европейские страны, включая Германию (856 фирм), Нидерланды, (240) и Австрию (167 фирм). 25 японских предприятий были основаны до 1191 г., 65 — в период с 1192 до 1573 г. Основанная в 528 г. компания «Конго-гуми» до 2006 г. была старейшим семейным предприятием в мире. Сейчас старейшим предприятием Японии является гостиница «Хоси», основанная в 728 г., которая считается старейшим отелем в мире⁴.

96% предприятий в Японии считаются семейными, они обеспечивают более 70% рабочих мест на рынке труда⁵. Прогрессирующая проблема старения японского

Лысенко Софья Константиновна, ведущий советник Департамента производительности и эффективности Минэкономразвития России. E-mail: Lysenkosc@economy.gov.ru.

Щербаков Денис Аркадьевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель руководителя Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: dshcherbakov@hse.ru.

населения ставит под угрозу традицию передачи семейного дела от родителей детям. Все чаще в семье, которой принадлежит предприятие, либо в принципе отсутствуют наследники мужского пола, либо они по тем или иным причинам оказываются неспособны возглавить семейное дело⁶. Кроме того, Чжон Ук Сим в своем исследовании «Вред кумовства: эмпирический анализ японских семейных предприятий» приходит к выводу о том, что наибольшее снижение эффективности семейных предприятий заметно в компаниях, где на пост руководителя приходят кровные родственники основателя, не закончившие элитный вуз⁷. Наиболее эффективными управленцами, согласно его исследованию, оказываются или наследники — *мукоё:си* (婿養子, букв. «усыновленный зять»), или наемные менеджеры.

Феномен «взрослых усыновлений» получил широкое распространение в Японии. Большая часть осуществляемых в этой стране усыновлений приходится на молодых мужчин в возрасте от 20 до 30 лет⁸. В настоящей статье авторы рассмотрят основные исторические и социальные аспекты распространения этого феномена.

Виды усыновлений в Японии

Еще в Древней Японии существовала практика усыновления ребенка мужского пола из других семей, позволявшая ему наследовать статус главы семьи не только в случае отсутствия наследников по прямой линии, но и в ситуации, если существующий наследник не был в состоянии принять на себя управление семейным имуществом⁹. Как отмечает социолог института Хакуходо М. Фудзивара, исторически эта практика была гораздо более распространена в западных регионах Японии, где сосредоточились семьи торговцев, которым было необходимо обеспечить передачу семейного дела способному наследнику. При отсутствии достойного сына часто заключался брак между привлекательным кандидатом на должность преемника и дочерью главы семьи¹⁰.

Заемствованные в дальнейшем японцами зарубежные законодательные традиции были постепенно подстроены под местные обычаи. Кодекс Тайхо, принятый в VIII в. принцем Сётоку Тайси по образцу правительственной системы китайской династии Тан, изначально ограничивал круг потенциальных наследников исключительно кровными родственниками, однако вскоре был переработан под японские реалии. Гражданский кодекс 1896 г., разработанный немецкими советниками правительства Мэйдзи, был также изменен: право наследования, изначально ограниченное правом первородства, подверглось доработке и включило в себя усыновленных детей (сыновей). Не повлияли на восприятие японцами института наследования и реформы, проводимые по инициативе США после Второй мировой войны¹¹.

На сегодняшний день в Японии приняты две формы усыновлений: «особое» и «традиционное»¹². «Особое» усыновление (*токубэцу ё:си*), в рамках которого ребенок (младше шести лет) принимается в семью новыми родителями, по своей сути может быть определено как усыновление того вида, который является традиционным для стран Запада. В общей сложности в Японии одобряется всего несколько сотен случаев усыновлений подобного типа в год (305 в 2005 г., 325 в 2010 г., 544 в 2016 г.)¹³. При этом в случае традиционного усыновления (*фу:ю: ё:си*) приемный ребенок — чаще всего мужчина в возрасте 20–30 лет. Он соглашается вести дела от лица своей новой семьи в обмен на усыновление. Обе стороны должны быть старше 15 лет (возраста согласия в Японии), а усыновляемый должен быть младше усыновителя по меньшей мере на один день. Этот вид усыновления рассматривается многими японскими исследователями как «уникальный японский», и, по сути, представляет собой обоюдно согласованный контракт между двумя взрослыми дееспособными людьми. Усыновленный получает возможность возгла-

вить семью и, соответственно, семейный бизнес, а усыновитель обретает наследника, которого он может выбрать самостоятельно, основываясь на его личных качествах.

Согласно данным отчета Министерства юстиции Японии и статистики принятых судебных решений по вопросам усыновлений в 2015 г., из 80 тысяч ежегодно осуществляемых в Японии усыновлений только 1,2 тысячи случаев приходится на несовершеннолетних детей¹⁴. Сложившаяся в Японии ситуация становится иллюстрацией того, что японский институт усыновления направлен на помощь не детям-сиротам, а неполным семьям, которые стремятся удержать за собой семейное дело. Сам факт того, что взрослые усыновления, практически не распространенные за пределами Японии, определяются как «традиционные», в то время как привычная для западного обывателя форма усыновлений в Японии считается «особой», подсказывает, что последняя появилась в Японии только недавно, в то время как взрослые усыновления в японском обществе имеют прочные корни.

Иэ как особая форма домохозяйства

В японском обществе сохраняется лишенный сантиментов прагматизм в отношении усыновлений. Широко распространено мнение о том, что родители имеют полное моральное право стать усыновителями для реализации каких-либо личных материальных целей, даже если они не намерены любить усыновленного ребенка как родного. Забота и близость практически не играют никакой роли в институте так называемого профессионального наследования, а чаще всего и вовсе отсутствуют¹⁵. В японской семье всегда существуют стратегии, предусматривающие обеспечение семейного имущества наследником, будь он кровным или же усыновленным. Японская семья основана не столько на кровных связях, сколько на реализации практических интересов посредством обеспечения наличия всех необходимых элементов семьи как системы. Здесь нужно пояснить такое понятие, как *иэ* (букв. «домохозяйство», «семья»), используемое в отношении множества аспектов японской семьи, начиная от физического места проживания, дома, и заканчивая семейной родословной. Некоторые исследователи определяют *иэ* как институт родства, существующий в рамках так называемой модели 4-П:

Патрилинейность — наследование внутри *иэ* осуществляется по мужской линии.

Патрилокальность — *иэ* географически организованы вокруг патриарха, главы домохозяйства.

Патриархальность — господство мужского начала.

Примогенитура — наследование по праву первородства¹⁶.

Разумеется, наследование по кровной линии для японцев считается наиболее благоприятным вариантом. Тем не менее, взрослые усыновления даже при наличии у главы семьи своих собственных сыновей не противоречат социальным понятиям о морали. Если в семье детей нет в принципе, то на воспитание может быть взята дочь с целью ее последующего брака и дальнейшего усыновления новоиспеченного зятя. Возможна и ситуация, при которой усыновляется семейная пара (*фуфу-э:си*). В случае смерти мужа, вдова может рассчитывать на временное регентство в качестве главы семьи, пока ее сын не достигнет зрелости, или позиция наследника не будет заполнена одним из вышеперечисленных способов¹⁷.

В Японии концепция родословной далеко не в первую очередь отражает генетическое родство, поскольку множество кровно связанных домохозяйств могут не считать себя таковыми. При этом связи внутри семьи могут быть чисто искусственными, но будут восприниматься абсолютно естественно. В своей статье об особенностях родственных связей в Японии профессор Дж. Пельзель предлагает рассматривать концепцию ро-

дословной как фактор, способствующий пониманию и реорганизации имеющихся сил, а также мобилизации необходимых ресурсов. Подчеркивается социально-экономическая натура *ие*, которая делает его шаблоном скорее социальной, нежели семейной области жизни японцев¹⁸. *Иэ* как социальный конструкт подобен корпорации. Особенно ярко это проявляется именно в усыновлении взрослых наследников, *мукоё:си*, своеобразном «найме». В любой организации рано или поздно появляется потребность набора новых участников. По мнению японского профессора Х. Китаодзи, внутри японского *ие* решение этой проблемы не зависит от рождаемости или же каких-либо других факторов, смена поколений в японской семье определяется следующими негласными «правилами преемственности и наследования».

Кровное родство предпочтительнее социальных связей.

Передача статуса главы семьи имеет больший приоритет, чем передача статуса жены-хозяйки.

В случае наследования правило 1 весомее правила 2.

Возможен пропуск одного поколения в случае передачи семейной собственности.

Эти правила работают в рамках трех видов преемственности внутри японских семей (под преемственностью подразумевается передача статусов патриарха и матриарха от родителей к детям)¹⁹

Виды внутрисемейного наследования в Японии*

	«Наем» на позицию главы семьи	«Наем» на позицию жены-хозяйки	Традиционная практика
Вид I	Кровное родство или патронаж	Удочерение	Патрилокальный брак
Вид II	Усыновление	Кровное родство или патронаж	Матрилокальный брак
Вид III	Усыновление	Удочерение	Усыновление женатой пары

Каждый из видов внутрисемейного наследования отдельно определяет то, по какому принципу осуществляется передача статусов матриарха (жена-хозяйка) и патриарха, а также то, как именно это воплощается на практике.

Вид I — относится к той ситуации, при которой в семье есть дееспособный сын. Этот вид предпочтителен по отношению к остальным двум в рамках первого «правила наследования». В этом случае сын родной или находится на попечении семьи с детства (имеется в виду тот редкий случай, когда ребенок усыновляется/удочеряется в раннем возрасте). Его жена становится частью семьи, берет фамилию мужа, то есть имеет место быть фактическое удочерение.

Вид II — относится к тем случаям, при которых в семье есть дочь, но нет сына. Предпочтителен по отношению к последнему виду, поскольку предусматривает кровное родство принимающего *ие* по отношению к жене-хозяйке, равно как и к ее будущим детям. В этом случае заключается брак между дочерью и *мукоё:си*, который отказывается от притязаний на наследование главенства в своей исконной семье и принимается в семью жены посредством фактического усыновления.

Вид III — в том случае, если в семье детей нет в принципе, усыновляется уже женатая пара.

* Цит. по: Китаодзи Х. Структура японской семьи.

Возвращаясь к «правилам преемственности и наследования», можно сделать следующие выводы. Правило 3 означает, что наследник на должность главы семьи из видов I и III унаследует семейную собственность. В случае реализации модели вида II фактической наследницей семейной собственности становится жена-хозяйка, а ее муж — распорядителем. Однако существование четвертого «правила» делает возможным вариант, при котором в наследованиях второго и третьего видов ни *мукоё:си*, ни жена-хозяйка не станут наследниками, а будут исполнять роль регентов, осуществляющих контроль над собственностью либо до тех пор, пока в право наследования не вступят их собственные дети, либо пока в семью не будет введен новый наследник.

Таким образом, можно говорить об *изэ*, как об идеальном примере японской социальной организации. Преемственность внутри *изэ* как корпоративного объединения оказывается тесно связана с такими понятиями, как «позиция», «место» (*ба* или *татиба*), а также «доля», «часть» (*бун*). Каждого отдельно взятого человека рассматривают с точки зрения его «места» по отношению к отдельно взятому целому. Отсюда ряд идиоматических выражений: *хамбун* («истинная часть», долг по отношению к занимаемому месту/доле), *мибун* («своя часть», социальное положение), *дзибун* («своя собственная часть», я)²⁰.

Изэ — не просто форма совместного проживания родителей, их детей, а также других близких родственников. Это структура, стоящая выше всех ее участников, оказывающая на них непререкаемое по своей силе влияние. Члены японской семьи были объединены посредством *изэ*, следуя принятым в нем традициям, верностью и субординацией. Глава *изэ* — не просто глава семьи, но его своеобразный символ, воплощение божества предков, что дает ему беспрекословный авторитет.

Итак, можно говорить о том, что японский *изэ* состоит не из людей как личностей, а из людей — утилитарных инструментов, позиции которых должны постоянно быть заполнены в рамках отлаженной системы. Разумеется, преемственность внутри *изэ* во многом определяется родственными связями (*ти-но цунагари*), и все же для японцев родственные связи, как было сказано выше, далеко не ограничиваются биологическими.

Наличие строгой внутренней организации и иерархии позволяет рассматривать *изэ* как корпоративную единицу — предприятие, в которое включаются движимое и недвижимое имущество и во многих случаях — бизнес. Японское домохозяйство по своей природе — группа, ориентированная на производство. Эта практика ведет свое начало еще с древнейших времен, многие семьи имели свою «специализацию», с помощью которой они зарабатывали на жизнь, будь то сельское хозяйство, торговля или ремесла²¹. Поскольку японский *изэ* по своей сути представляет собой эффективную организацию, в которой во главе угла стоит обеспечение постоянного функционирования и слаженной работы всех ее элементов, он характеризуется скорее крайней гибкостью и способностью к адаптации, нежели личными отношениями примогенитурной системы. Неоспоримый авторитет патриарха делает его идеальным лидером семейного бизнеса, способным к максимально эффективной организации всех участников процесса. Это позволяет говорить о том, что феномен *изэ* способствовал развитию и укоренению в Японии корпоративной системы управления трудом на предприятиях, что успешно подтверждается существующими исследованиями.

Формы семейных предприятий в Японии и их примеры

Понятие «компания» (*кайся*) появилось в Японии в период реставрации Мэйдзи и широко распространилось в связи со стремлением правительства к введению корпоративной формы бизнеса в виде акционерных обществ. Эта форма была легко принята об-

ществом и широко распространилась во всех сферах бизнеса. И именно существование института *изэ* может объяснить то, как легко и оперативно этот способ организации бизнеса был интегрирован в японскую экономическую систему²².

Еще до прихода в Японию западных моделей корпоративного управления семейные предприятия формировались в рамках родственных групп — *до:дзоку*. Они состоят из основной семьи (*хонкэ*) и «отходящих» от нее семей-ответвлений (*бункэ*). *Хонкэ* включает в себя старшего сына в семье, его жену и детей, *бункэ* — семьи младших сыновей. Такие группы встречаются в деревнях, но не менее распространены они и в таких старых торговых городах, как Киото, Осака и др. Семейные предприятия, входящие в *до:дзоку*, объединяются в торговые сети, где основной семье *хонкэ* принадлежит головной офис, а семьям-*бункэ* — филиалы и подразделения²³. Подобные объединения дали начало большинству многих современных японских корпораций.

В качестве примера можно привести средневековый торговый «Дом Мицуи», основатель которого, Такатоси Мицуи, завещал не разделять его собственность между его детьми, а владеть и управлять ей совместно. Вскоре «Дом Мицуи» трансформировался в корпоративную форму *до:дзоку*, состоящую из 11 домов: шесть домов принадлежали сыновьям Т. Мицуи, а другие пять домов возглавили усыновленные мужья его дочерей. Эти две группы домов обрели статус *хонкэ*, семьи наследников (*мукоэ:си*) — статус *рэнкэ* («полуглавные семьи»), которые выше по статусу чем *бункэ*, но в то же время ниже *хонкэ*. В 1710 г. была основана штаб-квартира Мицуи, *о:мотоката*, где были представлены главы всех 11-ти семей. Во главе *о:мотоката* стоял *оябун*, «босс», поочередно избираемый из числа глав семей²⁴. Согласно Кодексу «Дома Мицуи», принятому в 1720 г., вся предпринимательская деятельность образующих его семей находилась под фактическим контролем *о:мотоката*. «Дом Мицуи», таким образом, представлял собой корпорацию. Капитал и доходы распределялись между семьями *хонкэ* и *бункэ*. Эта организация по своей сути была аналогом акционерного предприятия²⁵.

Автомобильный концерн Судзуки Моторс — другой пример японской компании, в которой «усыновленные наследники» часто занимают руководящие позиции. Нынешний председателя правления компании Осаму Судзуки в 1953 г. окончил Университет Тюо и уже через 5 лет женился на дочери главы компании С. Судзуки. После заключения брака Осаму был усыновлен и принял фамилию Судзуки. Он присоединился к совету правления компании в 1963 г., стал президентом и генеральным директором в 1978 г., а в 2000 г. занял должность председателя правления, в которой находится и по сей день. Осаму Судзуки стал четвертым усыновленным наследником в череде руководителей компании. В свою очередь, он сам избрал собственного зятя, Оно Хиротака, своим наследником вместо родного сына. Позднее, объясняя свое решение, О. Судзуки заявил следующее: «С точки зрения житейского и профессионального опыта Оно намного превосходит моего родного сына». В этом случае реальные способности оказались более ценными, нежели семейные связи. Тем не менее, ранняя смерть Оно заставила Осаму Судзуки вновь принять на себя обязанности управляющего компанией²⁶.

Известная во всем мире японская строительная компания «Кадзима» на протяжении трех поколений управлялась усыновленными наследниками. Мориносукэ Кадзима — *мукоэ:си*, принятый в семью Кадзима, стал первым генеральным директором компании после Второй мировой войны. Впоследствии он сам предпочел своему родному сыну двух усыновленных зятьев, которые получили должности генерального директора и председателя правления. Только после того как младший из этих сыновей сменил пост генерального директора на пост председателя правления, а старший и вообще отошел от дел, родной сын Мориносукэ Кадзимы стал главой компании²⁷. Из этих

примеров видно, что даже для самих *мукоё:си* усыновление не является поводом для реализации личных интересов. Принимая на себя обязанности главы семьи, они не стремятся закрепить полученные при усыновлении привилегии за своими прямыми наследниками. Напротив, благополучие и процветание их новой семьи становится для них абсолютным приоритетом.

Выводы

Таким образом, феномен «взрослых усыновлений» нивелирует основную слабость семейных компаний в Японии — ограниченность круга потенциальных кандидатов на пост главы предприятия. Само существование возможности замещения прямого наследника компании с помощью *мукоё:си* оказывает значительное влияние и на прямых наследников. Опасаясь замены «более подходящим сыном», заинтересованные в наследовании компании сыновья не позволяют себе расслабляться. Практика «взрослых усыновлений» воплощает в жизнь уникальную гибридную систему, в которой руководителю компании присущи преимущества как прямого наследника семейной собственности, так и высококвалифицированного профессионала в области менеджмента. С одной стороны, усыновленные наследники ассимилируются с управляющей семьей, что делает их полноправными руководителями в глазах правления. С другой стороны, учитывая их профессиональные навыки, они менее подвержены организационной инерции и готовы пойти на позитивные изменения ради повышения эффективности семейной фирмы.

1. Дословно: “The parent who leaves his son enormous wealth generally deadens the talents and energies of the son...” *N. Gregory Mankiw*, Principles of Economics. 2004. P. 458.
2. *Goto T.* Longevity of Japanese family firms //Handbook of research on family business. 2006. P. 518.
3. *Kondo D. K.* Crafting selves: Power, gender, and discourses of identity in a Japanese workplace. University of Chicago Press, 2009.
4. *Kondo D. K.* Crafting selves: Power, gender, and discourses of identity in a Japanese workplace. University of Chicago Press, 2009.
5. *Goto T.* Longevity of Japanese family firms //Handbook of research on family business. — 2006. — P. 518.
6. *Oi M.* Adult adoptions: Keeping Japan's family firms alive //BBC News, Japan — 2012.
7. К числу элитных ВУЗов автор относит Токийский университет, Киотский университет, университет Тохоку, университет Кюсю, университет Хоккайдо, императорский университет Кэйдзё, университет Тайбэй, университет Осака, университет Нагоя, а также университеты Хитоцубаси и Кобэ.
8. *Oi M.* Adult adoptions: Keeping Japan's family firms alive //BBC News, Japan — 2012.
9. *Mehrotra V et al.* Adoptive expectations: Rising sons in Japanese family firms. P. 841.
10. *Oi M.* Adult adoptions: Keeping Japan's family firms alive //BBC News, Japan. — 2012.
11. *Mehrotra V et al.* Adoptive expectations... P. 844.
12. *Mehrotra V et al.* Adoptive expectations... P. 843.
13. Дай кю: кай дзидо: гякутай тайо: ни окэру сихо: канъё оёби токубэцу ё:си энгуми сэйдо но риё: сокусин но арикага ни кансуру кэнто:кай: санко: сирё:. Сагоя оёби токэбэцу ё:си энгуми но гэндзё: ни цуитэ: [Материалы девятой конференции по вопросам юридического вмешательства в случае противодействия жестокого обращения с детьми, а также ускорению внедрения особых усыновлений. О текущем положении приемных родителей и субъектов особого усыновления]. URL: <http://www.mhlw.go.jp/file/05-Shingikai-11901000-Koyoukintoujidoukateikyoku-Soumuka/0000148755.pdf> (дата обращения: 15.06.2019)
14. Сайбансё: сихо: то:кэй: кадзи симпан-но син-укэ, кисай, мисай тэцудзуки дзикэн бэцу кэнсу: дзэнкатэй сайбансё: [Юридическая судебная статистика: данные всех судов по количеству новых, завершённых, незавершённых дел семейных судов, разделённые по видам процедур] //

- Портал японских судов — 2015. URL: <http://www.courts.go.jp/app/files/toukei/697/008697.pdf> (дата обращения: 20.03.2019)
15. *Lebra T. S.* Adoption among the hereditary elite of Japan: status preservation through mobility // *Ethnology*. 1989. Vol. 28. №. 3. P. 193.
 16. *Vachnik J. M.* Recruitment strategies for household succession: Rethinking Japanese household organization // *Man*. 1983. P. 161.
 17. *Hamabata M.* Crested kimono: Power and love in the Japanese business family. — Cornell University Press, 1991 P. 34.
 18. *Pelzel J. C.* Japanese kinship: a comparison. 1970. P. 278.
 19. *Kitaaji H.* The structure of the Japanese family // *American Anthropologist*. 1971. № 5. P. 1037.
 20. *Самое, Я.* Нихон-но фамири: бидзинэсу: кигё: бунка: но ситэн кара: [Японские семейные предприятия с точки зрения корпоративной культуры] // *Mita business review*. 2014. № 6. С. 142.
 21. *Vachnik J. M.* Recruitment strategies for household succession: Rethinking Japanese household organization // *Man*. 1983. P. 161.
 22. *Horie Y.* The role of the ie (house) in the economic modernization of Japan // *Kyoto University Economic Review*. 1966. Vol. 36. № 1 (80). P. 2.
 23. *Okada Y.* Kinship organization in Japan // *The Journal of Educational Sociology*. 1952. Vol. 26. № 1. P. 27–31.
 24. *Horie Y.* The role of the ie (house)... P. 5.
 25. *Гомо, Т., Сим, Д., Камо, К., Омуау, К.* До:дзоку кэйэй-но гэндайтэки иги: ро:хо: кигё: ни окэру сондзоку то какусин: [«Современное значение семейного управления: постоянство и обновление в давно существующих предприятиях»] // *Со:сики гаккай тайкай ромбунсю*: 2015. Т. 4. № 1. С. 217.
 26. Mehrotra V. et all. Adoptive expectations. P. 841.
 27. Ibid.

S. Lysenko, D. Shcherbakov. “Adult Adoptions” as a Factor of Japanese Firms Longevity

The article discusses the phenomenon of “adult adoptions” in Japan, as well as the main historical and social aspects of this phenomenon. The types of inheritance of property in Japanese family companies are also analyzed. In addition, the authors provide a detailed description of the structure of Japanese households. The largest Japanese corporations using the mechanism of “adult adoptions” are also considered in the paper. In conclusion, the authors state the effectiveness of these mechanisms in comparison with traditional types of inheritance of property.

Key words: SME, Japan, family business, family enterprise, Japan, heir, family adoption, adult adoption.

Военное строительство

Национальное агентство разведки Республики Корея

© 2020

И.А. Топчий

В статье анализируется структура и состояние дел в Национальной службе разведки (НСР) Республики Корея: история становления данной организации, ее внутренняя структура, критерии отбора кадров, вопросы сотрудничества с США, специфика ее функционирования сегодня. Отмечены основные недостатки спецслужбы, связанные с ее косностью, коррумпированностью и продолжающееся вмешательство во внутривнутриполитическую жизнь страны.

Ключевые слова: Республика Корея, Национальное агентство разведки, спецслужбы, реформы, разведка, внутренняя борьба, законодательные основы, история.

DOI: 10.31857/S013128120008832-6

Вступление

Разведывательное сообщество любой страны является достаточно засекреченной структурой, скрытой от внимания широкой общественности. Организация разведки, штатная численность ее сотрудников, внештатный персонал, бюджет и методы работы неизменно входят в режим государственной тайны.

Национальная служба разведки (НСР) Республики Корея не является исключением. Особенно с учетом того, что политически РК служит военным союзником США как вероятного противника РФ в возможном военном столкновении. НСР выступает активным противником РФ на Дальнем Востоке, имеет достаточно многоуровневую агентуру в России и обладает существенным кругом интересов на территории страны.

Так, в конце 1990-х — начале 2000-х годов НСР занималась деятельностью по приобретению и вывозу с территории РФ частей баллистических ракет. Целью было получение военных ракетных и ядерных технологий, а также превращение РК в дальнейшем в новую космическую державу¹. В сотрудничестве с НСР обвинялся высокопоставленный российский дипломат Валентин Моисеев.

В этом контексте обращает на себя внимание недостаточная разработка темы НСР в отечественной литературе. Массовые работы (для широкого круга читателей) по разведке РК представлены общими либо непрофильными исследованиями и справочни-

Топчий Илья Альбертович, аспирант; Институт управления, экономики и права; кафедра истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет (ИрНИТУ). E-mail: authoranalytic@rambler.ru.

ками. Данные о НСР в них приведены частично и не всегда достоверно. Главным недостатком выступает минимум аутентичных данных по указанной структуре². Поэтому комплексное исследование с привлечением широкого спектра данных является целесообразной задачей.

Немного истории

Южнокорейская разведка начала формироваться после освобождения в августе 1945 г. юга Корейского полуострова от японского колониального ига американскими войсками. Создание ведомства происходило под эгидой и в рамках американских вооруженных сил. Даже после провозглашения РК 15 августа 1948 г. и вывода американских войск в июле 1949 г. «Отдел G-2» (разведывательное подразделение в рамках создаваемых южнокорейских ВС) и та его часть, что отвечала за проведение операций на территории КНДР, курировался советниками США.

В период Корейской войны указанные подразделения осуществляли специальные операции на территории КНДР, совмещая в себе функции разведки и диверсионных (специальных) сил. Общее число задействованных лиц в мае 1953 г. достигало 22 тыс. человек.

(Практика засылки агентов на Север имела место и в дальнейшем, после роспуска США профильных южнокорейских подразделений в июне 1954 г.)³.

Возрождение разведки РК произошло в мае—июне 1961 г. в связи с военным переворотом и приходом к власти военных Пак Чон Хи. При Верховном совете национальной перестройки было создано Центральное разведывательное управление Кореи (ЦРУК), подвергшееся нескольким реорганизациям за период по 1981 г. Официальное наименование с 1981 по 1999 г. — Департамент планирования национальной безопасности⁴.

Ведомство получило окончательное наименование и свой настоящий облик в январе 1999 г. (как НСР) согласно Закону РК № 5681. В дальнейшем был создан также ряд дополнительных дочерних структур (по кибербезопасности и т.д.)⁵.

Организация и управление

НСР — закрытая засекреченная структура (в соответствии с ее профильным назначением), подчиненная непосредственно президенту РК. Ее руководитель — директор (с 2017 г. его функции исполняет Со Хун, чья должность приравнена к министерской⁶).

Деятельность НСР регламентируется статьей 17 Закона РК «О правительственных учреждениях Республики Корея» (принят 17.07.1948 г., в редакции от 8.06.2018 г.)⁷ и пактом о политическом нейтралитете спецслужб 1994 г., который предусматривал неиспользование разведки против легальной оппозиции⁸.

«Открытая часть» (для СМИ) управленческой структуры НСР включает в себя три должности заместителя директора по разведке вице-министерского уровня, а также должность директора по планированию и координации.

Следующий уровень центрального аппарата НСР состоит из функциональных отделов и подразделений, а также ряда дочерних организаций. Среди них, в частности, Секретариат, Инспекция деятельности, Национальный центр кибербезопасности, Центр интеграции информации о терроризме, Отдел иностранных исследований, Стратегическое бюро, Стратегическое бюро по КНДР (отдельное), Управление стратегии национальных интересов, Институт аналитики и обороны РК и пр.

Семь подразделений ответственны за внутренний анализ информации, еще восемь занимаются сбором данных. Общее количество управлений, отделов, бюро, филиалов и дочерних организаций центрального аппарата НСР, предположительно, составляет 27 единиц, но, возможно, это неполное значение и численность функциональных подразделений достигает трех десятков.

Все они сгруппированы либо вокруг заместителей директоров по разведке, либо непосредственно подчинены директору НСР.

Региональный уровень включает в себя резидентуры (филиалы НСР) в провинциях, в городах-метрополиях и в городе особого подчинения Сеуле (столица). Общее число учреждений данного ранга, по некоторым источникам, достигает 12 резидентур (одна в городе особого подчинения, две в городах-метрополиях Пусане и Инчхоне и пять провинциального уровня).

Агентура разделена на две категории: «белые» агенты (публичные, открытые для СМИ) и «черные» агенты (соответственно, непубличные лица, закрытые для СМИ). Руководство и персонал подразделений являются государственными служащими двух классов (рангов), назначаемыми согласно табелям о рангах и внутренней уставной документацией организации. Информационные и аналитические центры выступают в качестве «низовых» частных структур, базирующихся на смешанной постоянно-грантовой системе оплаты проводимых исследований⁹.

Штаб-квартира НСР расположена в г. Сеуле, районе Сочхо-гу, квартале Нэги-дон (на юге столицы). Данные о функциональных учреждениях центрального аппарата и региональных управлениях закрыты.

Общая численность сотрудников НСР неизвестна. Ее можно только оценивать по различным косвенным признакам, как то: зарплаты сотрудников, вскрывшиеся в результате различных антикоррупционных скандалов и шумихи, связанной с разводами и разделом совместно нажитого имущества супругов; примерная величина бюджета и проч.

Расследование, проведенное журналом «Сиса» в 1998 г., оценивало количество сотрудников ведомства в примерно 60 тыс. человек, действующих в составе 39 офисов и структурных подразделений НСР (27 центральных и 12 региональных) при годовом бюджете 700–800 млрд вон. При стандартной оценке (взгляде со стороны) численность персонала указанных организаций не превышала 5–7 тыс. специалистов¹⁰.

Оценки, приводившиеся в статье южнокорейского журналиста Ли Тэ Хи в 2005 г., говорили о том, что известные данные по бюджету неполны и помимо «доступного» годового бюджета в 700 млрд вон есть еще закрытая (секретная) часть, составляющая не менее 200 млрд вон в год. Следовательно, потенциальная численность НСР может быть еще выше¹¹.

Политика сокращения официальной части бюджета НСР, проводившаяся правительством с начала 2010-х годов, скорее демонстрирует стремление спрятать реальные расходы на разведку в тень, чем на желание действительно урезать затраты¹². Так, доходная часть бюджета НСР на 2019 г. составляла 224 млрд вон (увеличившись на 1096,75%), в то время как расходная превосходила её почти в два с половиной раза и включала в себя официальные затраты в размере 544 млрд вон (больше на 17,6% по сравнению с прошлым годом). Такое скачкообразное изменение процента доходной части бюджета (на фоне неудачного для НСР 2018 г., связанного с очередными коррупционными скандалами), по-видимому, было связано с тем, что большая часть финансовых средств разведки в трудный период попросту оказалась спрятана от внимания СМИ¹³.

НСР выполняет как разведывательные, так и контрразведывательные функции. В этом ее отличие от профильных структур России и США (где контрразведка и разведка разделены по соответствующим ведомствам).

НСР не стоит смешивать с созданным в 1977 г. Командованием по обороне и безопасности (англ. The Defense Security Command /DSC), — военной разведкой/контрразведкой, которая сентябре 2018 г. фактически была расформирована из-за ряда скандалов. На ее развалинах было создано Командование по поддержке обороны и безопасности (англ. Defense Security Support Command, DSSC)¹⁴.

Деятельность НСР, помимо деления на внешнюю (разведку) и внутреннюю (контрразведку), имеет ряд направлений:

- общемировое и межкорейское (по аналогии с КНДР);
- гражданское и военное (включает технический шпионаж, дипломатический шпионаж, аналитическую, информационную и дезинформационную деятельность)¹⁵;
- требующее привлечения ресурсов смежных ведомств (например, Министерства иностранных дел — по части работы из иностранных дипломатических представительств, или Министерства обороны) и не требующее привлечения таких ресурсов.

Кадровое обеспечение и вопросы взаимодействия со спецслужбами США

НСР имеет четыре основных источника комплектования сотрудников для своих рядов.

Добровольный ежегодный отбор на основе открытого конкурса (первый этап отбора);

Набор сотрудников непосредственно на работу через подачу объявлений и с привлечением соответствующих рекрутинговых агентств (первый этап отбора);

Направление сотрудников от соответствующих подразделений либо с рекомендациями соответствующих лиц в высшие образовательные учреждения разведки РК (последующий этап отбора);

Назначение различных лиц на высшие руководящие посты по политическим и административным причинам (вне этапов отбора).

Ежегодно в первых числах марта НСР производит массовый набор стажеров для работы в своих рядах. Данные о предполагаемом наборе, а также требования к кандидатам размещаются на официальном сайте организации¹⁶.

По факту данные требования в последнее время заметно смягчены. Кадровые службы НСР (при первом этапе отбора) не делают различия:

- 1) между иностранными гражданами и гражданами РК (в том числе могут привлекаться граждане КНДР);
- 2) по полу (в агентство разведки могут попасть как женщины, так и мужчины, достигшие совершеннолетнего возраста);
- 3) по возрасту (от достижения совершеннолетия в 19 лет до наступления пенсионного возраста в 60 лет, хотя допускаются исключения);
- 4) по наличию / отсутствию образования и т.д.

Вместе с тем имеется ряд серьезных требований, предъявляемых при первичной проверке / собеседовании / осмотре.

1. Политическая нейтральность.
2. Наличие / отсутствие определенных черт характера.
3. Обязательное отсутствие татуировок.

После зачисления в ряды стажеров, уже в рамках деятельности НСР, будущие агенты и сотрудники организации проходят последующие и дополнительные проверки, позволяющие определить степень их лояльности, служебное соответствие и уровни допуска. При этом следует отметить, что многие кадры подбираются для отвода глаз, а в действительности нужные службе люди выявляются уже на первых этапах проверки (либо попадают в НСР благодаря наличию каких-либо рекомендаций и связей)¹⁷.

Текущий подбор специалистов (как правило, технических) проводят различные рекрутинговые агентства, через которые параллельно происходит «отмывка» денежных средств. Проверка набранных таким образом сотрудников (и установка им степеней допуска) осуществляется в процессе собеседования и в ходе последующей трудовой деятельности (при приеме на работу). При этом возможны различные требования по профильному образованию / имеющемуся трудовому стажу¹⁸.

Безусловно, кадровый подбор агентов и сотрудников высшего ранга, высшей функциональной категории имеет гораздо более сложную природу, скрытую от внешних глаз. Многие делается (следует повториться) для отвода глаз.

Интересна также ситуация с высшими образовательными учреждениями для разведчиков. В ряде стран мира пошли по пути создания специализированных учебных заведений, готовящих кадровых сотрудников разведки. В России это Академия внешней разведки, в США — Национальный университет разведки (National Intelligence University, NIU)¹⁹.

По РК нет четкой информации о единой образовательной структуре для разведчиков. Известные данные по должностным лицам (а также обрывочная опубликованная информация) говорят о том, что сотрудников агентства готовят как в Корейской военной академии на северо-востоке г. Сеула, так и в Сеульском национальном институте и различных «высших школах разведки» при некоторых университетах²⁰.

Вопрос о взаимодействии с ЦРУ и стажировках сотрудников / агентов НСР в США остается открытым, но ЦРУ имеет представительство в РК, да и сама организация власти РК определенным образом интегрирована в управленческие структуры США (например, военные в случае боевых действий подчиняются американскому командованию USPACOM), а возможность работы в НСР иностранных лиц облегчает задачу по инфильтрации нужных США людей²¹.

Соответственно, не исключена (а скорее всего очевидна) определенная роль американских спецслужб в работе регионального НСР в форме координации, контроля, надзора, подбора персонала (нужных людей) и т.д.

Особенности специфики работы НСР в контексте национального менталитета

На специфику работы национальной восточноазиатской разведки, накладываются в частности, еще и особенности менталитета ее кадровой основы (сотрудников). Японцы, корейцы, китайцы и прочие принадлежат к закрытым общностям со своими традициями, плохо принимающим чужих. Внедриться в такую структуру человеку с посторонним мышлением и национальными особенностями — крайне нетривиальная задача.

Не менее важным фактором, ограничивающим деятельность НСР, является своеобразная ментальность корейцев, заключающаяся в следующем.

1. Косность, нежелание принимать любые перемены, негибкость мышления руководства.

2. Подчинение старшим, клановый характер отношений.

3. Крайняя шаблонность мышления (в частности мнение, что только южные корейцы могут понять северных корейцев как корейцев, и связанное с этим нежелание перенимать опыт и разработки других государств по корейской тематике). В результате, фиксируемые в СМИ «перебежчики» из КНДР нередко имеют «южный» акцент, а агента на Севере часто выявляется по акценту и специфике поведения).

4. Применение собственной ментальности в работе разведки на территории иных стран и нежелание или крайне ограниченное желание использовать лиц с местной ментальностью («агентов влияния»).

К другим проблемам НСР можно отнести:

1) выполнение разведкой ряда несвойственных ей функций, в том числе присущих различным смежным ведомствам, необходимых скорее для автономности и большего веса во внутривластной борьбе;

2) определенную путаницу в законодательстве и нормативных актах, ограничивающую и препятствующую эффективной работе НСР;

3) недостаточное взаимодействие со смежными структурами, что связано с уровнем подозрительности в руководстве;

4) на вышеперечисленное накладывает определенный отпечаток уровень коррупции в НСР, также не являющийся фактором прогресса²²;

5) низкая мотивация или непрофессионализм: дипломатические представители, как агенты разведки, работающие по совместительству на два ведомства — МИД и НСР, часто исполняют свои функции «спустя рукава», для отчетов — то есть, не идейно, а в целях получения дополнительного заработка.

Хорошим примером вышеописанного оказывается работа южнокорейской разведки в РФ. После развала СССР южнокорейские спецслужбы в условиях практически полного отсутствия северокорейской альтернативы, безусловно, заняли «корейскую» нишу информационного пространства России. Делалось это путем финансирования нужных российских СМИ, отправки южнокорейских агентов под видом северокорейских эмигрантов, рассказывавших об «ужасах» жизни в КНДР. Однако смена вектора политики России в 2010-е годы на более просеверокорейский, практически полный отказ спецслужб от использования местных агентов влияния (с местной ментальностью), шаблонное и направленное на поддержание отчетности исполнение своих функций южнокорейскими должностными лицами привело к заметной утрате влияния РК в РФ и потере возможности производить съем информации в нужных объемах и своевременно.

Коррупционные скандалы. Критика

Утрата власти военными в конце 1980-х годов, процесс демократизации РК привели к попытке постановки различных спецслужб под надзор. В 1994 г. при Национальном собрании РК (парламенте государства) был основан Комитет по разведке, имеющий целью надзор за деятельностью разведывательного сообщества.

Однако функции данного Комитета оставались ограничены. По факту он выступал в качестве крайне неполноценной структуры (как и имеющаяся сегодня в рамках НСР служба собственной безопасности — Инспекция деятельности НСР)²³.

С 1998 по 2002 г. разведка РК оказалась уличена в установлении прослушивания ряда оппозиционных политиков в интересах частных лиц²⁴. В 2003 г. произошел внутренний конфликт между руководством НСР, ставший причиной серьезной утечки информации²⁵. В 2007 г. НСР опять замечена во вмешательстве во внутривнутриполитическую жизнь страны, выступая в качестве инструмента самостоятельных интриг руководства управления и их нанимателей²⁶.

В 2009 г. из-за применения дисциплинарных взысканий по отношению к сотрудникам, заподозренным в «левых» взглядах, эти сотрудники дали ряд показаний в контролирующие органы, что привело к цепочке расследований по факту незаконной деятельности НСР, стало достоянием СМИ и спустя четыре года повлекло отставку директора НСР Вон Се Хуна²⁷.

В 2011 г. НСР официально признало факт взлома электронных почтовых ящиков граждан РК в связи с их обращениями или работой в южнокорейском Конституционном суде²⁸. Вмешательство НСР в президентские выборы 2012 г. стали также основанием для вскрытия некоторых аспектов ее деятельности в СМИ и последующей реакции со стороны центральной власти²⁹.

Все эти обстоятельства привели в 2013 г. к разработке комплекса реформ для НСР, заключавшихся в ограничении ее деятельности в сфере внутренней политики (вплоть до полного запрета), ужесточении правовых последствий для сотрудников разведки, прекращении практики мониторинга различных политических учреждений, информационных каналов, большей подконтрольности Верховной прокуратуре и т.д. Эти

положения основывались на определенном проценте опрошенных и соответствующей политической конъюнктуре, но в настоящий момент они так и не претворены в жизнь³⁰.

Выводы

1. НСР является закрытой непрозрачной структурой, функции которой размыты, а численность сотрудников, потенциал и бюджет засекречены и в точности не известны.

2. Даже открытые оценки по НСР говорят о том, что это очень многочисленная структура, а рамках которой трудится целая армия из десятков тысяч человек (традиционно разделенных на «агентов» и «действующих сотрудников», минуя более мелкое деление). Однако штатная раздутость далеко не способствует функциональной эффективности и часто следует задачам освоения бюджета.

3. НСР представляет собой решение правительства РК иметь свой личный, подчиненный и подотчетный только себе, разведывательный орган в противовес военному ведомству. Это не удивительно, учитывая богатую недавнюю историю РК в плане организации в ней военными военных переворотов и то, что Министерство Обороны в стране традиционно является довольно мощной структурой, своего рода «государством в государстве».

4. Обращает на себя внимание совмещение функций разведки и контрразведки (для чего создано такое количество региональных резидентур) НСР — явление, несвойственное для мировой практики.

5. Дублирующим разведывательно-контрразведывательным органом в РК выступает DSC/DSSC, подчиненное Министерству обороны.

6. Полного доверия к НСР (как и к любой иной подобной структуре), по-видимому, нет. Это связано со слабой поднадзорностью организации, возможностью ее влиять (в силу функциональных особенностей) в том числе и на политическую жизнь страны. Здесь в РК идут по типичному для данного государства сценарию частой смены руководящего состава, обыденному не только для НСР, но и, например, для ССО. Только трое из руководителей разведки за период с 1961 г. занимали должность более трех лет, в том числе первый руководитель разведки РК, Ким Чен Пил, кор. 김종필. За последние 20 с лишним лет таких директоров НСР (с периодом занятия должности более трех лет) нет ни одного.

7. Дублирование функций разными ведомствами, их разное подчинение, ограничение по росту (сдерживание возможностей для усиления одной из структур), очевидно, создано для реализации принципа «разделяй и властвуй» и минимизации угрозы центральной власти со стороны какого-либо из ведомств. Занятые одним и тем же ведомства часто сталкиваются между собой, в процессе разработки аналогичных ситуаций. Явная реализация принципа «разделяй и властвуй», укрепление властного аппарата эффективно изнутри, однако, для отражения какой-либо внешней угрозы, успеха действий вовне это скорее ослабление потенциала профильных структур РК.

8. Совершенно неясна степень участия в работе НСР американских коллег, в частности, из ЦРУ. Военное ведомство РК полностью подчиняется американскому тихоокеанскому командованию (USPACOM) на случай войны. Вся военная структура РК создавалась при прямом и косвенном участии США как встроенный элемент военного присутствия Вашингтона в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Соответственно, работа НСР также может определенным образом курироваться и/или координироваться американцами (например, в вопросах кадрового подбора сотрудников, взаимодействия либо прямой отдачи приказов).

9. Коррупционные скандалы, дискредитация деятельности НСР, а также его военного оппонента DSC/DSSC (в СМИ в последнее время), очевидно, связаны со сдерживанием влияния данных спецслужб в РК — наличие заказа, возможная взаимная борьба. Они выявили ряд аспектов в деятельности НСР, заставивших ведомство в последнее де-

сятилетие уйти в тень несколько более, чем ранее. Тем не менее, по ряду признаков, например, дисбалансу доходной/расходной части бюджета можно иметь некоторое представление об реальном потенциале структуры.

10. Среди недостатков НСР в настоящее время также выделяют ее излишнюю политизацию, уход в сферу межфракционной борьбы. Это — неизбежное следствие наличия на политической арене РК структуры, располагающей достаточным инструментарием для решения многих внутривнутриполитических задач.

11. Большим недостатком работы НСР и других профильных ведомств, ее взаимодействия с МИД РК на внешнем фронте является частичное или полное игнорирование ментальности стран, в которых действует разведка. Так, если практика работы аналогичных ведомств США и других государств давно идет по пути подбора агентов влияния в стране, в которой производится работа, со сходной или аутентичной ментальностью, то южнокорейцы нередко пытаются действовать так, как бы они действовали в родной стране. Это, в том числе, привело к серьезным проблемам утраты влияния южнокорейской разведки в России.

12. Оценивая работу НСР (как и любого иного ведомства), следует учитывать тот казус, что в РК не признают КНДР и считают Корею единой страной, а территорию КНДР — своей территорией (в КНДР считают, соответственно, наоборот). С этим связано наличие отдельного «северокорейского» подразделения в составе НСР и тем, что ведение любых операций на земле северокорейского соседа в Сеуле юридически будут считаться действиями на своей земле (внутригосударственными акциями).

Приложение: перечень руководителей разведки Республики Корея (с 1961 г.):

№	Персоналия	Период нахождения в должности
1	Ким Джон Пхиль (кор. 김종필)	20.05.1961–06.01.1973
2	Ким Ен Сун (кор. 김용순)	07.01.1963–20.02.1963
3	Ким Чжэ Чхун (кор. 김재춘)	21.02.1963–11.07.1963
4	Ким Хен Ук (кор. 김형욱)	12.07.1963–20.10.1969
5	Ким Ге Вон (кор. 김계원)	21.10.1969–20.12.1970
6	Ли Ху Рак (кор. 이후락)	21.12.1970–02.12.1973
7	Шин Чжик Су (кор. 신직수)	03.12.1973–03.12.1976
8	Ким Чже Гю (кор. 김재규)	04.12.1976–26.10.1979
9	Ли Хве Сон (кор. 이희성)	30.10.1979–12.12.1979
10	Юн Иль Гюн (кор. 윤일균)	13.12.1979–13.04.1980
11	Чон Ду Хван (кор. 전두환), президент РК в 1980–1988 гг.	14.04.1980–17.07.1980
12	Ю Хак Сон (кор. 유학성)	18.07.1980–01.06.1982
13	Но Син Нен (кор. 노신영)	02.06.1982–18.02.1985
14	Чан Се Дон (кор. 장세동)	19.02.1985–25.05.1985
15	Ан Му Хек (кор. 안무혁)	26.05.1985–06.05.1988
16	Пэ Мен Ин (кор. 배명인)	07.05.1988–04.12.1988
17	Пак Се Чжик (кор. 박세직)	05.12.1988–18.07.1989
18	Су Дон Квон (кор. 서동권)	19.07.1989–30.03.1992
19	Ли Сан Ен (кор. 이상연)	31.03.1992–08.10.1992
20	Ли Хен У (кор. 이현우)	09.10.1992–25.02.1993
21	Ким Док (кор. 김덕)	26.02.1993–23.12.1994
22	Квон Ен Хэ (кор. 권영해)	24.12.1994–04.03.1998
23	Ли Чон Чан (кор. 이종찬)	04.03.1998–25.05.1999
24	Чхон Ен Тхэк (кор. 천용택)	26.05.1999–23.12.1999
25	Лим Дон Вон (кор. 임동원)	24.12.1999–26.03.2001

№	Персоналия	Период нахождения в должности
26	Син Кон (кор. 신건)	27.03.2001–24.04.2003
27	Ко Ен Гу (кор. 고영구)	25.04.2003–11.07.2005
28	Ким Сын Гю (кор. 김승규)	11.07.2005–23.11.2006
29	Ким Ман Бок (кор. 김만복)	23.11.2006–29.02.2008
30	Ким Сон Хо (кор. 김성호)	26.03.2008–12.02.2009
31	Вон Се Хун (кор. 원세훈)	12.02.2009–21.03.2013
32	Нам Чжэ Чжун (кор. 남재준)	21.03.2013–21.05.2014
33	Ли Бен Ги (кор. 이병기)	16.07.2014–01.03.2015
34	Ли Бен Хо (кор. 이병호)	18.03.2015–10.05.2017
35	Со Хун (кор. 서훈)	10.05.2017 — н.в.

Библиографический список

1. Дятлов К. Энциклопедия спецслужб: гриф секретности снят. М.: Яуза, 2008. С. 649–650.
2. Елизаров А. Контрразведка: ФСБ против ведущих разведок мира. М.: ЗАО "Издательский дом ГЕЛЕОС", 1999. С. 173–174.
3. Как российские баллистические ракеты стали достоянием Южной Кореи // Военное обозрение. 2011.
4. Сайт службы внешней разведки РФ. Где и как готовят разведчиков. URL: <http://svr.gov.ru/pressburo/vopros6.htm> (дата обращения: 10.11.2019).
5. CIA official in charge of Korea to depart at year-end. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181128000088> (дата обращения: 10.11.2019).
6. International Crisis Group. Risks of Intelligence Pathologies in South Korea. Asia report № 259, 2014.
7. Korea South A "Spy" Guide Volume 1 Strategic Information and Political Developments. Lulu.com, 2016. P. 350.
8. Noh, Hyung-woong. NIS admits to packet tapping Gmail // The Hankyoreh, 2011.
9. Sisa Journal Opens Up S Korea's ANSP. URL: <https://web.archive.org/web/20060329074223/http://www.kimsoft.com/1997/ansp98.htm> (дата обращения: 25.07.2019).
10. Website of National Intelligence University. URL: <http://ni-u.edu/wp/> (дата обращения: 10.11.2019).
11. Website of United States Pacific Command (USPACOM). URL: http://www.pacom.mil/Portals/55/Documents/Defense_Strategic_Guidance.pdf (дата обращения: 25.07.2019).
12. South Korea's military launches new security command // TheKoreaTimes, 2018.
13. Yang, Bong-min. The National Pension Scheme of the Republic of Korea // World Bank Institute, 2001. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.196.2837&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 10.11.2019).
14. Помнюль че619хо: [Закон № 619].
15. Помнюль че1506хо: [Закон № 1506].
16. Помнюль че3313хо: [Закон № 3313].
17. Помнюль че5681хо [Закон № 5681].
18. Кариммак сок кукчонвон, тхончже ан твэ: [«Накидка ниндзя» НСР неуправляема]. Йонхап ньюз, 2013.
19. Кихвекчжежонбу / Еллинчэчжон / сеип-суип есанпхенсонхенхван / чонсуип: [Министерство стратегии и финансов / открытые финансы / статус формирования бюджета / доходы] URL: <http://www.openfiscaldata.go.kr/fdata/0XY022UGD797MPMB69615538266> (дата обращения: 25.07.2019).
20. Кихвекчжежонбу / Еллинчэчжон / сечхуль-сучхуль есанпхенсонхенхван / чончжи-чуль: [Министерство стратегии и финансов / открытые финансы / статус формирова-

- ния бюджета / расходы] URL: <http://www.openfiscaldata.go.kr/fdata/0XY022UGD797MPMB69615528266> (дата обращения: 25.07.2019).
21. Игос-ын хвесаинга, пимильчжочжик-инга?: [Это какая-то коммерческая компания или секретная организация?]. URL: http://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/884768.html (дата обращения: 25.07.2019).
 22. *Ким Бом Хен*. Есан-анчхорие нонхепчивон кукчонвон есан покпен: [Бюджет НСР в процессе рассмотрения]. Йонхап ньюз, 2013. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20111230171100001> (дата обращения: 25.07.2019).
 23. Ким Чен Ир саман, пук мисаиль пальса дын. Вон Се Хун чеим ттэ понбони чонбо мультмого: [Смерть Ким Чен Ира, запуск северокорейской ракеты и прочее. Отставка Вон Се Хуна] URL: http://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/594021.html (дата обращения: 25.07.2019).
 24. *Лим Дон Вон*. Сингон пультбоп точхон конмо хвагин: [Подтверждение факта нового незаконного прослушивания]. Нейвер ньюз, 2005. URL: <https://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=115&oid=052&aid=0000096672> (дата обращения: 25.07.2019).
 25. *Ли Тэ Хи*. Кукчонвон есан ханхэ 9000оксон; [Бюджет НСР составляет около 900 млрд вон]. Нейвер ньюз, 2005.
 26. *На Квон Иль*. Кукчонвонэ чун гекква конпхо топчхина: [Я шокирован и боюсь НСР] // Журнал «Сиса», 2003.
 27. Оны саопкаэ кобэк. «Нэга ИСВМ (дерюккан тхандомисаиль) Хангуге тыреватта»: [Исповедь бизнесмена. «Я привез МБР (межконтинентальную баллистическую ракету) в Корею»]. 2011.
 28. Со Хун кукчонвончжан нэчжончжа, намбугчонсанхведам сальмудамданхан «чонтхон кукчонвонмен»: [Директор Со Хун, кандидаты в директоры и исполнительный директор «межкорейского саммита» НСР]. Чосон Ильбо, 2017.
 29. Чееонконго. Куккачонбовон чеенсисытем: [Сайт Национального агентства разведки. Раздел «Карьера»]. URL: <https://career.nis.go.kr:4017/index.html> (дата обращения: 25.07.2019).
 30. Чонбучжочжикбоп. Помнюль че15624хо: [Закон РК «О правительственных учреждениях Республики Корея» в редакции Закона № 15624].
 31. URL: http://likms.assembly.go.kr/law/lawsLawtInqyDetl1010.do?mappingId=%2FlawsLawtInqyDetl1010.do&genActiontypeCd=2ACT1010&genDoctreattypeCd=DOCT2004&contId=1958022200000001&contSid=0020&cachePreid=ALL&genMenuId=menu_serv_nlaw_lawt_1010&viewGb=PROM (дата обращения: 10.11.2019).
 32. URL: <http://job.incruit.com/entry/jobpost.asp?job=1903270001365> (дата обращения: 25.07.2019).
 33. URL: http://www.jobkorea.co.kr/Recruit/GI_Read/28047097?PageGbn=ST (дата обращения: 25.07.2019).

References

1. Dyagterev, K. Encyclopedia of special services: secrecy stamp removed. M.: Yauza, 2008. P. 649–650.
2. Elizarov, A. Counterintelligence: FSB against the world's leading intelligence. M.: CJSC "Publishing House GELEOS", 1999. P. 173–174.
3. How Russian ballistic missiles became the property of South Korea // Military Review, 2011.
4. Website of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation. Where and how to prepare scouts. URL: <http://svr.gov.ru/pressburo/vopros6.htm> (accessed: 11/10/2019).
5. CIA official in charge of Korea to depart at year-end. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181128000088> (accessed: 10.11.2019).

6. International Crisis Group. Risks of Intelligence Pathologies in South Korea. Asia report № 259, 2014.
7. Korea South A "Spy" Guide Volume 1 Strategic Information and Political Develop-ments. Lulu.com, 2016. P. 350.
8. Noh, Hyung-wong. NIS admits to packet tapping Gmail // The Hankyoreh, 2011.
9. Sisa Journal Opens Up S Korea's ANSP. URL: <https://web.archive.org/web/20060329074223/http://www.kimsoft.com/1997/ansp98.htm> (accessed: 25.07.2019).
10. Website of National Intelligence University. URL: <http://ni-u.edu/wp/> (accessed: 10.11.2019).
11. Website of United States Pacific Command (USPACOM). URL: http://www.pacom.mil/Portals/55/Documents/Defense_Strategic_Guidance.pdf (accessed: 25.07.2019).
12. South Korea's military launches new security command // TheKoreaTimes, 2018.
13. Yang, Bong-min. The National Pension Scheme of the Republic of Korea // World Bank Institute, 2001. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.196.2837&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 10.11.2019).
14. Beoblyul je619ho: [Law No. 619].
15. Beoblyul je1506ho: [Law No. 1506].
16. Beoblyul je3313ho: [Law No. 3313].
17. Beoblyul je5681ho: [Law No. 5681].
18. Galimmag sog gugjeong-won tongje an dwa: ["Ninja Cape" of NIA is uncontrollable]. Yonhap News, 2013.
19. Gihoegjaejeongbu / yeollinjaejeong / seib-su-ib / yesanpyeonseonghyeonhwang / chongsu-ib; [Ministry of Strategy and Finance / Open Finances / Budgeting Status / Revenues] URL: <http://www.openfiscaldata.go.kr/fdata/0XY022UGD797MPMB69615538266> (accessed: 25.07.2019).
20. Gihoegjaejeongbu / yeollinjaejeong / seib-su-ib / yesanpyeonseonghyeonhwang / chong-jichul; [Ministry of Strategy and Finance / Open Finance / Budgeting Status / Expenses] URL: <http://www.openfiscaldata.go.kr/fdata/0XY022UGD797MPMB69615528266> (accessed: 25.07.2019).
21. Igeos-eun hoesaing, bimiljojig-inga: [Is it commercial company or secret organization?]. URL: http://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/884768.html (accessed 25.07.2019).
22. Kim Beom Hyeon. Yesan-ancheolie nonghyeobjiwon gugjeong-won yesan bogbyeong: [NAR budget under consideration]. Yonhap News, 2013. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20111230171100001> (accessed: 25.07.2019).
23. Kim Jeong-il samang, bug misail balsa deung. Won Se Hun jaeim ttae beonbeon-i jeongbo mulmeog-eo: [The death of Kim Jong Il, the launch of a North Korean rocket and more. Resignation of Won Se Hun] URL: http://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/594021.html (appeal date: 25.07.2019).
24. Lim Dong-won. Singeon bulbeob docheong gongmo hwag-in: [Confirmation of a new illegal wiretap]. Naver News, 2005. URL: <https://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=115&oid=052&aid=0000096672> (accessed: 25.07.2019).
25. Li Tae Hui. Gugjeong-won yesan hanhae 9000eogseon: [The budget of NIA is about 900 billion won]. Naver News, 2005.
26. Na Gwon-il. Gugjeong-won-e chung-gyeoggwa gongpo deopchina; [I am shocked and afraid of NAR] // Sisa Magazine, 2003.
27. Eoneu sa-eobgaui gobaeg. "Naega ICBM (daelyuggan tandomisail) hangug-e deul-yeowassda": [Confession of a businessman. "I brought an ICBM (intercontinental ballistic missile) to Korea"]. 2011.
28. Seo Hun gugjeong-wonjang naejeongja, nambugjeongsanghoedam silmudamdanghan "jeongtong gugjeong-wonmaen": [Director Seo Hun, candidates for directors and executive director of the NAR Inter-Korean Summit]. Chosun Ilbo, 2017.

29. Chaeyong-gong-go. Guggajeongbowon chaeyongsiseutem: [Website of the National Intelligence Agency. Section "Career"]. URL: <https://career.nis.go.kr:4017/index.html> (accessed: 25.07.2019).
30. Jeongbujojigbeob. Beoblyul je15624ho: [The Law of RK "Government Agencies of the Republic of Korea" in Edition by the Law No. 15624].
31. URL: http://likms.assembly.go.kr/law/lawsLawtInqyDetl1010.do?mappingId=%2FlawsLawtInqyDetl1010.do&genActiontypeCd=2ACT1010&genDoctreattypeCd=DOCT2004&contId=195802220000001&contSid=0020&cachePreid=ALL&genMenuId=menu_serv_nlaw_lawt_1010&viewGb=PROM (accessed: 10.11.2019).
32. URL: <http://job.incruit.com/entry/jobpost.asp?job=1903270001365> (accessed: 25.07.2019).
33. URL: http://www.jobkorea.co.kr/Recruit/GI_Read/28047097?PageGbn=ST (accessed: 25.07.2019).

-
1. Как российские баллистические ракеты стали достоянием Южной Кореи // Военное обозрение. 2011; Они саопказ кобэк. «Нэга ICBM (дерюккан тхандомисаиль) Хангуге тырэватта»: [Исповедь бизнесмена. «Я привез МБР (межконтинентальную баллистическую ракету) в Корею»]. 2011.
 2. Елизаров Анатолий. Контрразведка: ФСБ против ведущих разведок мира. М.: ЗАО Издательский дом ГЕЛЕОС, 1999. С. 173–174; Дяттерев, Клим. Энциклопедия спецслужб: гриф секретности снят. М.: Яуза, 2008. С. 649–650.
 3. International Crisis Group. Risks of Intelligence Pathologies in South Korea. Asia report № 259. 2014.
 4. Помнюль че619хо: [Закон № 619]; Помнюль че1506хо: [Закон № 1506]; Помнюль че3313хо: [Закон № 3313].
 5. Помнюль че5681хо: [Закон № 5681].
 6. Со Хун кукчонвончжан нэчжончжа, намбугчонсанхвадам сильмудамданхан «чонтхон кукчонвонмен»: [Директор Со Хун, кандидаты в директоры и исполнительный директор «межкорейского саммита» НАР]. Чосон Ильбо, 2017.
 7. Чонбучжочжикбоп. Помнюль че15624хо: [Закон РК «О правительственных учреждениях Республики Корея» в редакции Закона № 15624].
 8. URL: <http://www.Agentura.ru>, 21.09.2000.
 9. Кариммак сок кукчонвон, тхончже ан твэ: [«Накидка ниндзя», НАР неуправляема]. Йонхап ньюз, 2013; International Crisis Group. Risks of Intelligence Pathologies in South Korea. Asia report № 259. 2014.
 10. Sisa Journal Opens Up S Korea's ANSP. URL: <https://web.archive.org/web/20060329074223/http://www.kimsoft.com/1997/ansp98.htm> (дата обращения: 25.07.2019).
 11. Ли Тэ Хи. Кукчонвон есан ханхэ 9000оксон: [Бюджет НАР составляет около 900 млрд вон]. Нейвер ньюз, 2005.
 12. Ким Бом Хён. Есан-анчхорие nonхёпчивон кукчонвон есан поклён: [Бюджет НАР в процессе рассмотрения]. Йонхап ньюз, 2013. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20111230171100001> (дата обращения: 25.07.2019).
 13. Кихвекчжечжонбу / Ёллинчэчжон / сеип-суип есанпхёнсонхёнхван / чонсуип: [Министерство стратегии и финансов / открытые финансы / статус формирования бюджета / доходы] URL: <http://www.openfiscaldata.go.kr/fdata/0XY022UGD797MPMB69615538266> (дата обращения: 25.07.2019); Кихвекчжечжонбу / Ёллинчэчжон / сечхуль-сучхуль есанпхёнсонхёнхван / чончжичуль: [Министерство стратегии и финансов / открытые финансы / статус формирования бюджета / расходы] URL: <http://www.openfiscaldata.go.kr/fdata/0XY022UGD797MPMB69615528266> (дата обращения: 25.07.2019).
 14. South Korea's military launches new security command // TheKoreaTimes. 2018.
 15. International Crisis Group. Risks of Intelligence Pathologies in South Korea. Asia report № 259. 2014.
 16. Чеёнконго. Кукчачонбвон чеёнсысьтем: [Сайт Национального агентства разведки. Раздел «Карьера»]. URL: <https://career.nis.go.kr:4017/index.html> (дата обращения: 25.07.2019).
 17. Игос-ын хвесаинга, пимильчжочжик-инга?: [Это какая-то коммерческая компания или секретная организация?]. URL: http://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/884768.html (дата обращения: 25.07.2019); URL: <http://likms.assembly.go.kr/law/lawsLawtInqy>

- Det11010.do?mappingId=%2FflawsLawtInqyDet11010.do&genActiontypeCd=2ACT1010&genDoctratttypeCd=DOCT2004&contId=1958022200000001&contSid=0020&cachePreid=ALL&genMenuId=menu_serv_nlaw_lawt_1010&viewGb=PROM (дата обращения: 10.11.2019); Yang, Bong-min. The National Pension Scheme of the Republic of Korea // World Bank Institute, 2001. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.196.2837&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 10.11.2019).
18. URL: <http://job.incruit.com/entry/jobpost.asp?job=1903270001365> (дата обращения: 25.07.2019); URL: http://www.jobkorea.co.kr/Recruit/GI_Read/28047097?PageGbn=ST (дата обращения: 25.07.2019).
19. Website of National Intelligence University. URL: <http://ni-u.edu/wp/> (дата обращения: 10.11.2019); Сайт службы внешней разведки РФ. Где и как готовят разведчиков. URL: <http://svr.gov.ru/pressburo/vopros6.htm> (дата обращения: 10.11.2019).
20. Korea South A "Spy" Guide Volume 1 Strategic Information and Political Developments. Lulu.com, 2016. P. 350.
21. CIA official in charge of Korea to depart at year-end. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181128000088> (дата обращения: 10.11.2019); Website of United States Pacific Command (USPACOM). URL: http://www.pacom.mil/Portals/55/Documents/Defense_Strategic_Guidance.pdf (дата обращения: 25.07.2019).
22. Кариммак сок кукчонвон, тхончже ан твэ: [«Накидка ниндзя», НАР неуправляема]. Йонхап ньюз, 2013.
23. International Crisis Group. Risks of Intelligence Pathologies in South Korea. Asia report № 259. 2014.
24. Лим Дон Вон. Сингон пульбоп точхон конмо хвагин: [Подтверждение факта нового незаконного прослушивания]. Нейвер ньюз, 2005. URL: <https://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=115&oid=052&aid=0000096672> (дата обращения: 25.07.2019).
25. На Квон Иль. Кукчонвонэ чун гёкква конпхо топчхина: [Я шокирован и боюсь НАР] // Журнал «Сиса». 2003.
26. International Crisis Group. Risks of Intelligence Pathologies in South Korea. Asia report № 259. 2014.
27. Ким Чен Ир саман, пук мисаиль пальса дын. Вон Се Хун чеим ттэ понбони чонбо мультмого: [Смерть Ким Чен Ира, запуск северокорейской ракеты и прочее. Отставка Вон Се Хуна] URL: http://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/594021.html (дата обращения: 25.07.2019).
28. Noh, Hyung-woong. NIS admits to packet tapping Gmail // The Hankyoreh, 2011.
29. International Crisis Group. Risks of Intelligence Pathologies in South Korea. Asia report № 259. 2014.
30. Ibid.

I. Topchiy. The National Intelligence Agency of the Republic of Korea.

The article analyzes the state of affairs in the most important tool of the government of the Republic of Korea (RK) — the National Intelligence Agency (NIA). It covers the history of the formation and development of this organization, the specifics of its functioning today, problems and prospects. The shortcomings of the specified “presidential” intelligence service, its active role in interfering in the country's political life are noted. The author notes the underestimation of the potential of NIA in open sources, the secrecy of real capabilities of this organization.

Key words: Republic of Korea, National Intelligence Agency, special services, reforms, intelligence, internal struggle, legislation, history.

Проблема урегулирования пограничных вопросов между цинским Китаем и Кореей в конце XIX — начале XX вв.

© 2020

А.Ю. Иванов

В конце XIX в. на китайско-корейской границе обостряется обстановка в связи с массовым переселением корейцев на земли к северу от рек Туманган и Амноккан. Цинские власти предприняли ряд мер по пресечению дальнейшего заселения и освоения корейскими переселенцами приграничных с Кореей территорий. В ответ корейское правительство подняло вопрос неправомерности претензий Китая на территории к северу от реки Туманган и попыталось вовлечь китайскую сторону в переговорный процесс, в ходе которого намеревалось настоять на совместном исследовании китайско-корейских границ, которое не проводилось с 1712 г.

Ключевые слова: китайско-корейская граница, Туманган, Амноккан, пограничный вопрос.

DOI: 10.31857/S013128120008833-7

Во второй половине XIX в. между цинскими и корейскими властями возникают пограничные трения, связанные с тем, что корейские крестьяне, спасаясь от сильного голода, в 1869 г. начали массово переходить границу и осваивать земли севернее верховьев рек Амноккан и Туманган. Наиболее активно мигрировали через границу жители прибрежных по р. Туманган населенных пунктов Мусан, Хверён, Чонсон, Кёнвон, Онсон и др. Ситуацию усугубляло и то, что после того, как цинское правительство в 1878 г. сняло запрет на освоение земель в Маньчжурии, в приграничные с Кореей районы начали переселяться китайские крестьяне. В результате это привело к частым столкновениям китайских переселенцев с корейскими крестьянами, ранее поселившимися на землях севернее р. Туманган, что фактически вызвало к жизни огромный пустующий район.

В 1881 г. командующий войсками провинции Цзилинь Мин Ань, проводивший инспекцию земельных угодий, пригодных для ведения сельского хозяйства, обнаружил к северу от р. Туманган большое количество корейских поселений, жители которых занимались обработкой земли. Чиновник Хуньчуньского ведомства по привлечению освоения

земель (кит. 招墾局) Ли Цзиньюн в том же году отмечал, что в районе Кандо (кит. Цзяньдао*, 間島) проживают тысячи корейских крестьян, которые обрабатывают более 2000 шан (响**), а губернатор провинции Северная Хамгён официально выдает документы на право владения землей¹. В этом же году цинское правительство сняло ограничения на поселение своих подданных на границе с Кореей, разрешив им заниматься хозяйственной деятельностью к северу от рек Туманган и Амноккан². В результате в районе Хуньчуня цинские власти выделили китайским крестьянам в аренду 5620 шан земли, а в районе Удаогоу — 3037 шан³.

В 1882 г. цинский правитель Цзилиня впервые направил в Корею послание, требуя в течение года возвратить на родину переселенцев. Корейское правительство отказалось выполнить это требование и, со своей стороны, даже оказало содействие дальнейшему переселению корейских крестьян.

В 1883 г. власти уезда Дунхуа направили местным властям годов Чонсон и Хверён письменное уведомление о том, что корейцы, поселившиеся к северу от р. Туманган и не принявшие гражданство империи Цин, будут высланы обратно в Корею⁴. Одновременно китайские власти начали отнимать земли у корейских крестьян и передавать их китайским переселенцам. С другой стороны, принявшие китайское гражданство 20 тыс. этнических корейцев сохранили за собой право владения 15000 шан земли⁵.

Обосновавшиеся в районе Кандо корейские поселенцы, опасаясь принудительного выдворения из Китая, обратились к начальнику г. Чонсон Ли Чжон Нэ с прошением о решении вопроса принадлежности земель к северу от р. Туманган⁶. В 1884 г. проблема корейских поселений за пределами границ Кореи стала обсуждаться при королевском дворе, где наиболее радикально настроенные чиновники считали претензии Китая на земли к северу от р. Туманган беспричинными и несправедливыми⁷. Под давлением радикалов корейское правительство официально отменило закон о запрете поселения в приграничной зоне, что привело к резкой миграции корейцев в район Кандо.

В апреле 1885 г. власти г. Хуньчунь известили королевского посланника в провинции Хамгён Чо Бён Чжика о принудительном выселении корейцев с территории Китая и предупредили корейские власти о намерении разместить по границе с Кореей свои войска для предотвращения перехода корейцами китайско-корейской границы и обработки земельных угодий в частном порядке⁸. Несмотря на это, число корейских граждан, перешедших на территорию Китая, с каждым годом неуклонно росло.

В этой ситуации корейское правительство пыталось вовлечь китайскую сторону в переговорный процесс, в ходе которого намеревалось настоять на совместном исследовании китайско-корейских границ, которое не проводилось с 1712 г. Прибывший в приграничный с Китаем г. Чонсон инспектор северных провинций О Юн Чжун, изучив район г. Пэктусан, направил властям уезда Дунхуа послание, в котором отмечалось, что северо-восточная граница между Китаем и Кореей должна проходить по р. Тхомунган, а не по Тумангану⁹.

На китайско-корейской встрече по пограничным вопросам, проходившей в ноябре 1885 г. в г. Хверён, корейская сторона акцентировала внимание на том, что указанная во всех предыдущих документах р. Тхомунган как граница между империей Цин и государством Чосон на самом деле является притоком р. Сунгари. Таким образом корейская сторона намекала на то, что земли к северу от р. Туманган и к востоку от р. Тхомунган по

* Историческое название территории на востоке провинции Цзилинь в Северо-Восточном Китае (Прим. автора)

** 1 шан равен примерно 0,7 га (Прим. автора)

праву принадлежат Корею. Однако китайские представители категорически отказались обсуждать вопрос пересмотра китайско-корейских границ¹⁰.

На очередной встрече в апреле 1886 г. китайская сторона на утверждения корейской делегации привела следующие доводы:

1. Указанное на стеле название «Тхомунган» является диалектным гидронимом р. Туманган.

2. Установленная Му Кэ Дэном стела не является пограничным знаком, указывая лишь на место истока двух рек — Амноккан и Туманган¹¹.

В сентябре 1886 г. китайские и корейские представители вновь встретились в г. Хверён, где корейская сторона настаивала на исследовании истока реки, начинающейся от стелы, установленной в 1712 г.¹². Китайские представители выдвинули встречное предложение — изучить правый приток Тумангана, р. Содусу, впадающую в районе г. Мусан, как возможную естественную границу между Китаем и Кореей.

В результате в октябре 1886 г. китайско-корейская комиссия решила направить три группы, которые должны были изучить основные истоки юго-восточных склонов г. Пэктусан. 15 октября первая группа во главе с Цинь Ин (秦英), Цзя Юань Гуем (賈元桂) и корейским представителем Ли Чжун Ха должна была подняться вверх по р. Хонтхосу (приток р. Туманган) в направлении стелы. Вторая группа во главе с Дэ Юем (德玉) и Чо Чхан Сиком направилась в район истока р. Хондансу (紅丹水). Третья группа во главе Лянь Жум (廉榮) и Ли Вон Чжомом направилась разведывать исток р. Содусу, однако вынуждена была вернуться 27 октября в Мусан ввиду большого снегопада¹³.

После возвращения остальных экспедиций и составления общей карты разведанных районов 27 ноября 1886 г. китайско-корейская комиссия вновь собралась в г. Мусан, для того чтобы уточнить границы по р. Туманган. Несмотря на то, что и на этот раз переговоры зашли в тупик, корейское и китайское руководства выразили желание продолжить переговоры относительно окончательного определения китайско-корейской границы.

7 апреля 1887 г. пограничные комиссии Китая и Кореи продолжили переговоры по пограничным вопросам в г. Хверён. На этой встрече китайская сторона вновь выдвинула требование провести китайско-корейскую границу по одному из крупнейших притоков Тумангана — р. Содусу. Такая позиция китайской стороны серьезно обеспокоила корейскую делегацию, так как в этом случае Корея теряла территории, сравнимые с площадью современного уезда Самчжиён (1326 кв. км). В связи с этим корейской стороне пришлось окончательно отказаться от своих намерений убедить китайскую делегацию провести делимитацию границы по р. Тхомунган и пойти на компромиссное решение, заключавшееся в предложении китайской стороне изучить приток Тумангана — р. Хонтхосу как возможную границу Китая и Кореи.

На возобновившихся в середине июня 1887 г. переговорах китайская сторона предложила провести границу по р. Хондансу — притоку Тумангана, находящемуся южнее р. Хонтхосу и севернее р. Содусу. Столкнувшись с твердой позицией корейского представителя Ли Чжун Ха, китайская делегация несколько смягчила свои требования, предложив провести границу по р. Согильсу — южному притоку р. Хонтхосу. Несмотря на это, из-за отказа корейского правительства, настаивавшего на проведении границы по р. Хонтхосу, эти переговоры были также сорваны¹⁴.

В 1887 г. китайское правительство направило в район г. Пэктусан и р. Туманган группу топографов, которые составили карту приграничных с Кореей районов. Эта карта была представлена корейской делегации во время очередной встречи по пограничным

вопросам, на которой свою подпись с корейской стороны поставил Ли Чжун Ха¹⁵. Однако единственным неделимитированным участком корейско-китайской границы остались юго-восточные склоны г. Пэктусан.

В 1890-х годах территориальные споры Китая и Кореи вновь обострились. Толчком к ним послужили неоднократно приходившие в Сеул жалобы с просьбами защитить жизнь и имущество корейцев Кандо от притеснений цинских властей. Ситуация на границе осложнялась регулярными набегами банд китайских разбойников (*хунхузов*) на северные уезды Кореи. В свою очередь, нередко группы корейских солдат уходили в Кандо, вступая в вооруженные столкновения с бандами, терроризировавшими корейских крестьян.

В такой обстановке корейское правительство вновь стало инициировать вопрос о принадлежности Кандо и о корейско-китайской границе. В 1897 г. губернатор корейской провинции Северная Хамгён Чо Чжон У получил от правительства задание изучить все материалы о пограничных спорах. Обобщив имевшиеся сведения (в том числе данные предыдущих совместных обследований границы), Чо Чжон У доложил правительству, что Кандо следует считать корейской территорией. В 1898 г. назначенный пограничным эмиссаром Со Сан Му докладывал корейскому правительству, что в приграничных с Кореей районах насчитывается 8722 двора с 37 тыс. корейских подданных¹⁶. В этом же году помощник губернатора провинции Хамгён Ким Ын Нён и начальник уезда Кёнвон Пак Иль Хон обследовали спорный район, в частности, взошли на г. Пэктусан и осмотрели местность, где стояла пограничная стела. В представленном ими докладе утверждалось, что Туманган не является границей между Кореей и Китаем¹⁷.

Однако, несмотря на это, в последнем заключенном между Китаем и Кореей соглашении — «Корейско-китайском торговом договоре» от 1899 г. вопрос об окончательной делимитации корейско-китайской границы не поднимался.

Позиции Кореи в вопросе о Кандо усилились во время антифеодального и антиимпериалистического восстания ихэтуаней (1899–1901) в Северном Китае и Маньчжурии и, особенно, в связи с временной оккупацией Маньчжурии войсками царской России. Пользуясь ослаблением политического и военного влияния цинского двора в Маньчжурии, правительство Кореи в 1900 г. включило в административные границы провинций Северная Пхёнан и Северная Хамгён районы так называемых Западного и Восточного Кандо соответственно. Одновременно в этих провинциях были размещены военные подразделения. В марте 1902 г. в городах Хверён, Мусан, Чонсон, расположенных по р. Туманган, были образованы полицейские участки¹⁸, в функции которых вменялся также и контроль ситуации на сопредельной территории.

В мае 1902 г. корейское правительство направило в Кандо крупного чиновника Министерства внутренних дел Ли Бом Юна, назначив его «инспектором района Кандо»¹⁹. Одним из результатов его поездки явилось составление списков проживавших там корейцев²⁰. Согласно этим спискам, число корейских дворов, находившихся в районе Кандо, составлял более 10 тысяч. Этнические корейцы на тот момент обладали недвижимым имуществом на сумму 3 млн 647 тыс. вон²¹, обрабатывая землю площадью 36750 чонбо (в 1890 г. корейские крестьяне обрабатывали 10800 чонбо земли)*. С них начали собирать те же налоги, что и с населения Кореи, одновременно призывая не платить налоги китайским властям. Тем самым Ли Бом Юн оспаривал принадлежность проживавших в Кандо корейцев к подданным Китая.

* 1 чонбо равен 0,992 га (Прим. автора)

Китайский посол Сюй Тайшэнь, находившийся в Сеуле, выразил корейскому правительству протест в связи с действиями Ли Бом Юна в районе Кандо, считая недопустимым «своевольную деятельность корейских чиновников на территории Цин»²². В ответ Министерство иностранных дел Кореи направило китайскому послу ноту, в которой возражало против чинимых Ли Бом Юну препятствий и требовало отменить унижительное правило о бритье голов корейским переселенцам²³. Одновременно исполняющий обязанности министра иностранных дел Ю Ги Хван обратился к Чрезвычайному Посланнику в Корею А.И. Павлову с просьбой выступить посредником в вопросе о Кандо²⁴. Однако российское правительство, опасаясь осложнения отношений с Японией, которая на тот момент считала Корейский полуостров приоритетной сферой своего влияния, не отреагировало на просьбу Министерства иностранных дел Кореи.

В 1903 г. группа корейцев из Кандо обратилась в Сеул с просьбой назначить Ли Бом Юна правителем этой области. Докладывавший на заседании корейского правительства член Государственного совета Ким Гю Хон поддержал их просьбу, подчеркнув, что сотни лет территория Кандо пустовала и приоритет ее заселения принадлежит жителям северных уездов Кореи. В результате правительство назначило Ли Бом Юна правителем Кандо, поручив ему ведать всеми делами корейского населения, охранять его жизнь и имущество²⁵. Ли Бом Юн инициировал в Кандо формирование низших административных единиц (5-ти, 10-ти дворок, деревень) с назначением на должность старост из числа этнических корейцев. Пользуясь поддержкой со стороны местного корейского населения, Ли Бом Юн создал боевые подразделения Сапходэ (кор. 사포대, букв. отряд частных стрелков) для охраны корейских поселений.

Одновременно в Корею появляются публикации в средствах массовой информации, в которых отражаются претензии корейского государства на право юрисдикции в отношении района Кандо. Так, в сеульской газете «Хвансон синмун» сообщалось, что «район Кандо в древности был территорией корейских государств Когурё и Пархэ (кит. Бохай), а также родиной нынешней династии Чосон»²⁶. В связи с этим газета призывала создавать на территории Кандо «уезды, входящие в состав корейского государства»²⁷.

Опасаясь активных действий со стороны Ли Бом Юна, опиравшегося на русские экспедиционные войска в Маньчжурии, китайские власти предложили корейскому правительству отозвать в Корею Ли Бом Юна, обоюдно отвести войска от берегов Тумангана и начать решение пограничного вопроса. Не желая вступать в военно-политический конфликт с Китаем, корейское правительство вынуждено было отозвать Ли Бом Юна с китайской территории. Одновременно правительство Кореи обратилось к Ито Хиробуми с просьбой разрешить «проблему Кандо» дипломатическим путем²⁸.

15 июня 1904 г. прошла встреча пограничных ведомств Китая и Кореи, в ходе которой обе стороны признавали в качестве временной границы между двумя государствами реку Туманган, «начинающуюся от стелы на г. Пэктусан». Помимо этого, согласно достигнутой договоренности, Ли Бом Юн «не признавался как управляющий Северным Кандо». С другой стороны, китайское правительство признавало за ранее переселившимися в район Кандо корейцами право обрабатывать землю²⁹.

Таким образом, корейско-китайская граница была определена только накануне установления протектората Японии над Кореей в 1905 г. Несмотря на это в последнем соглашении, заключенном между империей Цин и королевством Чосон, не была конкретно делимитирована граница между двумя государствами. Впоследствии это привело к тому, что в проблему установления китайско-корейской границы вмешалась Япония, стремившаяся к полному контролю над Корейским полуостровом и превращению его в плацдарм для дальнейшей экспансии в Северо-Восточный Китай.

1. *Чжу Шоумин*. Гуансю-чао дунхуа-лу: [Записки о Восточном Китае в период правления императора Гуан-суй]. Т. 2. 7-й год правления Гун-суй // Цит.по: Ли Сон Хван. Кандо мунчже-ый кёнъчже, сахвечжок пунсок: [Социально-экономический анализ проблемы Кандо] // Тонъасиа-ый ёньтхо-ва минчжок мунчже: [Территории в Восточной Азии и национальный вопрос] Сеул: Кёнъин мунхваса, 2008. С. 477.
2. *Song Kiho*. The Clash of Histories in East Asia. Seoul: Northeastern Asian History Foundation, 2010. P. 99.
3. Канто-ни окэру ногё кико гайё: [Краткий обзор сельскохозяйственной структуры в Канто] // Доклад исследовательского отдела Главного управления Южно-маньчжурской железной дороги, 11-й год Сёва (1937). С. 15 // Цит. по: Ли Сон Хван. Кандо мунчже-ый кёнъчже, сахвечжок пунсок: [Социально-экономический анализ проблемы Кандо] // Тонъасиа-ый ёньтхо-ва минчжок мунчже: [Территории в Восточной Азии и национальный вопрос]. Сеул: Кёнъин мунхваса, 2008. С. 477.
4. Кочжон силлок: [Летописи короля Кочжона]. Книга 21. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_10701002_002#
- Син Ги Сок*. Кандо ёньюквоне тэхан ёнгу: [Исследования в области юрисдикции района Кандо]. Сеул: Тхамгуса, 1979. С. 38–39.
5. Канто-ни окэру ногё кико гайё: [Краткий обзор сельскохозяйственной структуры в Канто] // Доклад исследовательского отдела Главного управления Южно-маньчжурской железной дороги, 11-й год Сёва (1937). С. 49 // Цит. по: Ли Сон Хван. Кандо мунчже-ый кёнъчже, сахвечжок пунсок: [Социально-экономический анализ проблемы Кандо] // Тонъасиа-ый ёньтхо-ва минчжок мунчже: [Территории в Восточной Азии и национальный вопрос]. Сеул: Кёнъин мунхваса, 2008. С. 477.
6. Хангуминчжокмунхва тэбэкква: [Большая энциклопедия национальной культуры Кореи]. URL: <http://100.nate.com/dicsearch/pentry.html?s=K&i=236034&v=44>.
7. Кочжон силлок: [Летописи короля Кочжона]. Кн. 21 URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_10701002_002#
8. Кочжон силлок. Кн. 22. // URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_10701002_002#
9. *Син Ги Сок*. Кандо ёньюквоне кванхан ёнгу: [Изучение права юрисдикции района Кандо]. Сеул: Тхамгудань, 1979. С. 71.
10. *Синода Тисаку*. Пэктусан чонгеби ва куккён: [Пограничная стела на г. Пэктусан и границы] Пер. Син Ён Гиля. Сеул: Чисондан. 2005. С. 145–199.
11. *Синода Тисаку*. Пэктусан чонгеби ва куккён. С. 202–204.
12. Он же. Указ. соч. 229–230.
13. Он же. Указ.соч. С. 178.
14. *Син Ги Сок*. Указ. соч. С. 59–69.
15. *Со Гиль Су*. Пэктусан куккён ёнгу. С. 132.
16. Тамура Ёсимаро. Киндай Канто дзидзё. Токио: Тёсэн-о тёсэндзися, 1927 // Цит.по Акидзуки Нодзому. Сипку-исип сеги-ый Кандо ёньюквон мунчже // Тонъасиа-ый ёньтхо-ва минчжок мунчже: [Территории в Восточной Азии и национальный вопрос]. Сеул: Кёнъин мунхваса, 2008. С. 521.
17. *Ким Но Гю*. Пугёйосон: [Основные сведения о северных землях], 1903. URL: <http://www.happyhaksul.com/ksdata/10208>.
18. Ильсонънок: [Журнал ежедневных размышлений]. 6-й год эпохи Кванъму (правление короля Кочжона). URL: http://e-kyujanggak.snu.ac.kr/home/index.do?idx=06&siteCd=KYU&topMenuId=206&targetId=379&gotourl=http://e-kyujanggak.snu.ac.kr/home/YDG/YDG_CLASS.jsp?ptype=class^subtype=ils^lclass=king^mclass=07.
19. *Ли Бом Юн*. URL: <http://ko.wikipedia.org/wiki/이범윤>
20. *Ли Иль Голь*. Кандо хёбьяе кванхан ёнгу: [Исследование договора о Кандо]. Сеул, 1990. С. 141–147.
21. *Син Ги Сок*. Кандо ёньюквоне кванхан ёнгу: [Изучение права юрисдикции Кандо]. С. 79.

22. Кухангук вөгё мунсо: [Дипломатические документы Корейской империи]. Т. 9. Раздел «Цин». Дело 2–2297. URL: <http://www.krpia.co.kr/viewer?plctId=PLCT00004938&tabNodeId=NODE04045476&nodeId=NODE04056671>.
23. Ян Тхэ Чжин. Хангуге ёньтхо квалли чонъчхи-е кванхан ёнгу: [Исследование политики управления территорией Кореи]. Сеул: Хангук хэнчжон ёнгувон, 1996. С. 220.
24. Кухангук вөгё мунсо: [Дипломатические документы Корейской империи]. Т. 18. Раздел «Россия». Дело 2–1882. URL: <http://www.krpia.co.kr/viewer/open?plctId=PLCT00004938&nodeId=NODE04068791>.
25. Хангуминчжокмунхва тэбэжкквa. URL: <http://100.nate.com/dicsearch/pentry.html?s=K&i=236034&v=44>.
26. Хванъсонъ синмун, 14.09. 7-й год эпохи Кванъму (1903).
27. Хванъсонъ синмун, 20.08. 7-й год эпохи Кванъму (1903).
28. *Моряма Модоку*. Киндай никкан канкэйдзи кэнкю. Токкё дайгаку сюппанкай, 1987. С. 232.
29. *Ян Тхэ Чжин*. Хангуге ёньтхо квалли чонъчхи-е кванхан ёнгу: [Исследование политики управления территорией Кореи]. Сеул: Хангук хэнчжон ёнгувон, 1996. С. 76.

A. Ivanov. The Problem of Resolving Border Issues between Qing China and Korea in the Late XIX — Early XX Centuries

At the end of the XIX century on the Chinese-Korean border the situation was aggravating in connection with the mass migration of Koreans to lands north of the Tuman River and Amrok River. The Qing authorities have taken a series of measures to curb the further settlement and development by Korean immigrants of the territories bordering on Korea. In response, the Korean government raised the question of the illegality of China's claims in the territory north of the Tuman River and tried to involve the Chinese side in the negotiation process, during which it intended to insist on a joint exploration of the Chinese-Korean borders, which had not been conducted since 1712.

Key words: Chinese-Korean border, Tuman River, Amnok River, the border issue.

Синьцзян на пороге Первой мировой войны в свете новых архивных документов

© 2020

И.В. Тункина, М.Д. Бухарин

Неустойчивое внешнеполитическое положение на Дальнем Востоке обуславливало необходимость объединения усилий МИДа и военного командования по проведению разведки на приграничных территориях Китая. Значительную роль в решении данной задачи играли российские консулы, в частности в Синьцзяне. Как показывает впервые публикуемый архивный документ из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (фонд академика С.Ф. Ольденбурга), российские дипломаты рассматривали возможность, при которой Синьцзян мог стать путем переброски войск на один из фронтов боевых действий. В конечном итоге опасения оказаться на территории боевых действий обусловили завершение работы II-ой Русской Туркестанской экспедиции.

Ключевые слова: Дальний Восток, внешняя политика, Синьцзян, Первая мировая война, С.Ф. Ольденбург, археологическая экспедиция.

DOI: 10.31857/S013128120008834-8

Политика Российской империи на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. в целом довольно подробно рассматривается в современной историографии. Как общие, так и относительно частные вопросы истории продвижения политических и экономических проектов России в регионе, столкновения интересов различных держав, военных инцидентов, в том числе как несанкционированных проникновений России и Китая на территорию друг друга, так и совместных операций двух держав против общего неприятеля¹, культурной экспансии, в том числе взаимосвязь всех этих аспектов, постоянно получают подробное освещение на страницах российской и зарубежной печати.

Российская внешняя политика на дальневосточном направлении в конце XIX — начале XX в. характеризовалась осторожностью, стремлением соблюсти баланс сил, оберегая при этом свои экономические и территориальные интересы. При этом успехи и территориальные приобретения Японии уже в войне 1894–1895 г., а затем и в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг., аннексия Кореи в 1910 г. заставляли Россию по-новому воспринимать Японию — как мощную силу, способную определять повестку дня не только военными операциями, но и дипломатическими возможностями². Стремление же поддерживать дружеские отношения с Китаем, основанные на взаимных уступках в начале XX в., видно в частности из позиции России, занятой при обсуждении Цицикарского протокола 1911 г.³.

Бухарин Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, член-корреспондент РАН. E-mail: vdi@igh.ras.ru.

Тункина Ирина Владимировна, доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. E-mail: tunkina@yandex.ru.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Вторая Русская туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга. Неизданные материалы из архивов РАН», № 18–09–00213.

При этом отношения между Россией и Китаем, конечно, отягощались рядом проблем. После падения Цинской династии интенсифицировалась борьба соседних держав за преобладание в Монголии. Россия в этой борьбе оказалась сильнее⁴: по соглашению от 21 октября 1912 г. именно Россия гарантировала автономию Монголии, а 5 апреля 1914 г. Китай был вытеснен из Урянхайского края, и Тува оказалась под российским протекторатом. Клубок российско-китайских противоречий в Монголии оставался к началу Первой мировой войны неразрешенным⁵.

На рубеже 1910-х годов российская политическая элита высказывала совершенно определенные опасения в связи со столкновением экономических и политических интересов держав на Дальнем Востоке. 15 февраля 1910 г. депутат Государственной думы Н.В. Некрасов на заседании бюджетной комиссии произнес речь, в которой в частности сказал: «... и мы не можем предсказать, какую ответственную роль придется еще сыграть Сибири в том великом столкновении экономических и политических интересов, которое, несомненно, надвигается на нас с Востока»⁶.

Основное внимание историков Первой мировой войны приковано к западному направлению, в меньшей степени к кавказскому. Показательно в этом отношении следующее высказывание относительно места Дальнего Востока в исследованиях по истории Первой мировой: «Роль Китая в Первой мировой войне была забыта не только западными учеными, но и китайскими историками»⁷. Участие Китая в Первой мировой войне и в российской историографии считается «малоизученным вопросом»⁸. Тем не менее, основные пункты истории Китая в связи с началом мировой войны общеизвестны: Китай 6 августа 1914 г. объявил нейтралитет, не присоединившись ни к одной из противоборствующих группировок. Однако в дальнейшем страна оказалась втянута в конфликт мировых держав. Пока Китай вел переговоры о вступлении в войну на стороне Антанты, Япония, стремясь вытеснить британское влияние в Китае⁹, в ночь с 7 на 8 августа приняла решение о вступлении в войну, 15 августа предъявила ультиматум, 23 августа 1914 г. объявила войну Германии, а 2 сентября — напала на ее владения на территории Китая в провинции Шаньдун. В январе 1915 г. Япония выдвинула Китаю ультиматум — «21 требование». Китай не получил поддержки от США, Англии и Франции и, оказавшись перед сложным геополитическим выбором, 9 мая 1915 г. был вынужден признать с определенными оговорками претензии Японии, а затем и присоединиться к антигерманской коалиции: с января 1917 г. Китай отправлял в союзные державы, в том числе и в Россию¹⁰, рабочую силу, в марте 1917 г. Китай разорвал дипломатические отношения с Германией, а в августе 1917 г. под давлением Японии и США официально вступил в Первую мировую войну на стороне противников Германии.

Не будет, однако, излишним преувеличением сказать, что за фасадом этих масштабных событий немало обстоятельств, так или иначе влиявших на ход российско-китайских отношений, до сих пор оставалось «за кадром». В частности, положение дел в Синьцзяне в предвоенный период и в первые недели после начала Первой мировой войны едва ли можно считать совершенно выясненным и не нуждающимся в дальнейшем исследовании. Между тем, Синьцзян — важнейший регион в истории отношений России и Китая. Важность его объясняется не только наличием общей границы, но и иными обстоятельствами: Северо-Западный Китай граничил не только с Россией, но и с Монголией, и в случае неблагоприятного для России развития событий мог служить путем переброски войск в северном, западном и в северо-западном направлениях.

Важно отметить, что политические и военные столкновения, экономическая конкуренция не исчерпывали вариантов вражды между заинтересованными странами, развивавшейся, прежде всего, в Северо-Восточном Китае. Соперничество — в научной сфере — велось и в Северо-Западном Китае. Так, Россия и Германия не сумели договориться о сферах раздела областей для проведения археологических раскопок. Идеалистические планы организации совместных экспедиций и исследования древних и средневековых

памятников Синьцзяна в реальности уступили место погоне за артефактами. Российские археологи обвиняли коллег из Германии в нарушении ранее достигнутых договоренностей, вторжении на территорию, зарезервированную для российских исследователей и ведении раскопок не столько с научной целью, сколько с целью заполнения наиболее броскими экспонатами музейных залов в Берлине. Германские коллеги упирали на то, что, если та или иная договоренность и была нарушена, то только по причине неясных устных формулировок и их неоднократного пересмотра и того, что российская сторона и сама виновата в подобного рода провокациях¹¹.

Российско-германское соперничество в научной сфере развивалось на фоне конкуренции в этой же области и между другими странами. Так, английские исследователи, в частности Е.Д. Росс и М.А. Стейн (последний внес значительный вклад в развитие археологического исследования Северо-Западного Китая и справедливо считается одним из основателей дунхуановедения), как следует из частной переписки между ними, считали территорию, на которой им приходилось работать, «своей», и проезд через нее японских исследователей, в частности Тачибаны Цуичо — молодого коллеги и спутника графа Отани — вызывал у них ярко выраженное раздражение¹².

В связи с постоянным наличием угроз перерастания локальных российско-китайских столкновений в полномасштабные, возможным развитием конфликтов не только с Китаем, но и с другими державами на китайской территории, вовсе не праздными выглядят усилия российских консулов и сотрудников российских консульств по доскональному изучению географии, демографии Китая — значительные области соседней державы представляли для российских дипломатов и военных *terra incognita*, а постоянные стычки в приграничных районах подталкивали их на сбор информации об армейских подразделениях, расквартированных в подотчетных им регионах. Так, в связи с обострением ситуации в Тарбагатайском крае в июле 1900 г. чугучакский консул С.В. Соков снабжал МИД соответствующей информацией, в которую входили данные о количестве войск, вооружении и местах их расположения. При этом, по данным российский дипломатов, военные приготовления проводились китайскими властями не только в чугучакском, но и в алтайском округе. Параллельно же с российскими дипломатами сведения о китайской армии в приграничных районах собирали и японские разведчики. В связи с неблагоприятным развитием событий в 1900 г. российский воинский контингент даже был переведен из Ташкента в Хоргос для возможной переброски в Кульджу¹³.

Характерным примером в данном отношении — помощи сотрудников российских консульств в Китае российским дипломатам и военным — является «Отчет по объезду округа консульства в Кашгаре, совершенного секретарем консульства» (1902–1906) М.И. Лаврова. На момент совершения «объезда» Лавров — секретарь Генерального консульства России в Кашгаре.

Путешествие М.И. Лаврова началось и закончилось в Кашгаре. Он отправился в путь 21 декабря 1904 г., а завершил путешествие 14 апреля 1905 г., пройдя 2886 верст (3088 км) за 84 дня. Как указывает сам Лавров, на некоторых участках пути (от переправы в Татране через Черчен-дарью до Кечика) он был первым европейцем¹⁴. В российских архивных хранилищах имеются и другие аналогичные документы, до сих пор не введенные в научный оборот¹⁵.

Деятельность российских консулов по детальному обследованию территории в Северо-Западном Китае не была изолирована географически, аналогичная деятельность развивалась и в других регионах — Монголии и Маньчжурии, особенно в тех местах, где отмечалась активность японской и китайской разведок. И именно поражение в Русско-японской войне во многом послужило важнейшим стимулом для развития подобной активности. Показательно, что японская разведка вела свою деятельность, прикрывая собственных агентов организацией различных научных экспедиций или миссионерских по-

сольств — профессионального разведчика легко вычисляли по военной выправке и манере поведения¹⁶.

Набор методов для прикрытия разведки местности был весьма узок, и в распоряжении российской стороны оставались приблизительно те же методы. Организация экспедиций на Дальнем Востоке, как следует на примере обеих экспедиций академика С.Ф. Ольденбурга 1909–1910 и 1914–1915 гг., наталкивалась на значительное количество трудностей — финансовых, логистических, и естественно было поручить эту деятельность кому-либо из консульских сотрудников. В качестве таковых привлекались и М.И. Лавров и другие лица.

Таким образом, положение в Синьцзяне накануне Первой мировой войны отражало общее состояние дел на Дальнем Востоке: при относительной уравниловке ситуации противоречия между Россией, Китаем и Японией окончательно урегулированы не были, постоянные локальные стычки и масштабные войны, которыми была наполнена история отношений соседних дальневосточных держав до 1914 г., диктовали необходимость принимать во внимание любое развитие ситуации вплоть до самого неблагоприятного. Для этого руководителям МИД и военного ведомства требовалась вся полнота информации о территории, на которой могли быть или были расквартированы воинские контингенты соседней страны, и через которую они же или российские части могли быть оперативно переброшены на предполагаемый или реальный театр военных действий.

В связи с этим особый интерес представляет документ, ранее не использовавшийся в исследованиях ни по истории внешней политики России на Дальнем Востоке, ни по истории науки. Он отложился в фонде академика С.Ф. Ольденбурга в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в деле «Разрозненные части отчетов и трудов участников Русско-Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг.»¹⁷. Начало, а соответственно, и название, а также завершение документа утрачены. Условно его можно было бы назвать «Военно-политическое значение и географическое описание Китайского Туркестана», во всяком случае, именно в этом заключается его суть.

Летом 1914 г. академик С.Ф. Ольденбург начинал Вторую Русскую Туркестанскую экспедицию, основная цель которой заключалась в исследовании пещерно-храмового комплекса Чан-фо-дун близ Дунь-хуана в провинции Ганьсу. Работа Ольденбурга и его коллег развивалась исключительно плодотворно, однако неопределенность на политических фронтах и фронтах боевых действий обусловили преждевременное сворачивание работ в конце января 1915 г. Политика определяла развитие науки о Востоке, и в случае с экспедицией академика Ольденбурга влияние политики было негативным. Тем не менее, публикуемый ниже документ сохранился именно в его фонде.

Содержание документа позволяет предположить, что характеристика обстановки потребовалась при оценке возможности переброски российских войск в Северо-Западный Китай из Туркестанского военного округа. Как следует из начальной части текста, его составление диктовалось неназванными событиями 1907–1908 гг. Источником сведений явился командующий кавалерийскими частями, т.е. источник вполне заслуживал доверия.

Описание начинается с упоминания тех армейских частей, которые прошли через Хами в Или (Кульджу). Затем автор суммирует данные об аналогичных сведениях, т.е. о контингентах, прошедших в Гучен, Баркул и Хами, причем добыты эти сведения были с 17 по 29 июля и в августе неуказанного года. Из дальнейшего следует, что автор совершил разведывательное путешествие из Урумчи в Хами через Гучен и Баркуль, и подробному описанию данной территории посвящен данный документ. Описывается ландшафт, остановочные пункты, наличие ресурсов продовольствия (в том числе и для лошадей) и воды, указываются цены на продукты и время перехода от одной остановки до другой, характеризуется этнический состав населения.

Документ отпечатан на машинке, текст имеет рукописную правку и вставки неустановленного лица, видимо, автора записки. Рукописная правка и указание на начальный пункт миссии — Урумчи — позволяют предположить, что автором данного текста был Алексей Алексеевич Дьяков (1876—?) — драгоман, секретарь и консула российских консульств в Кульдже (1902–1912) и Урумчи (1912–1917).

Предположение о том, что данный документ составлен А.А. Дьяковым тем более основательно, что именно в нем С.Ф. Ольденбург состоял в довольно активной переписке. Первое письмо датировано 29 июня 1914 г., а 21 июля 1914 г. Дьяков получил из Пекина телеграмму: из нее он узнал о том, что Германия объявила России войну. Тема войны поднималась и во всех следующих письмах вплоть до 14 февраля 1915 г., когда Дьяков узнал о завершении работ экспедиции¹⁸.

Письма Дьякова Ольденбургу интересны тем, что они дают наглядное представление об атмосфере, в которой развивалась работа Второй Русской Туркестанской экспедиции. Разразилась Первая мировая война, и российское общество в начальный ее период жило надеждами на скорейший разгром противников, и письма Дьякова сначала также полны энтузиазма. Затем их тональность меняется на более осторожную.

«Дневник поездки в Дун-хуан» Самуила Мартыновича Дудина — спутника академика С.Ф. Ольденбурга по Первой и Второй Русской Туркестанской экспедиции — также дает возможность предположить, что консул Дьяков был тесно связан с Ольденбургом и его отчет вполне мог отложиться в фонде. Так, судя по записям от 2 июля 1914 г. члены экспедиции получили приглашение от консула прибыть к нему в гости. 3 июля консул встретил Ольденбурга и его спутников с конвоем казаков. 3–6 июля экспедиция провела в гостях у консула¹⁹.

Можно предположить, что урумчийский консул Дьяков получил не только сообщение о начале войны, но и просьбу провести рекогносцировку местности во вверенном ему консульском округе. Соответственно, датировать данный документ предположительно можно второй половиной июля 1914 г.

Датировка документа 1909 г. — годом начала работ I Русской Туркестанской экспедиции, может быть исключена, так как текст упоминает «китайцев из партии «гэ-мин-дан», а учрежден Гоминьдан был тремя годами позднее — 25 августа 1912 г.

<Военно-политическое значение и географическое описание Китайского Туркестана>²⁰

[...] китайских войск в 1907 и 1908 годах, то вот точные данные, сообщенные лично мне в беседе — хамийским «ду-сы», командиром (шоу-бэй) кавалерии, г. Ванчжан-хуа.

Во-первых, через Хами прошла в Или первая в минувшем году партия луцзюньских солдат — в 700 человек, вторая партия — в 800 человек, третья партия в 1 200 человек, четвертая партия — в 800 человек и пятая в 500 человек, а всего 4 000 человек. Конечно, каждая такая группа — вся за один раз — без значительнейшего транспорта, пройти не может — по причинам, изложенным ниже. Отряд в 1 200 человек жил в Хами 4 месяца. Это должно быть — рекрута, приведенные майором Кунь-фу-таном и прибывшие в Урумчи. Вышеозначенный Ванчжан-хуа передал также, что в 35 году правления Гуань-суй придут в Хами на расквартирование 3 000 луцзюньских солдат из внутреннего Китая.

Сведения о китайских войсках: 1) в г. Гучен добыты мной в начале июля сего года; 2) в Баркуль — добыты за время с 17 по 21 июля сего года; 3) в г. Хами — за время с 24 по 29 июля сего года.

Переходя теперь к обзору местности, по которой я проехал из Урумчи через Гучен, Баркуль в Хами, ее можно подразделить на три части, — разные по степени населенности и свойству почвы. Во-первых, от Урумчи до станции Му-ли-хэ, это местность сравнительно населенная густо и орошаемая водой из арыков. Во-вторых, от Му-

ли-хэ до Баркуля, собственно до урочища Кацзы (что в 15 верстах от Баркуля), — безжизненная степь «гоби». И в-третьих, от Баркуля до Хами сперва земледельческая полоса, затем предгорье, северная сторона Тянь-Шаньского хребта, покрытая елью и лиственницей, и отчасти березой, потом дорога идет через перевал Кошеты-дабан. Подъем вверх перевала облегчен устройством 22 откосов, огороженных перилами, или, иначе говоря, дорога идет зигзагообразно. От верхней точки перевала до пикета Нань-Шань-Коу — сплошной спуск. Дорога хотя и колесная, но убийственная по обилию камней, вдобавок еле текущая небольшая — в то время — горная речка размывает дорогу. Но пушки по этой дороге провезти можно. От верхней точки дабана до пикета Наньшанькоу я положил, по времени езды, 15–18 верст. От Наньшанькоу до Хами около 60 верст. Это видно из того, что мы ехали до Хами 6 часов, выехав из Наньшанькоу в час ночи и приехав в Хами в 7 часов утра, а ехали слишком быстро на выставленных Цинь-ваном свежих лошадей. В Хами оказалась резкая перемена: от Баркуля дорогой через перевал было прохладно, а в Хами весьма жарко.

На карте от г. Фоукана до г. Гучена отмечено семь речек, но на самом деле их не видать, ибо вся вода из речек отведена в арыки, коих весьма много. Так, за один час, дорогой из селения Саньтай в г. Цзимисар мы переехали 26 арыков. Почва на земледельческих участках — суглинок и лессовая, чернозема нет. Уезды Цзимисарский и Тученский богаты, пашень («ху-цзяр») много. В Цзимисарском уезде, как передали мне Тин-Гуань г. Вэй, около 20 000 жителей, а в стенах города — около 2 000 человек. Фоуканский уезд не так богат: в нем только 800 «ху» (то есть земледельческих участков), тогда как в Гученском уезде 3 600 «ху». От Гучена в селение Читэй сначала идет gobi и только около Читэй находятся пашни, хотя в этом пункте воды немного. Далее от Читэй в селение Мулихэ дорога идет сперва по каменистому грунту, в 15 верстах от Читэй есть деревушка под названием «Си-цзырь» и небольшие пашни, затем — опять gobi, на середине пути — оазис и деревушка Дунь-чен-коу (где есть два колодца), затем — опять дорога пролегает по каменистому грунту и по ложбине между сопок, на коих китайцами посеяны маки и пшеница. В Мулихэ протекает вторая попавшаяся на пути речка (первая — вытекает из урочища «Арасан», что в 7 верстах от Урумчи и течет около дороги оттуда в селение Гумиди).

Выше было упомянуто, что от Мулихэ почти вплоть до Баркуля — безжизненная степь. Но здесь нужно оговориться, что среди таковой пустыни попадаются все-таки урочища, где проезжие могут остановиться, ибо имеются дьянь (постоялый двор) и вода. Так на первой станции от Мулихэ — к Баркулю, в селении Сань-гэ-цюань-цзы есть три колодца, но воды в них мало: ее не хватит на 100 человек с лошадьми, если все сразу будет пить. На следующей станции Да-шитоу (в переводе — большой камень) протекает ручей солоноватой воды. От Да-шитоу вплоть до станции Цзи-цзи-тай (в переводе — высокий чий (травы)) нет пресной воды, а переход около 70 верст, нет отмеченных на карте (масштаб 40 верст в дюйме) фанз, вроде Сяо-шитоу, Са-пичоцза, фанзы теперь покинуты и в них никто не живет; дорога идет крючками; в Цзицзитае есть ключ пресной воды. Далее в 15–20 верстах от Цзицзитае, в урочище Шагоу-цзынь (в переводе — колодец в песчаном ущелье) выкопан для поила верблюдов большой колодец с отличной водой, которая, оказывается, находится тут весьма близко от поверхности. На следующих станциях У-ту-шуй, Ла-ба-цюань и Ку-гэй-цюань имеются только дьянь и фанза для китайца, возящего почву. В селениях же Да-шитоу и Сань-гэ-цюань-цзы имеются два дьяня и, как сказано выше, по пикету в каждом.

В Баркуле воды пресной много, получается из колодцев. На первой станции от Баркуля в Хами, — именно Кой-су, воду берут из колодца, а далее по дороге к станции в урочище Сунь-шу-тан (в переводе — сосновый лес) попадают много горных ручьев, текущих с северного склона Тянь-Шаня от тающего снега.

В г. Хами протекает речка и воды достаточно.

Южной дорогой от Хами к Турфану встречаются, во-первых, два оазиса: это Сумкарга и Сань-дао-линцзы, где есть кишлаки (селения) и пашни, орошаемые водой из арыков, и, во-вторых, урочище Ляо-дунь, где пашень нет, а есть фанцзы. А далее вплоть до селения Чиктым безжизненная каменная, а около Чиктыма — песчаная пустыня, хотя конечно имеются на больших расстояниях постоянные дворы (дьяни). Колодезная вода есть во всех дьянях от урочища Ляо-дунь до Чиктыма; в последнем из под китайского инпанчика, расположенного в стенах древней калмыцкой крепостцы, вытекает обильный ключ превосходнейшей воды. Между прочим в урочище О-тун-оцзы колодца нет, а есть ключ вонючей воды; путешественникам и кому придется — не рекомендуется пить эту воду, под опасением печального исхода, что со мной едва не случилось. В селе Чиктым начинаются знаменитые «карызы». Чиктымские пашни орошаются водами из 10 карызов, пичанские — из 16 карызов и одной речки; в селении Лямджин всего 25 карызов и две речки; в селении Астына (по китайски: Сан-пу) 45 карызов и одна речка; в г. Турфан вода идет из 450 карызов и двух речек. «Карыз» — это система колодцев, внизу сообщающихся между собой узким каналом. Колодец при выходе воды на долину имеет глубину 2–3 аршина, тогда как последний колодец, который выкапывается возле гор, глубиной от 15 до 30 сажень. Вода течет в подземном канале (арык) снизу вверх, что объясняется напором подземных ключей.

Что касается фуража и сена, то от Урумчи до Гучена можно всегда достать пшеницу, отчасти ячмень и всегда горох («бурчак») и клевер («му-суй»). Эти же продукты имеются для продажи и в селениях Читэй и Мулихэ. Но от последнего до г. Баркуля летом пшеницы нет, а зимой изредка привозят ее на станции до Баркуля из Мулихэ, горох же всегда можно найти по этим станциям, клевера нет, а есть горная трава вроде моха и осока.

В г. Баркуль можно достать пшеницу, а ячменя весьма мало. В этом году едва ли можно будет покупать там в достаточном количестве последние продукты, ибо половина земледельческих участков в баркульском приставстве была поражена саранчой, что встречается довольно часто. В Баркуле имеется много камыша, на громадном пространстве растущего по восточную сторону Баркульского озера, а клевера нет. На станциях же от Баркуля до Хами: Койсу, Сунь-шутташ и Нань-шань-коу путешественники могут приобретать для своих лошадей только горох и камыш. В городе Хами для лошадей можно всегда достать в изобилии горох, имеется пшеница, ячменя нет, а лошадей кормят камышом.

От г. Хами по южной дороге до г. Пичана ячмень и пшеница встречаются только на первых станциях: Сумкарга, Сань-дао-линцзы и Ляодунь, а далее все горох, клевера нет, а имеется солома. В г. Пичан для корма лошадей имеется пшеница, горох, гаолян и солома; в селении Астына можно всегда достать для лошадей пшеницу, ячмень и сено; в г. Турфан также можно всегда найти пшеницу, ячмень, горох, гаолян, клевер и солону.

Расценку фуража для корма лошадей в разных пунктах пройденной мной местности за июнь и август сего года имею честь представить в прилагаемой у сего таблице²¹.

В городах Гучен, Хами и Турфан имеются телеграфные станции, а телеграфа от Гучена до Баркуля и от последнего до Хами нет.

Преобладающим элементом населения на северной дороге: от г. Урумчи до г. Хами являются китайцы, преданные своему Богдохану; китайцев из партии «гэ-мин-дан» (революционеры) дорогой не встречал. В июле месяце встретил по дороге из Урумчи до станции Да-шитоу (что за Гученом) около 150 китайцев, идущих по одиночке, попарно и не более как вчетвером — из внутреннего Китая в «Шен-Чен» (то есть губернский город: Урумчи — тоже) на заработки. Со всеми разговаривал, то есть спрашивал, откуда, куда и зачем идут, — получал вежливые ответы. Только на тракте от селения Чиктым до станции Цигэ-цзынь, в горах, получил от встретившихся китайцев, едущих в сопровождении

солдата, должно быть в Хами, — на мой вопрос: «вы куда и зачем едете?» таковой ответ: «ступайте вы своей дорогой, — а мы своей, вам какое дело, куда мы едем».

Дунган немного; сарты есть в Гучене.

В г. Хами много китайцев и дунган, а более всего сартов («кумулджык»), подчиненных Цинь-вану.

Далее от Хами на южной дороге в таких пунктах, как Турфан, Астына, Лямчин и Пичань преобладающее население сарты — турфанлыки.

В городах Фоукане, Цзимисаре, Гучене, Баркуле, Хами, Пичане и Турфане есть китайские базары. Причем торговля процветает: в Гучене, Хами и Турфане. В частности в Гучене имеются лавки урумчинских русских торговцев и проживающих там русскоподанных, коих всего в Гученском уезде около 100 душ. В г. Хами имеются две лавки урумчинских наших торговцев в г. Турфане в августе месяце сего года я встретил около 20 русскоподанных, там имеется русский торговый старшина (аксакал).

Кочевников на пройденном пути не встречал. В указанных городах иностранцев или японцев нет.

Что касается самой вообще дороги, то от г. Урумчи до Хами дорога отличная — для проезда на телеге; арыки, попадающиеся на пути, не глубоки и через них арбы отлично могут проходить. От Хами также до Турфана превосходно можно проехать на телеге, и от последнего — также до Урумчи, только в конце пути нужно будет ехать не через Даванчин-дабань, а южнее его вдоль речки Баян-хэ.

В заключение считаю долгом отметить, что пути: от г. Хами до Пичана в данное время представляют в стратегическом отношении для [...]

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 83–91. Машинопись с рукописной правкой.

1. Например: *Киселев Д.* «Шитоулинское дело»: действия русских войск в Маньчжурии в период до 1900 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 144–153.
2. См., например: *Мясников В.С.* Третья дальневосточная война 1894–1895 гг. и эволюция политики России в регионе // *Мясников В.С.* Кастальский ключ китаеведа. Том 7. Китайская рапсодия. М., 2014. С. 82, 86.
3. См. подробнее: *Мясников В.С.* Цицикарский протокол 1911 г. // *Мясников В.С.* Кастальский ключ китаеведа. Том 3. Договорными статьями утвердили. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений. М., 2014. С. 327–342.
4. О центральном событии — Кобдинском сражении — см.: *Арчимаева Р.М.* Кобдинское сражение в Монголии (1912) // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. С. 39–41.
5. *Синиченко В.В., Изаксон Р.А.* Монгольский вопрос в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Иркутской области) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 134.
6. Цит. по: Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы: периодический сборник. 1910. № 22–23. С. 89–90.
7. “China’s role in the First World War was forgotten not only by the Western scholars but also by the Chinese historians” (*Alexeeva O.V.* Forgotten Ally: China in the First World War // Representing World War I. Perspectives at Centenary / Ed. D. Hambly, L. Salem-Wiseman. Toronto, 2015. P. 44).
8. *Смертин Ю.Г.* Китай в Первой мировой войне: поиски национальной и интернациональной идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. Ч. 1. С. 173.
9. *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения. Книга вторая. История Китая первой четверти XX века. Доктор Сунь Ятсен. Свержение маньчжурской монархии и борьба за республику. М., 2006. С. 160.
10. См.: *Дацышен В.Г.* Китайский труд на Урале в годы Первой мировой войны // Уральское востоковедение. 2007. Вып. 2. С. 49–58. В статье на конкретных примерах показывается, что исполь-

зование труда китайских рабочих в России имело более глубокую историю и восходит к 1870-м годам, однако именно Первая мировая война значительно интенсифицировала китайскую иммиграцию в Россию и придала ей практически официальный характер.

11. См. подробнее: *Bukharin M.D. The Maitres of Archaeology in Eastern Turkestan: Divide et Impera // Masters and Natives. Digging the Others' Past (Welten Süd- und Zentralasiens / Worlds of South and Inner Asia / Mondes de l'Asie du Sud et de l'Asie Centrale. 123). Berlin: De Gruyter, 2019. P. 85–102.*
12. *Galambos I., Kōichi K. Japanese Exploration of Central Asia: The Ōtani Expeditions and their British Connections // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2012. Vol. 75. P. 116.*
13. *Галиев В.В. Особенности охраны российских консульств в Синьцзяне в начале XX века // Молодой ученый. 2010. № 5 (16). С. 93–95.*
14. Отчет по объезду округа консульства в Кашгаре, совершенного секретарем консульства Михаилом Ивановичем Лавровым (1902–1906) / изд. подг. М.Д. Бухарин // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в начале XIX — первой трети XX вв. Том. 2: Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской республики). М.: «Памятники исторической мысли», 2018. С. 39–205.
15. Строковский 1911 — *Строковский В.А.* Описание прямого пути от Монаса до г. Зайсана, пройденного в августе 1911 г. врачом при консульстве в Урумчи В.А. Строковским // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 14.
16. *Кузьмин Ю.В.* Иркутские архивные материалы о деятельности японской разведки в Монголии и Маньчжурии в начале XX в. // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. С. 29.
17. СПБФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182.
18. Публикацию писем А.А. Дьякова к С.Ф. Ольденбургу см.: *Бухарин М.Д.* Письма А.А. Дьякова к С.Ф. Ольденбургу из собрания СПФ АРАН // Вестник истории, литературы, искусства. 2013. № 9. С. 440–448; *Бухарин М.Д.* Письма А.А. Дьякова С.Ф. Ольденбургу // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX в. Том. 1: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и «Турфанского собрания». М.: «Памятники исторической мысли», 2018. С. 593–599.
19. СПБФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 183. Л. 6–7.
20. Начало и конец документа отсутствуют. Пагинация машинописи, проставленная от руки неустановленным лицом, начинается 16 листом и заканчивается 24 листом.
21. Абзац отчеркнут на полях, таблицы в приложении нет.

I. Tunkina, M. Bukharin. Xinjiang on the Threshold of World War I in the Light of New Archival Documents

The volatile situation in the Far East had necessitated joint efforts between the Ministry of Foreign Affairs and the military command to conduct intelligence in China's border territories. Russian consuls, in particular in Xinjiang, played significant role in this process. According to a new archival documents from the St. Petersburg branch of the Archive of Russian Academy of Sciences (Fond of S.F. Oldenburg), Russian diplomats were considering the possibility that Xinjiang could become a way of moving troops to one of the combat fronts. In the end, fears of ending up in the territory of the fighting led to the end of works of the Second Russian Turkestan expedition.

Key words: the Far East, foreign policy, Xinjiang, World War I, S.F. Oldenburg, archaeological expedition.

Русско-китайская торговля в Ханькоу в годы Первой мировой войны

© 2020

В.Г. Шаронова

В статье рассказывается о деятельности русского купечества в Ханькоу в годы Первой мировой войны. Именно в этот тяжелый для России период наблюдался наивысший подъем экспорта чая и 1915 г. стал пиком по объемам закупок чая за весь многолетний период русско-китайской чайной торговли. Из-за произошедшей в 1917 г. революции и начала гражданской войны, русские торговые дома в Ханькоу и других городах Китая были вынуждены прекратить поставки чайной продукции в Россию.

Ключевые слова: Ханькоу, русское купечество, чай, война, экспорт, концессия.

DOI: 10.31857/S013128120008835-9

Начавшаяся в Европе в 1914 г. Первая мировая война, вызвала большое оживление китайской внешней торговли. Для снабжения армий враждующих стран, требовалось много различных товаров и продуктов. Одним из приоритетных предметов международной торговли с Китаем оставался чай. Для России он всегда являлся главной статьей китайского экспорта и, в среднем, составлял 68% от его общего объема.

В годы войны солдатам всех воюющих армий полагалось примерно 6–7 граммов чая в день. Русские получали его на развес, в то время как в американской армии были марлевые мешочки с чаем, которые заваривались прямо в кружке. Американцы называли их «чайными бомбами». Они были изобретены в 1904 г. бакалейщиком из Нью-Йорка Томасом Салливаном и стали очень популярными.

Одним из основных центров производства и поставки чайной продукции являлся г. Ханькоу провинции Хубэй. Начиная с 1914 г. из-за возросших потребностей в чае финансовое положение в Ханькоу значительно улучшилось. Это сказалось и на денежном рынке, т.к. обращение денег стало гораздо свободнее, чем в прежние годы. Основной денежной единицей Китая оставался серебряный лян (10 мао), а для более крупных сделок использовались серебряные слитки-ямбы, весом до 50 лян.

Размен иностранной валюты (шиллинга) на ханькоусский лян был достаточно стабильным, однако плавающий обменный курс мешал развитию торговли. В своем отчете о деятельности консульского округа за 1915 г. российский генеральный консул в Ханькоу А.Т. Бельченко писал: «Нельзя не пожалеть с коммерческой точки зрения, что невозможно установить определенный курс размена, чтобы облегчить торговлю и устранить тот риск и спекуляцию на разменном курсе, которые играют такую роль во всех сделках с иностранными государствами. Монетная реформа в Китае сама по себе дала

Шаронова Виктория Геннадьевна, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.
E-mail: vsharonova@mail.ru.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17–21–21002: «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX века по начало XX века. По материалам российских и китайских архивов».

бы громадный толчок к торговле между портами страны, сравнять существующие в отдельных местностях различные курсы на одну и ту же монету. Тогда купцы смогли бы заранее отдавать себе точный отчет в своих торговых операциях, а не полагаться на благоусмотрение банков и менял, которые смотря по обстоятельствам в целях наживы, то повышают, то понижают курсы. Даже в самом Ханькоу заметны постоянные колебания доллары и медную монету в размере в обычное время от 2 до 5 процентов, а во время паники до 10%, что наносит громадный ущерб многим и пользу лишь некоторым лицам»¹.

Одним из самых успешных в китайском торговом обороте был 1915 год. Показатели торговли в порт Ханькоу за 1915 г. по ввозу и вывозу были весьма впечатляющими, что видно из нижеприведенной таблицы:

Таблица 1.

Обороты внешней торговли Ханькоу с 1913–1915 гг. (таможенных лан)².

Валовой оборот торговли:	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Ввоз иностранных товаров	63 765 292	62 015 846	53 669 312
Ввоз туземных товаров	28 934 507	26 560 861	30 544 996
Вывоз туземных товаров	82 667 567	76 602 065	101 963 686
Итого:	175 367 366	165 178 772	186 177 994

Как видно из приведенной таблицы, количество ввозимых иностранных товаров вследствие ведения военных действий сократилось, а количество ввезенных в Ханькоу товаров местных производителей, как и количество вывозимых местных товаров, значительно возросло. Ханькоу стал не только центром производства и реализации чайной продукции, но и центром перераспределения различных китайских товаров, поставлявшихся на местный рынок из других городов и провинций. Это приводило к стабильному росту валового торгового оборота порта Ханькоу.

Таблица 2.

Покупки всех видов чая между отдельными покупателями в полящиках³.

Название компании	1915 г.	1914 г.	1913 г.	1912 г.
«Додвелл и К» покупал чай для Товарищества чайной торговой компании «Высоцкий и Сыновья», для американцев и англичан.	184 400	121 000	116 600	136 700
Р. Андерсен, покупал чай для «Вогау и К» в Россию, Америку и Англию.	130 900	116 100	73 800	107 250
«С.В. Литвинов и К» и «Вестфаль, Кинг и Рамзл».	129 100	71 400	83 500	113 600
Торгово — промышленное Товарищество «Премник Алексея Губкина & А.Кузнецов и К».	113 000	60 200	88 100	72 900
Братья «К. и С. Поповы»	91 300	56 800	40 600	44 300
«Теодор и Раулинс» (включая сезон 1915/1914 гг. Покупки делались этим домом для Торгового Дома в Москве «Вдова Катуар и сыновья»).	86 700	33 800	15 800	25 950
«Молчанов, Печатнов и К».	40 800	13 000	14 500	34 900
«Д.И. Наквасин и К»	35 500	10 500	26 400	23 200
«Жардин, Матиссон и К».	33 100	28 400	15 800	41 200
«Рид, Иванов и К»	5 500	21 000	19 200	12 500
«Алексей Кембель и К»	14 700	39 500	39 400	54 000
Китайские фирмы	49 600	53 400	24 000	32 500
Всего:	914 600	625 100	557 700	699 000

Чайный сезон 1915 г. был особенно успешным и достиг своих максимальных размеров по закупкам готовой продукции. В то же самое время значительно увеличился ввоз чайной пыли с острова Цейлон и из Индии, которая смешивалась с чайным листом и использовалась для изготовления кирпичного чая.

Торговля чаем была необыкновенно выгодна по сравнению со всеми прошлыми годами.

Анализ данных таблицы показывает, что количество закупаемого чая в 1915 г. по сравнению с 1912 г. возросло на 844700 полуящиков. Динамика покупок чая у разных фирм отличается по своим показателям. Например, количество купленных полуящиков компании «Молчанов, Печатнов и К.» увеличилось, а количество полуящиков фирмы «Рид, Иванов и К.» значительно уменьшилось. Нередко русские и иностранные фирмы объединялись для укрепления своих позиций на рынке торговли, а также для обеспечения доставки через Россию в Европу.

К началу Первой мировой войны в Ханькоу работало несколько крупных русских чаоторговых фирм, часть из которых в годы войны сменили собственников. Ставший полноправным владельцем компании «Токмаков, Молотков и К.», Семен Васильевич Литвинов открыл в 1906 г. новую компанию «С.В. Литвинов и К.». Теперь она составляла главную конкуренцию второй крупной российской компании «Молчанов, Печатнов и К.». Другая известная в 1890-е годы фирма, «Чирков и К.», прекратила свое существование в 1906 г. вследствие смерти ее хозяина Семена Андреевича Чиркова. Оставшись вдовой, его супруга Елизавета Николаевна Чиркова вышла замуж за Семена Андреевича Литвинова, объединив свои капиталы с новым мужем, что значительно укрепило финансовое положение фирмы «С.В. Литвинов и К.» и вывело ее на 1-е место среди русских и иностранных чайных торговых компаний.

Из-за сложностей в переправке чая постоянной европейской клиентуре Торговый дом «Братья Поповы и К.» постепенно сворачивал свою деятельность в Ханькоу, и впоследствии все его имущество на территории британской концессии было продано американской компании.

Фирма «В. Высоцкий и К.» сделала своим представителем англичанина, которого назначил на эту должность один из владельцев — директор Ф.Д. Высоцкий, лично посетивший Ханькоу для принятия решения о дальнейшей судьбе представительства.

Продолжала свою деятельность фирма «Братья Катуар и К.», которую возглавлял один из ее наследников.

Из-за войны резко сократились объемы торговли русскими товарами в Ханькоу, поэтому некоторые торговые дома, такие как «Эмиль Циндель и К.», «Гюбнер и К.», «Коншин и К.», «Даниловская мануфактура», объединились в одну большую компанию, контора которой находилась в порту Шанхая и возглавлялась известным коммерсантом С.С. Гейманом.

Война внесла коррективы в работу русских чаоторговых компаний, часть их была закрыта. Основными чаоторговыми компаниями к концу 1915 г. в провинции Хубэй оставались:

1. Торгово — промышленное товарищество «Преемник Ал. Губкина А. Кузнецов и К.» (китайское название «Синтай»). Контора и фабрика находилась в Ханькоу на Русской концессии.

2. Торговый дом «С.В. Литвинов и К.» (китайское название «Шун Фэн»), сохранившееся от бывшей компании «Токмаков, Молотков и К.». Головная контора и фабрика находились Ханькоу на территории Русской концессии, а также имелись филиал и фабрика в Цзюцзяне, в соседней провинции Цзянси.

3. Торговый дом «Молчанов, Печатнов и Ко.» (китайское название «Фу Чэн»). Головная контора и фабрика находились Ханькоу на Британской концессии, а также имелись филиал и фабрика в Цзюцзяне.

4. Товарищество чайной торговли и складов «Братья К. и С. Поповы». Покупка байховых чаев для продажи в России и Америке, имевшая в Ханькоу контору и многочисленные собственные склады.

5. Товарищество чайной торговли «В. Высоцкий и К.». Покупка байховых, кирпичных и плиточных чаев для собственной продажи в России. Контора находилась в Ханькоу.

6. Торговый дом «Д.И. Наквасин и Ко». Покупка байховых чаев по заказу русских торговых домов в России.

7. Торговый дом «Вдова А. Катуар с сыновьями». Покупка байховых чаев и шелка». Контора находилась в Ханькоу⁴.

Из-за повышенного спроса чай стоил значительно дороже, чем в предшествующие годы. Он приобретался на рынках сразу же после его поступления, и цены на него повышались с каждым днем. Причем цены на сорта низкого качества первого сбора также значительно выросли. Чай второго сбора имел такую же цену, как первого, чего никогда не бывало на ханькоусском рынке.

Из-за холодной погоды весной 1915 г. чай поступил на местные рынки позже обычного, поэтому существовавших перерывов между покупками чая первого и второго сбора практически не было и чай скупался сразу же, как только поступал в продажу. Сделки следовали безостановочно и не прекращались до нового года.

Закупленный русскими компаниями чай поставлялся в несколько портов России, которые находились на Дальнем Востоке. Наиболее популярным в военные годы стали кирпичный и плиточный чай, которые имели длительный срок хранения и пользовались большой популярностью как в армии, так и у гражданского населения. Оба вида чая производились и отправлялись из Ханькоу в Цзюцзян, а далее в города: Владивосток, Николаевск — на — Амуре, Охотск, Аян, Петропавловск.

Таблица 3.

Распределение чаев по месту назначения ящиков⁵

Город	1915 г.	1914 г.
Владивосток	311 878	280 064
Николаевск-на-Амуре	20 614	13 858
Охотск	1 558	1 251
Аян ⁶	9 063	7 588
Петропавловск	450	...
Всего	343 563	303 161

Непосредственными производителями кирпичного и плиточного чая являлись две российские чайные компании — «С.В. Литвинов и К.» и «Молчанов, Печатнов и К.». Остальные русские Торговые дома приобретали у них эти виды чая по контрактам. Одним из таких клиентов был Торговый дом «Преемник Алексея Губкина — А. Кузнецов и К.». Об объемах чая можно судить по следующим данным:

Таблица 4.

Вывоз кирпичного чая русскими торговыми домами, в ящиках⁷

	1915 г.	1914 г.
Литвинов и К.	144 800	146 887
Преемник А. Губкина	104 393	62 461
Молчанов и Печатнов	94 370	93 813
Всего:	343 563	303 161

Таблица 5.

Вывоз плиточного чая русскими торговыми домами, в ящиках

	1915 г.	1914 г.
Литвинов и К.	7 103	2 100
Преемник А. Губкина	9 746	5 131
Молчанов и Печатнов	21 486	8 815
Всего:	38 335	16 115

В 1915 г. в порт Ханькоу зашли и были «очищены» 36 русских пароходов, с общим количеством груза в 33314 т⁸. Отправка чаев во Владивосток производилась на пароходах Добровольного флота или прямо из Ханькоу с перегрузкой в Шанхае, или в Никольск — Уссурийск на Амуре на пароходах Северного Общества. Отправки чая на Одессу из-за военных действий не производилось.

Своими успехами, несмотря на трудное военное время, русские коммерсанты были обязаны существованию в Ханькоу Русской концессии, на территории которой находились фабрики и конторы русских компаний. «Территория управлялась Общественным советом на основании Устава, принятого Общим собранием и которому подчинялись все проживающие на концессии жители, независимо от гражданства. В Общественном совете участвовали как частные лица, так и компании. Среди русских компаний можно назвать «Наквасин Д.И. и Ко.», «С.В. Литвинов и Ко.», Русский клуб и др.; среди иностранных — такие, как Международный госпиталь, Римская католическая миссия, Азиатская торговая компания и др. В Совет также входили представители генерального консульства, банка, почтовой конторы, коммерсанты, юристы, врачи, духовенство»⁹. Возглавлялся Общественный совет генеральным консулом. С 1915 г. им являлся Андрей Терентьевич Бельченко. Его популярность в Ханькоу была чрезвычайно высока.

В одном из пунктов проживания на Концессии было записано: «Никто не имеет права открыть или содержать на Русской концессии какое-либо торговое или промышленное предприятие без письменного на то разрешения Совета, скрепленного печатью Консула. Публичные дома, игорные дома, китайские театры старого образца и лавки для курения опиума на Концессии не разрешаются»¹⁰.

Об образцовом Общественном управлении Русской концессии часто появлялись статьи в местной прессе: «Русская концессия та, на которой надо жить. Улицы на русской концессии широки, хорошо сделаны, и сравнительно безопасны от пыли, дома современные и широко разбросаны со свободным пространством вокруг, на которых в эти весенние утра птицы доставляют удовольствие своими собраниями и пением. Тут не разрешают ни кожевенные заводы, ни неблагопристойные места, хотя они доходны и подлежат обложению (налогами. — прим. авт.). Все вопросы рассматриваются с точки зрения, что лучше всего для населения концессии, а не для того, что наиболее выгодно для спекулянтов на земли и их представителей, как это было на других концессиях»¹¹.

Большое внимание русские резиденты Ханькоу уделяли благотворительности. Общество русских женщин в Ханькоу, возглавляемое женой генконсула, занималось отправкой на фронт белья и чая. Оказывалась денежная помощь русским общинам, живущим в Европе. От имени русских купцов в Ханькоу был собран Особый капитал в Александровский комитет о раненых. Около 500 рублей было собрано для помощи сербским беженцам в Греции.

Общественный совет Русской концессии неоднократно жертвовал в пользу семей убитых и раненых нижних чинов I роты 6-го Восточно-Сибирского полка, составляющего охрану концессии в 1911–1914 гг.

Русская концессия была расположена между Британской и Французской концессиями. Кроме них, в Ханькоу находились Германская и Японская концессии. Отношения

между враждующими сторонами никак не отразились на торговой деятельности европейского купечества. Французское, как и Британское, консульства не спешили с принятием мер против торговых связей своих поданных с поданными вражеских держав в Китае. Однако в 1915 г. Британское консульство выпустило «Правила торговли с неприятелем» в Китае и в Сиаме. Российские предприниматели осуществляли свою деятельность только со странами-союзниками, и особенно это касалось логистики, то есть способов доставки грузов с чаем до потребителя.

Подводя итог, можно сказать, что Россия всегда была крупным покупателем китайского чая, уступая сначала первое место Великобритании, а затем на некоторое время заняла его сама. Годы Первой мировой войны послужили завершающим аккордом в многолетней истории русско-китайской чайной торговли.

Наивысшим пиком закупок стал 1915 г., когда общий объем чая составил свой максимальный, за весь период экспорта, объем, равный 1162847 пикулям (пикуль — мера измерения массы, примерно 50 кг). Уже в следующем, 1916 г., цифра начала снижаться и достигла объема 1049933 пикуля. Начиная с 1917 г., из-за произошедших в России событий и войны резко упала: в 1917 г. — 733652 пикулей, в 1918 г. — 95705 пикулей¹².

В дальнейшем, из-за гражданской войны на территории России, объемы экспорта китайского чая резко сократились. Это явилось следствием нарушения основных торговых каналов и прекращения деятельности дореволюционных коммерческих компаний в Советской России. В 1923 г. закупки чая из Китая в Россию по старым договорам прекратились.

1. РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 555. Донесения Российского Генерального консула в Ханькоу о порте Ханькоу и его торговле в 1915 г. Л. 1.
2. Там же. Л. 2.
3. Там же. Л. 25.
4. По материалам: АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. д. 395. Консульство в Ханькоу. Л. 267–268.
5. РГИА. Фонд 23. Оп. 11. Д. 555. Отчет Бельченко за 1915 г. Отчет русского генерального консульства в Ханькоу о порте Ханькоу и его торговле в 1915 г. Л. 30.
6. Аян — Чай всегда являлся главной статьёй китайского экспорта в Россию и в среднем равнялся 68% от его общего объема.
7. РГИА. Фонд 23. Оп. 11. Д. 555. Отчет Бельченко за 1915 г. Отчет русского генерального консульства в Ханькоу о порте Ханькоу и его торговле в 1915 г. Л. 31.
8. Там же. Л. 33.
9. Шаронова В.Г. Чень Кайке. Русская концессия в Ханькоу// Русское Зарубежье: История и современность. Сб-к статей. Вып.6. Москва, ИНИОН РАН.2017. С. 156.
10. Музей русской культуры в Сан-Франциско. Фонд А.Т. Бельченко. Д. 24. Л. 30 (об).
11. Газета Central China Post. Hankou. 20.03.1916.
12. Журнал «Вестник Маньчжурии». № 5–7. Харбин, 1925.Типография КВЖД. С. 164.

V. Sharonova. Russian-Chinese Trade in Hankou during the World War I

The article describes the activities of the Russian merchants in Hankou during the World War I. In this difficult period of time for Russia there was the highest increase in tea export and the year of 1915 was the peak in tea purchases for the entire long-term period of the Russian-Chinese tea trade. Due to the revolution in 1917 and the outbreak of the civil war the Russian Trading Houses in Hankou and other Chinese cities were forced to stop supply of tea products to Russia.

Key words: Hankou, Russian merchants, tea, war, export, concession.

К вопросу о политике СССР в связи с японской агрессией в Маньчжурии в 1931 г.

© 2020

Е.В. Хахалкина, Б.С. Жигалов

В статье рассматриваются действия советского правительства в связи с вторжением Японии в Маньчжурию, которое наносило ущерб экономическим и геополитическим интересам СССР на Дальнем Востоке. Эти действия носили «оборонительный» характер, что обуславливалось военной слабостью СССР в этом регионе и желанием сохранить стабильные отношения с Японией. Конкретно это выразилось в многочисленных уступках Японии, завершившихся продажей за бесценок КВЖД и уходом СССР из Маньчжурии.

Ключевые слова: Дальневосточная политика СССР, Маньчжурский кризис 1931 г., КВЖД, Маньчжоу-Го.

DOI: 10.31857/S013128120008836-0

В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. японские войска, спровоцировав незначительный инцидент на ЮМЖД, начали оккупацию Северо-Восточного Китая, образовав тем самым очаг войны на Дальнем Востоке. Эти действия Японии непосредственно затрагивали интересы СССР, имевшего в Северной Маньчжурии КВЖД и тысячекилометровую сухопутную границу с Китаем.

В советской и современной отечественной историографии сюжет о том, как реагировал СССР на действия Японии, не получил достаточного освещения. В работах общего характера отмечается лишь, что «среди великих держав СССР в этот период занимал наиболее осторожную позицию». Это выразилось во внешне спокойном отношении советского правительства к маньчжурским событиям, в отсутствии демарша в отношении действий Японии, подчеркивании невмешательства и нейтралитета¹.

Советско-японские дипломатические отношения были установлены в 1925 г. подписанием Пекинской декларации. Во второй половине 1920-х годов они развивались в спокойном и мирном русле. Отношения были, конечно, не безоблачными, но главная спорная тогда проблема — рыболовные дела — была урегулирована после долгих споров подписанием в 1928 г. Рыболовной конвенции. Работавший в 1927–1928 гг. советником полпредства в Токио И.М. Майский подчеркивал в одном из писем из Японии: «Здесь, по крайней мере внешне, к нам относятся как к великой державе и при том как к дружественной великой державе»². Что было особенно разительно новым для него после работы в Лондоне. В период советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 г. Япония

Хахалкина Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Национальный исследовательский Томский государственный университет. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

Жигалов Борис Степанович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Национальный исследовательский Томский государственный университет. E-mail: kev394@rambler.ru.

занимала позицию нейтралитета, что объективно было в интересах СССР и способствовало урегулированию конфликта.

В СССР дорожили достигнутым уровнем отношений с Японией. Во всяком случае это подчеркивалось на самом высоком уровне. Так, выступая 8 марта 1931 г. на VI съезде Советов председатель Совнаркома В.М. Молотов говорил: «Наши отношения с Японией продолжают нормально развиваться в сторону дальнейшего упрочнения дружбы и необходимого взаимного понимания, основы которых заложены Пекинским соглашением... За последние два года не зарегистрировано ни одного политического конфликта между СССР и Японией»³. Успешно развивались торговые отношения. Так, в 1930 г. объем торговли между СССР и Японией достиг 43,1 млн йен, что в 4 раза превышало товарооборот между Россией и Японией в 1913 г.⁴ Хотя на уровне практических отношений разногласия и споры имели место, особенно по рыболовным проблемам.

На рубеже 1920-х — 1930-х годов ситуация в мире круто поменялась. Разразился мировой экономический кризис, приведший к обострению международных противоречий. Кризис сильно ударил по японской экономике. В частности, резко сократился японский экспорт в страны азиатского континента. В Токио пришли к выводу, что продолжающаяся гражданская война в Китае, отвлеченность великих держав на свои внутренние проблемы создают благоприятные условия для расширения экспансии в Китае, что нашло отражение во вторжении Квантунской армии в южную Маньчжурию в сентябре 1931 г.

Хотя мировой экономический кризис напрямую не затронул СССР, в начале 1930-х г. в стране обострилась внутривнутриполитическая обстановка. Форсированная коллективизация привела к спаду сельскохозяйственного производства и голоду в ряде регионов. Проявились трудности в выполнении заданий первого пятилетнего плана, напряженным оставался внешнеторговый баланс. После разгрома внутривнутрипартийной оппозиции бесспорным лидером партии и страны становится Сталин, мнение которого уже никем не оспаривается, в том числе по вопросам внешней политики.

Определенное значение для советско-японских отношений имела и происшедшая в это время смена «действующих лиц». В Японии в 1929 г. из жизни ушли С. Гото, ветеран японской политики, который в 1928 г. в Москве дважды встречался со Сталиным, и бывший премьер-министр генерал Г. Танака, к имени которого советские историки прочно приклеили ярлык милитариста и сторонника агрессивной политики, каковым в отношении СССР он не был. С полным основанием современный историк-японист Г.В. Молодяков пишет: «Идея русско-японского партнерства в Азии потеряла самых верных и влиятельных сторонников»⁵

В свою очередь, в СССР в 1930 г. покинул пост наркома иностранных дел Г.В. Чичерин, который лично курировал дальневосточное направление в НКВД и который считал установление мирных отношений с Японией, наряду с «раппальской» политикой в отношении Германии, успехом советской дипломатии. Новым наркомом стал «западник» М.М. Литвинов, который уделял отношениям с Японией значительно меньшее внимание. Упомянутый выше автор отмечает: «Особого вреда отношениям с Японией он не принес. Пользы, правда, тоже»⁶.

В сентябре 1931 г. Сталин находился в отпуске на юге. В Москве в Политбюро «на хозяйстве» оставался Л.М. Каганович, который ежедневно информировал генсека о работе Политбюро и важнейших событиях в стране и за рубежом. Относительно Японии Сталину пришлось высказаться еще до событий 18–19 сентября.

11 сентября Каганович проинформировал Сталина, что после закрытия во Владивостоке отделения японского «Чосен банка» в Японии резко увеличили пошлины на импортируемый из СССР лес. В этих условиях нарком внешней торговли Розенгольц предложил ответить зеркально, увеличив пошлины на японский чай. «Мы вопрос отложили до 20-ого, сообщил Каганович, и просим Вас сообщить нам свое мнение».

14 сентября Сталин ответил на эту телеграмму. «С Японией нужно поосторожнее. На своих позициях стоять нужно твердо, но тактика должна быть погибче, поосмотрительней. Розенгольд хочет действовать наскоком. Это не годится сейчас. Не пришло еще время для наступления»⁷. С этого времени «гибкость» и «осмотрительность» стали основой политики СССР в отношении Японии на протяжении всего «маньчжурского кризиса». Поэтому зам. наркома иностранных дел Л.М. Карахан во время встречи с японским послом Хирота 19 сентября подчеркнул, что СССР события в Маньчжурии беспокоят лишь «потому, что они происходят в непосредственной близости к КВЖД»⁸.

21 сентября Сталин получил информацию Кагановича о заседании Политбюро: «Слушали сообщение о японо-китайских делах. Позиция держав пассивна за исключением Америки, которая, пока, по сведениям прессы, собирается выступить, считая японское выступление нарушением не пакта Келлога, а решений Вашингтонской конференции 1921 г.... Были предложения, особенно со стороны Литвинова, взять резкий тон в отношении Японии. Мы не приняли никаких решений. Мы исходим из того, что обстановка требует от нас осторожности и выдержки»⁹.

На следующий день Каганович и Молотов направили Сталину еще одну телеграмму. «Положение с японским выступлением все еще не ясно... позиция держав пассивна, за исключением Америки... Китай поставил вопрос в Лиге наций..., Японская пресса подготавливает дальнейшее движение войск на север»¹⁰.

Неопределенность ситуации с японским вторжением в Маньчжурию, наличие некоторых разногласий в руководстве СССР затрудняли выработку четкого курса конкретных действий. Политбюро лишь поручило Литвинову вызвать японского посла и потребовать разъяснений касательно событий в Маньчжурии, «задевающих и могущих задеть интересы КВЖД»¹¹.

Но 23 сентября Сталин пресек все возможные разногласия и дал четкие указания, что надо делать. Упомянув, что интервенция Японии могла иметь место «по договору» с другими империалистическими державами (это предположение оказалось ошибочным), он писал: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились»¹². По мнению Сталина, необходимо было «запросить Японию, чтобы она держала нас в курсе событий, но одновременно нужно запросить китайцев, хотя бы через Харбин». Давались им также указания для прессы: «Правда» должна ругать японцев вовсю, официальные «Известия» должны писать о событиях в Маньчжурии «в умеренно архиосторожном тоне».

Из этого видно, что «директивы» Сталина не предполагали каких-либо активных действий советской дипломатии, направленных против японской агрессии. Речь могла идти лишь о пропагандистской кампании в прессе. Поэтому Каганович докладывал Сталину 26 сентября: «О Китае мы никаких особых постановлений не принимали, исходим из Вашей телеграммы»¹³.

В первые недели после начала японского вторжения в Маньчжурию советские газеты ограничивались перепечаткой комментариев иностранной прессы относительно позиции великих держав и обсуждения жалобы Китая в Лиге наций.

Быстро оккупировав Южную Маньчжурию и почти не встречая сопротивления китайских войск, японцы двинулись на север Маньчжурии, где проходила линия КВЖД. Это должно было бы вызвать какую-то энергичную реакцию СССР. Но этого не произошло. Так, 23 сентября в беседе с китайским представителем, который сообщил, что японцы заняли Мукден, Гирин, Инкоу, Аньдун, замнаркома Л.М. Карахан смог лишь заявить, что СССР «не собирается осложнять или затруднять положение, которое создалось в Маньчжурии»¹⁴. Звучало все это очень неопределенно.

В эти дни в московском руководстве разразился скандал, связанный с публикацией в газете «Известия» стихотворения Д. Бедного на международную тему. Информаци-

руя Сталина об этом, Каганович не без злорадства подчеркивал: «Литвинов, который на Политбюро требовал нашего активного вмешательства, дал визу на напечатание этого стихотворения»¹⁵.

В этом стихотворении были такие строфы:

*«Французские республиканцы
Глядят с тревогою на франк.
Угрюмые американцы
Дают японцам чистый бланк:
Японцы, дескать, сила факта!
Громя Мукден в прямой войне
Постановления Келлог-пакта
Осуществляют там вполне.
Всегда готовая к отпору
Молчит загадочно Москва.
И даже я в такую пору
Щедрюсь не очень на слова».*

Но не эти вирши вызвали возмущение в Политбюро, а лишь одна строчка: «Молчит загадочно Москва», которая фактически очень точно определяла позицию советского правительства, но которая, по мнению Кагановича и Молотова, «ложно характеризует позицию СССР в маньчжурском событиях».

Сталин не любил творчество Д. Бедного («не читал и читать не буду») и написал Кагановичу: «Следовало бы привлечь к ответу, во-первых, главного редактора «Известий», во-вторых, Демьяна (и Литвинова)»¹⁶.

В соответствии с этими указаниями Сталина Секретариат ЦК объявил выговор главному редактору «Известий» Н.М. Гронскому и Д. Бедному за политическую ошибку, связанную с публикацией этого стихотворения. Литвинов, который фактически должен был бы нести главную ответственность, отделался лишь замечанием.

Дабы не допускать в будущем подобных фактов, Политбюро постановило 25 сентября: «Поручить НКВД еще раз дать категорическое указание дипломатическим представителям СССР в Китае и Японии, что они обязаны: 1. Аккуратно информировать Москву о происходящих событиях; 2. Не предпринимать никаких шагов и не давать никаких разъяснений без указаний из Москвы»¹⁷.

Но «молчать» дальше было нельзя. 26 сентября «Известия» опубликовали редакционную статью «Интервенция в Маньчжурии и маневры империалистов», отражавшую официальную оценку этих событий. Оценка эта была довольно уклончивой и не содержала осуждения японской агрессии. События в Маньчжурии определялись как конфликт Японии и «китайских милитаристов». Подчеркивалось, что «происходящие события разворачиваются в непосредственной близости от Советского Союза». При этом в газете опровергались распространяемые иностранной прессой слухи о том, что японское вторжение в Китай состоялось в результате предварительного советско-японского сговора. Советское правительство настойчиво и в разных вариантах подчеркивало свое невмешательство в японо-китайский конфликт.

Это вполне устраивало японскую сторону. Поэтому 28 октября в беседе с Караханом посол Хирота с удовлетворением констатировал, что со времени возникновения японо-китайского конфликта, по прошествии сорока дней, никакие события «не омрачали отношений» между СССР и Японией¹⁸.

Японской дипломатии важно было и в дальнейшем «нейтрализовать» политику СССР в отношении действий японских войск в Маньчжурии. Поэтому в беседах с Литвиновым и Караханом японский посол Хирота напоминал, что Япония занимала позицию нейтралитета в период советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 г. Соответ-

ствующее отношение требовалось теперь и от СССР. Хотя советская сторона считала несопоставимыми события 1929 и 1931 г., с этим приходилось считаться.

Маньчжурия была оккупирована японцами за три месяца при отсутствии серьезного сопротивления войск Китая. 19 ноября 1931 г. японские войска пересекли КВЖД и заняли г. Цицикар. Это уже непосредственно затрагивало интересы СССР. Тем не менее, 21 ноября советские газеты опубликовали заявление Литвинова, сделанное им японскому послу, где в частности было сказано: «Советское правительство придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношения с Японией»¹⁹.

Из всех великих держав, включая СССР, наиболее жесткую позицию в отношении действий Японии заняли США. 7 января 1932 г. государственный секретарь США Г. Стимсон направил ноту японскому правительству, в которой говорилось о непризнании США нарушений суверенитета и территориальной целостности Китая. Этот документ получил название «доктрина Стимсона». СССР не поддержал эту акцию США.

В целом политика СССР в отношении Японии в конце 1931 — первой половине 1932 г. свелась к серьезным уступкам в экономической и политической сферах. Уступки следовали одна за другой. Так, если 28 ноября 1931 г. правительство СССР отвергло японские предложения по пересмотру условий рыболовной конвенции 1928 г., то 7 декабря Карахан сообщил японскому послу, что советская сторона готова обсуждать японские претензии по этой конвенции. В итоге длительных споров японцы добились принятия своих требований. 8 августа 1932 г. Сталин написал Кагановичу: «Насчет соглашения с Японией по рыбе могу сказать лишь одно: нужно принять»²⁰.

Важной и наиболее болезненной проблемой в советско-японских отношениях в Маньчжурии была проблема КВЖД. Эта железная дорога по соглашению между СССР и Китаем в 1924 г. управлялась совместно на паритетных началах двумя государствами. Охрану дороги несли китайские войска. По условиям Портсмутского договора 1905 г., который в этой части признавался СССР, КВЖД могла использоваться только в коммерческих целях.

К началу 30-х годов КВЖД представляла собой мощный хозяйственный комплекс, включавший, помимо самой железнодорожной магистрали, ремонтные и промышленные предприятия, речную флотилию на Сунгари с соответствующим портовым хозяйством, телеграф, телефон. При формальном советско-китайском паритете решающую роль в управлении КВЖД играли советские представители.

Преследуя отступавшие китайские войска, японцы явочным порядком вмешивались в работу КВЖД, захватывали подвижной состав, требовали перевозки своих войск. И здесь советская сторона была вынуждена идти на уступки. Так, 11 ноября 1931 г. советская часть Правления КВЖД получила указание из Москвы: «Ни в коем случае не соглашаться на перевозку той или иной воюющей стороны по КВЖД. Открыто протестовать против попыток одной или другой воюющих сторон нарушить режим нейтралитета на КВЖД»²¹.

Однако 28 января 1932 г. Карахан сообщил послу Японии, что, поскольку КВЖД управляется совместно СССР и Китаем, то если китайская сторона соглашается на перевозку японских войск, СССР возражать не будет²². Это была первая уступка в этом вопросе, но не последняя.

5 февраля 1932 г. японские войска вошли в Харбин, «столицу» КВЖД, где находилось правление дороги, все управления и службы, а также генконсульство СССР. Японское правительство мотивировало эту акцию защитой японских резидентов, которые де бежали в город, спасаясь от преследования китайцев. Реакция советской стороны на это была более чем примирительной. 29 февраля Карахан довел до сведения посла Хирота, что СССР в виде исключения и как временную меру дает согласие на провоз «ограниченного контингента» японских войск по КВЖД, хотя это является нарушением Портсмутского договора²³.

Наконец, 16 апреля 1932 г. Политбюро постановило: «Разрешить японцам перевозку дивизии с юга в Харбин на смену дивизии, снимаемой из Харбина»²⁴. Практически больше никаких препятствий для использования КВЖД в военных целях не было.

Еще одной уступкой Японии со стороны СССР было решение Политбюро от 2 июня 1932 г.: «Категорически запретить стрелять по японским самолетам, нарушающим границу»²⁵. Хотя чаще всего эти нарушения были обусловлены ведением воздушной разведки.

Стремление не раздражать японцев выражалось в разных формах: в указании властям Северного Сахалина «не вести себя вызывающе» по отношению к японцам, указании генконсулу в Харбине Славцкому протестовать против ареста советских граждан японцами «не письменно, а устно» и пр.

Такая «уступчивая» политика СССР в Маньчжурии объяснялась прежде всего опасениями возможного военного столкновения с Японией, к чему СССР тогда не был готов. Страх перед такой войной довлел над сознанием высшего советского руководства. Сталин писал Ворошилову 27 ноября 1931 г.: «Дела с Японией сложные, серьезные. Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин с прилегающими районами... Более того, не исключено и даже вероятно, что она потянет руку к нашему Дальневосточному и, возможно, и к Монголии. Возможно, что этой зимой Япония не попытается тронуть СССР. Но в будущем году она может сделать такую попытку»²⁶.

Настораживало Москву и то обстоятельство, что Япония отклоняла под разными предлогами неоднократно сделанные советской стороной предложения о заключении советско-японского пакта о ненападении по типу аналогичных договоров, заключенных к этому времени с рядом государств.

При этом нужно иметь в виду, что угроза войны с Японией, о чем стали писать советские газеты, входила составной частью в сформулированную Сталиным идеологию «осажденной крепости»: СССР со всех сторон окружен врагами, готовыми в любой момент начать войну. Это было необходимо Сталину и его соратникам для оправдания внутренних трудностей, просчетов и ошибок во внутренней политике.

Но в действительности опасность военного столкновения с Японией на Дальнем Востоке тогда была преувеличенной. В начале 1930-х годов Япония не могла воевать на два фронта: против Китая и против СССР. Численность японской сухопутной армии до 1936 г. оставалась неизменной — 230 тыс. человек. Из них в Маньчжурии находилось на 19 сентября 1931 г. — 10 тыс., на конец 1931 г. — 65 тыс., на конец 1932 г. — 94 тыс., на конец 1933 г. — 114 тыс.²⁷. СССР имел на территории Маньчжурии 5 консульств и, вероятно, в Москве имели представление о реальном положении дел в регионе.

Но задача укрепления обороноспособности советского Дальнего Востока была очевидной. Начинают проводить целый ряд мероприятий в этом направлении. В конце 1931 г. была приведена в боевую готовность ОДКА, ее части концентрируются на границе с Маньчжурией. Формируются две группировки войск: Приморская и Забайкальская, которые в дальнейшем будут преобразованы в Дальневосточный фронт. Началось создание Тихоокеанского флота.

Начинается своеобразное соперничество двух держав в «гонке вооружений» в районе советско-китайской границы. В январе 1932 г. Ворошилов пишет своему заместителю Я. Гамарнику: решено построить для Дальнего Востока 30 подлодок (в Ленинграде и Николаеве), заказано 60 броневозов для бронепоездов. «Сталин вплотную занимается вопросами Дальнего Востока»²⁸. Несмотря на недостаток соответствующих ресурсов, Сталин требует от военного руководства усиленного внимания к укреплению обороноспособности Дальнего Востока. 30 июля 1932 г. он пишет Ворошилову: «Шесть бомбовозов для Дальневостока — пустяк. Надо послать туда не менее 50–60 ТБ-3. И это надо сделать побыстрее. Без этого оборона Дальневостока — пустая фраза»²⁹. 28 октября 1933 г.

Политбюро по предложению Сталина решает: к 1 мая 1934 г. построить и перебросить на Дальний Восток 100 торпедных катеров³⁰.

Активную роль в противодействии японской агрессивной политике играло советское полпредство в Токио. Полпред А.А. Трояновский, энергичный и коммуникабельный, стал заметной фигурой в дипломатическом корпусе японской столицы. Он встречался с премьер-министрами, министрами, журналистами, бизнесменами, доказывая пагубность для Японии антисоветской политики. Его коллега, советник полпредства И. Сильванек сообщал в Москву: Трояновский «хороший оратор и политик, он захватывает аудиторию»³¹.

Исторически сложилось так, что в Японии при формировании курса внешней политики важную роль играли армия и флот. В начале 1930-х годов для армии (в лице военного министра Араки) главным потенциальным соперником был СССР, для флота (в лице морского министра Като) — США. 14 марта 1932 г. Трояновский сообщал в НКВД: морской министр адмирал Като «говорил мне, что среди руководящих кругов Японии имеется два течения. Первое — за возможное тесное сближение с СССР, второе — за разрыв. Первое многочисленнее, второе — очень активно»³². Это обстоятельство полпред использовал в своей практической работе. Японские газеты отмечали, что советский посол умеет «хорошо играть на противоречиях армии и флота».

Сам Трояновский 19 августа 1932 г. в телеграмме в Москву констатировал: «Из всех имеющихся в нашем распоряжении данных видно, что правительство в своем большинстве не разделяет взглядов Араки». При этом он подчеркивал необходимость усиления работы полпредства «по разъяснению нашей позиции». «От работы полпредства многое зависит, даже больше, чем в предыдущее время»³³.

Иное дело посольство Японии в Москве. Посол К. Хирота, который скоро станет министром иностранных дел, а закончит свою жизнь на скамье подсудимых Международного военного трибунала для Японии, который приговорит его как военного преступника к смертной казни, и военный атташе Касахара ненавидели страну, в которой они были аккредитованы. В своем докладе в Токио, ставшем известным после войны, Касахара писал: «С точки зрения боеготовности СССР для нас было бы выгодным войну начать как можно скорее»³⁴.

В связи с дальневосточными событиями серьезную озабоченность в Москве вызвали начавшиеся весной 1932 г. массовые антиправительственные волнения в Монголии, вызванные левацкими загибами во внутренней политике правительства МНР. Сложность состояла еще и в том, что по советско-китайскому договору от 31 мая 1924 г. Внешняя Монголия считалась частью Китая. МНР была провозглашена 13 июня 1924 г. Правительство Китая не признало МНР, что привело к товарному голоду и росту недовольства населения. В эти годы на долю Китая приходилось 43,4% монгольского импорта³⁵.

Для СССР МНР была важным стратегическим союзником. В условиях противостояния с Японией было крайне важно сохранить там свое влияние. 16 мая 1932 г. Политбюро приняло специальное постановление «О Монголии». Была оказана экстренная экономическая помощь. 6 июня Ворошилов докладывал Сталину: «Машины и товары для Монголии уже отправили из Москвы. Все делается для скорейшего продвижения товаров как до Улан-Батора, так и внутри Монголии к местам потребления»³⁶.

Но по ту сторону китайской границы была Внутренняя Монголия, оккупированная Японией. Точная пограничная линия на местности была обозначена не везде. Поэтому Сталин писал членам Политбюро 4 июня 1932 г.: «Самое лучшее обойтись без ввода войск. Нельзя смешивать Монголию с Казахстаном или Бурятией». Непродуманные решения в этом вопросе, продолжал далее Сталин, «могут развязать конфликт с Японией и дать базу для единого фронта Японии, Китая и Монголии против СССР». По его мне-

нию, «дело нужно начать с изменения политического курса. Этот акт должно проделать монгольское правительство»³⁷.

Так и было сделано. В Улан-Баторе обошлись без обращения к Москве за военной помощью. На Пленуме ЦК МНРП в июне 1932 г. было принято решение отказаться от строительства социализма в МНР. В Монголии СССР смог отстоять свои интересы и дать отпор японским поползновениям. 27 ноября 1934 г. Было подписано соглашение между СССР и МНР о взаимопомощи, гарантировавшее Монголию от возможного вторжения Японии.

Весной 1932 г. Япония пытается расширить масштабы своей экспансии в Китае и захватить Шанхай. Это объективно несколько смягчает остроту советско-японского конфликта в Маньчжурии. Но в Шанхае японцы неожиданно встречают ожесточенное сопротивление китайской армии. Попытка захвата Шанхая затрагивала интересы других держав, и в Шанхае появились военные корабли Англии и США. Угроза применения силы и дипломатическое давление имели положительный результат. Японии пришлось отступить.

Но СССР не осудил эту акцию Японии и не присоединился к протесту держав, заявив о своем строгом нейтралитете. Более того, советское правительство демонстративно не разрешило проезд через территорию СССР «Комиссии Литтона», созданной Лигой Наций для расследования событий в Маньчжурии.

9 марта 1932 г. на захваченной японцами территории Маньчжурии было образовано марионеточное «государство» Маньчжоу-Го во главе с Пу И, потомком свергнутой в Китае цинской династии. Теперь формально японская сторона снимала с себя ответственность за все происходящее в Маньчжурии вообще и в зоне КВЖД, в частности. Москве приходилось определять свое отношение к этому японскому детищу.

Как обычно, соответствующие установки были определены Сталиным. 12 июня 1932 г. он писал Кагановичу: «Мы не должны (подчеркнуто Сталиным) признать де-юре Маньчжурское государство. Настаивая на признании с нашей стороны, японцы рассчитывают посорить нас с Китаем или с Маньчжурией: если признаем Маньчжурию — рассоримся с Китаем, если откажемся признать — рассоримся с Маньчжурским правительством... Почему японцы сами не торопятся признать свое же собственное детище? Мы должны ответить японцам, что мы изучаем вопрос о формальном признании... Надо заявить, что мы в принципе (подчеркнуто Сталиным) не отвергали и никогда не отвергаем признание де-юре»³⁸.

В конечном счете, советское правительство согласилось на признание де-факто Маньчжоу-Го и назначение консулов этого государства в Читу и Благовещенск. Пять советских консулов продолжали оставаться в городах Северной Маньчжурии. Этот акт был обусловлен тем, что теперь приходилось все вопросы, связанные с КВЖД, обсуждать и решать с властями Маньчжоу-Го, за спиной которых стояли японцы. Японское правительство официально заявило, что все права Китая на КВЖД переходят к Маньчжоу-Го³⁹. Таким образом получилось, что это марионеточное «государство» было признано лишь Японией и СССР. Ни Лига Наций, ни другие государства на это не пошли.

С появлением Маньчжоу-Го связано такое важное обстоятельство, как инициирование китайским правительством вопроса о восстановлении отношений с СССР. Также китайская сторона предлагала заключить пакт о ненападении. Хотя Сталин испытывал неприязнь к Чан Кайши и его правительству, он согласился на восстановление дипотношений, поскольку Китай становился потенциальным союзником в противоборстве с Японией на Дальнем Востоке. Предложение о заключении пакта о ненападении тогда было отклонено, дабы не быть втянутыми в большую войну с Японией. Советско-китайские отношения были восстановлены после долгих и нелегких переговоров 12 декабря 1932 г.

С осени 1932 г. советские власти стали осторожно помогать частям китайских генералов, продолжавших оказывать сопротивление японцам. Так, отступавшие на Со-

ветскую территорию китайские войска не интернировались, как прежде, а по советской территории перебрасывались в Синьцзян. Таким путем было переправлено более 70 тыс. китайских солдат. Как удачно отметил В. В. Чубаров эти новации в политике СССР, «Москва стала проводить триединую политику: поддерживать антияпонские выступления в Маньчжурии, налаживать дипломатические отношения с центральным китайским правительством и идти на уступки японскому правительству»⁴⁰.

Последней уступкой Японии и заключительным аккордом в советско-японском противоборстве в Маньчжурии явилась продажа КВЖД. После установления контроля Японии над Северной Маньчжурией и создания Маньчжоу-Го нормальная эксплуатация этой железной дороги стала невозможной. Были уволены китайские сотрудники, нелояльные новым властям. Оставшиеся советские сотрудники подверглись преследованиям, арестам, обыскам. Дипломатическая переписка Москвы и Токио тех лет заполнена протестами советской стороны по этому поводу.

13 сентября 1932 г. Каганович сообщил Сталину: из дешифровок стало известно об обсуждении маньчжурскими властями возможности фактического захвата КВЖД⁴¹. Советское руководство приняло решение продать КВЖД. Официально предложение о начале переговоров об этом было сделано в мае 1933 г. Поскольку японские власти контроль над территорией Маньчжурии формально возложили на власти Маньчжоу-Го, то и переговоры о продаже КВЖД пришлось вести с представителями этого «государства».

Переговоры начались в июне 1933 г. и велись при посредничестве японского правительства в Токио на протяжении двух лет. Советское правительство определило первоначальную цену КВЖД в сумме 625 млн иен, или 250 млн золотых рублей. Япономаньчжурская сторона назвала сумму в 120 млн иен, которая советской стороной была определена как чрезмерно заниженная. Начался торг: советская сторона шла на значительные уступки — 160 млн иен, 150 млн. Наконец, 14 сентября 1934 г. Сталин дал согласие на 140 млн иен, которая была принята обеими сторонами как окончательная. Плюс 30 млн иен в качестве выходного пособия для сотрудников дороги⁴².

Парафирование и подписание «Соглашения между СССР и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги)» состоялось в марте 1935 г.

Нарком Литвинов в своем заявлении, опубликованном в советской печати 15 марта 1935 г., подчеркивал: «Соглашение о КВЖД должно рассматриваться как разрешение одной из сложнейших дальневосточных проблем и в то же время как крупнейшее положительное событие в развитии советско-японских отношений». Предложение о продаже КВЖД, по словам Литвинова, «было одним из самых ярких проявлений миролюбия советского правительства»⁴³. Эти «оптимистические» слова предназначались для внутренней пропаганды. В действительности продажа КВЖД была вынужденным актом. Япония таким путем «выталкивала» СССР из Маньчжурии, нанося ущерб экономическим и геополитическим позициям СССР на Дальнем Востоке. Через несколько лет Япония выдвинет советскому правительству аналогичное предложение — продать Северный Сахалин. Но к этому времени обстановка на Дальнем Востоке круто изменилась и о принятии японского предложения не могло быть и речи.

Неуспех СССР в противодействии японской экспансии в Маньчжурии в начале 1930-х годов был обусловлен рядом факторов, прежде всего, недостаточной обороноспособностью советского Дальнего Востока. В Москве хорошо понимали различие в борьбе с хунхузами Чжан Сюэляна на КВЖД в 1929 г. и столкновением с регулярной японской армией, жившей традициями победоносной войны с Россией 1904–1905 гг. Лишь во второй половине 1930-х соответствующий военный потенциал был создан и японская армия ощутила это на себе в боях у о. Хасан и на р. Халхин-Гол в 1938–1939 гг.

Думается, ошибочным был принципиальный отказ СССР от любого сотрудничества с западными странами и Лигой Наций в противодействии японским захватам в Ки-

тае. Так, в докладе «Комиссии Литтона», опубликованном в сентябре 1932 г., содержались тезисы, вполне приемлемые для СССР: признание территориальной целостности Китая, незаконность создания Маньчжоу-Го, наличие интересов СССР в Маньчжурии. В этом документе говорилось: «Всякое разрешение маньчжурской проблемы, которое не учитывало бы интересов СССР, рисковало бы превратиться в источник опасности для будущего мира и не было бы длительным»⁴⁴. Это объясняет, почему Япония отвергла доклад «Комиссии Литтона» и затем вышла из Лиги Наций.

Проводя «политику умиротворения» Японии, советская дипломатия не выдвинула конструктивной идеи, способной остановить японскую агрессию. Политика СССР на Дальнем Востоке в начале 1930-х годов контрастировала с тем, что делалось СССР на европейском направлении. В конце 1933 г. НКВД разработал план создания системы коллективной безопасности в Европе, который был одобрен Политбюро 19 декабря 1933 г. Это и стало основой деятельности советской дипломатии на последующие годы. В сентябре 1934 г. по приглашению 30 государств СССР вступил в Лигу Наций.

Итогом «Маньчжурского кризиса», начатого японским вторжением в сентябре 1931 г., явилась потеря КВЖД и советского влияния в Северо-Восточном Китае. Но при этом сохранились и усилились позиции СССР в Монголии и китайской провинции Синьцзян. Дальнейшей экспансии Японии на азиатском континенте за счет СССР был положен предел.

После разгрома Японии во второй мировой войне СССР укрепил свой статус великой дальневосточной державы, вернув себе Курилы, Южный Сахалин и КВЖД.

-
1. Системная история международных отношений. В четырех томах. 1918–2000. Т. 1 М., 2000. С. 252–253.
 2. *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. М., 2005. Т. 1. С. 284.
 3. Документы внешней политики СССР (Далее: ДВП). Т. XIV. С. 134.
 4. *Кошкин А.* Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010. С. 148.
 5. *Молодяков В.* Россия и Япония поверх барьеров. М., 2003. С. 392–393.
 6. Там же.
 7. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1934 гг. М., 2001. С. 103.
 8. ДВП. Т. XIV. С. 529.
 9. Сталин и Каганович... С. 113.
 10. ВКП(б), Коминтерн и Япония (1917–1943 гг.). М., 2001. С. 67.
 11. Сталин и Каганович... С. 115.
 12. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 67.
 13. Сталин и Каганович. С. 119.
 14. ДВП. Т. XIV. С. 535.
 15. Сталин и Каганович... С. 120.
 16. Там же. С. 122.
 17. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 66.
 18. ДВП. Т. XIV. С. 625.
 19. ДВП. Т. XIV. С. 672.
 20. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 96.
 21. ДВП. Т. XIV. С. 671.
 22. ДВП. Т. XV. С. 67.
 23. Там же. С. 147–148.
 24. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 82.
 25. Сталин и Каганович... С. 135.
 26. Советское руководство. Переписка. М., 1999. С. 161–162.
 27. *Исаев С.* Мероприятия КПСС по укреплению дальневосточных рубежей в 1931–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 1981. № 9. С. 65.
 28. Советское руководство... С. 168.

29. Там же. С. 186.
30. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 115.
31. ДВП. Т. XV. С. 468.
32. Там же. С. 180.
33. Там же. С. 479–480.
34. Кошкин А. Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010. С. 150.
35. Лузянин С.Г. Россия—Монголия—Китай в первой половине XX в. М., 2003. С. 190.
36. Советское руководство... Переписка. С. 173.
37. Сталин и Каганович... С. 158.
38. Там же. С. 158–159.
39. ДВП. Т. XV. С. 125.
40. Чубаров В.В. Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927–1933 гг.). // Советская внешняя политика. 1919–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 122.
41. Сталин и Каганович... С. 392.
42. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 139–141.
43. ДВП. Т. XVIII. С. 178–179.
44. Системная история международных отношений. В четырех томах. 1918–2000. Т. 2. Документы. М., 2000. С. 145–146.

E. Khakhalkina, B. Zhigalov. On the Policy of the USSR in Connection with Japanese Aggression in Manchuria in 1931

The article discusses the actions of the Soviet government in connection with the Japanese invasion to Manchuria, which was detrimental to the economic and geopolitical interests of the USSR in the Far East. These actions were of a “defensive” nature, which was caused by the military weakness of the USSR in this region and the desire to maintain good relations with Japan. Specifically, this was expressed in numerous concessions to Japan, culminating in the sale of the CER and the USSR’s departure from Manchuria.

Key words: Far Eastern policy of the USSR, Manchu crisis of 1931, Sino-Eastern Railway, Manzhou-Gō.

Российские артефакты в музее Гугун (бывшем императорском дворце)

© 2020

До Лимэй

В музее Гугун (бывшем императорском дворце) в Пекине хранится группа артефактов Российской Империи, которые не упорядочены и не исследованы. Среди них серебряные художественные изделия самых знаменитых поставщиков ювелирных украшений для царского двора — Фаберже, Овчинникова и Грачева. Часть из этих изделий представляет собой подарки, которые вручил императрице-матери Цыси, императору, императрице и сановникам династии Цин российский князь Ухтомский, направленный царем Николаем II в 1897 г. в Китай на аудиенцию к императору Гуансюю. Автор данной статьи, исследуя эту аудиенцию в соответствии с исторической документацией, разбирает связанные с Россией артефакты в музее Гугун и идентифицирует происхождение этих артефактов, пытаясь ввести в научный оборот ценные сведения о китайско-российских отношениях в пророссийскую эпоху и период «союза с Россией».

Ключевые слова: российские артефакты, Ухтомский, Фаберже, Овчинников, Грачев, императорский дворец.

DOI: 10.31857/S013128120008837-1

В последние годы автор данной статьи, используя исторические документы как ключ к исследованию, при рассмотрении артефактов Музея Гугун обнаружила, что здесь все еще хранятся серебряные изделия, выпущенные известными российскими ювелирными фабриками для царского двора. Это дипломатические подарки, переданные правительству Цинской династии посланником российского императора Николая II. В то же время они являются историческим свидетельством тесных взаимоотношений между Россией и Империей Цин после Китайско-японской войны на море 1894–1895 гг. Поскольку Россия принимала участие в так называемом тройственном вмешательстве, цинское правительство было благодарно России за помощь. В начале 1896 г. один из самых влиятельных сановников Цинской империи Ли Хунчжан (1823–1901) был направлен в качестве специального посланника в Россию с поздравительными подарками в честь празднования коронации Николая II. Во время его визита в Москву был подписан «Китайско-российский секретный договор». Чтобы отблагодарить цинское правительство, в 1897 г. российское правительство направило с ответным визитом в Китай князя Э.Э. Ухтомского (1861–1921), а представленные драгоценные подарки показали расположение российского царя к Китаю. Автором статьи упорядочены и проанализированы эти подарки следующим образом.

1. Происхождение российских артефактов, хранящихся в Музее Гугун

Иностранные артефакты, собранные Музеем Гугун, можно разделить на две большие группы: коллекция иностранных артефактов, естественно сформировавшихся в процессе обменов с заграницей при династии Цин, а также коллекция иностранных артефактов, подаренных коллекционерами, поступивших из других учреждений и закупленных музеем. Российские артефакты, упомянутые в данной статье, относятся к первой группе и принадлежат к коллекции императорского дворца династии Цин.

В 1896 г. Ли Хунчжан отправился в Россию для участия в церемонии коронации царя Николая II и был торжественно принят российской стороной. «Министр, отвечающий за прием почетных гостей, привел нас в боковую комнату, мы немного отдохнули, потом переоделись в парадную форму и пошли в малый зал, где встретились с российским царем и царицей. Приветствуют царь и царица, спускаясь с трона. Посланник-министр Ли Хунчжан трижды поклонился, подал верительные грамоты и преподнес российскому царю подарки от императора Гуансюя: первый орден Двойного дракона первого класса (сделан французским мастером), пара подсвечников, пара белых *Би* (круглый нефритовый диск с отверстием, культовый предмет — *прим. авт.*), красное покрывало, расшитое шелком мастерицами семьи Гу¹, пара древних бронзовых ваз (которым более двух тысяч лет), несколько инкрустированных драгоценными камнями ваз и блюд. Все подарки чрезвычайно роскошные и драгоценные. От имени императора Гуансюя Ли Хунчжан поблагодарил российского царя за то, что тот заставил Японию вернуть полуостров Ляодун, а также поздравил его с коронацией и выразил надежду на вечную дружбу между двумя странами. Российский император выразил благодарность императору Гуансюю и послу за его труды, затем поклонился и удалился².

В следующем году (1897) Николай II направил князя Ухтомского в Китай с ответным благодарственным визитом.

Регулярные рапорты князя Ухтомского, сделанные во время пути, сохранили подробные исторические сведения об этой поездке, начиная с планирования, отправления, прибытия в Шанхай и Тяньцзинь, вплоть до аудиенции у императора в павильоне Вэньхуа.

Сановник Сюй Цзинчэн, подписавший с китайской стороны контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД, писал в своих воспоминаниях: «Ухтомский, зная, что должен ехать с царскими подарками в Китай, проинформировал меня, что поездка была спланирована прошлым летом. Министр иностранных дел Лобанов-Ростовский не поддерживает поездку, поэтому он специально попросил российского императора послать приготовленный подарок, орден в Лондон, чтобы Ли Хунчжан передал его китайскому императору... Кроме вручения подарков, ему не нужно будет заниматься дипломатическими делами, однако он имеет право вести переговоры о железной дороге, так как занимает должность генерального директора железнодорожной компании. На недавней встрече с министром финансов Витте министр тоже сказал, что Ухтомский заодно обсудит с китайской стороной дела. Я спросил, что надо обсудить? Витте сказал, что, например, определить маршрут железной дороги, открытие угольной шахты и так далее»³.

В хрониках правления династии Цин говорилось, что в день под циклическими знаками цзя-шэнь (т.е. 25 числа — *прим. авт.*) состоялась аудиенция российского посланника князя Ухтомского, прибывшего с ответным визитом, у Императора Гуансюя в павильоне Вэньхуа Императорского дворца⁴.

Две аудиенции в павильоне Вэньхуа состоялись 25 и 27 апреля 1897 г. В то время газета «Шэньбао»⁵ много писала о них, даже привела список подарков императору, императрице-матери, принцу Гун Циньвану, принцу Циньвану, Ли Хунчжану и сановникам Главного управления иностранных дел (далее — Главное управление).

«20 апреля российский посланник и его заместитель прибыли в Пекин и сразу отправились в Главное управление, которое находится в переулке Дунтанцзы, встретились с министром Ваном и другими, потом на паланкинах последовали в посольство, которое находится на улице Дунцзяоминьсян. На следующий день российский посланник отправился в резиденцию принца Гун Циньвана (дяди императора Гуансюя), находящуюся на улице Бэйчанце за воротами Сихуамэнь. Поскольку император Гуансюя находился в Летнем дворце Ихэюань и еще не вернулся, время аудиенции перенесли на 25 число в павильон Вэньхуа. Ухтомский привез более 20 дорогих подарков. Российский посланник был принят с чрезвычайной вежливостью и гостеприимством, что доказывает тесные дипломатические отношения между двумя странами»⁶.

Пользуясь множеством церемониальных приемов, состоявшихся еще до приезда князя Ухтомского в Пекин на аудиенцию к императору, газеты публиковали вести о предстоящем событии; позднее один из корреспондентов газеты сообщал из столицы Китая, что Ухтомский 25 числа прошлого месяца был на аудиенции у императора, вручил верительные грамоты и драгоценные подарки от российского царя и попросил аудиенции у императрицы-матери Цыси. Та велела императору вместо нее принять посланника. 27 августа Ухтомский второй раз отправился в павильон Вэньхуа, чтобы вручить письмо от императрицы-матери России императрице-матери династии Цин. Письмо было передано императором, императрица-мать Цыси рассмотрела все драгоценные подарки, подаренные Николаем II. Ниже приведен список подарков: Орден Святой Великомученицы Екатерины с бриллиантами, высококачественные роскошные ткани, изготовленные в старой столице Москве, бриллиантовая диадема, серебряный туалетный сервиз, столик из лазурита, драгоценная булавка для волос, древний веер, фонограф. Подарки императору: серебряная группа фигур с витязем на подставке из гранита, ваза из ляпис-лазури на мраморной подставке, четыре шкуры чёрно-бурой лисицы, братина с 16 чарками, большой ковш с эмалью, серебряная братина с гравировкой орла и шестью чарками, расписанная цветами коробка для фруктов. Кроме того, еще по шесть подарков Гун Циньвану и Цин Циньвану, восемь подарков Ли Хунчжану, по 3 подарка всем сановникам Главного управления. Такая щедрость говорит о крепкой дружбе между Китаем и Россией⁷.

В газете «Шэньбао» сообщалось, что в день под циклическими знаками бин-у (*т. е. 27 числа — Прим. авт.*) в павильоне Вэньхуа состоялась аудиенция для российского посланника князя Ухтомского. Ухтомский представил верительные грамоты от российской императрицы-матери императрице-матери Цыси династии Цин, а также орден в качестве подарка. Император Гуансюй передал благодарность от императрицы-матери Цыси. Затем император еще послал телеграмму Ухтомскому, чтобы тот прислал Договор о добрососедской дружбе, в телеграмме император Гуансюй выразил глубокую благодарность царице-матери Российской империи от имени императрицы-матери династии Цин за верительные грамоты и орден, и сказал, что он дорожит роскошными подарками и передает большой привет от императрицы-матери царице-матери России. Он доверяет Сюй Цзинчэну выразить свое почтение⁸.

Выше изложены события, связанные с аудиенцией Ухтомского в императорском дворце Цинской династии. Российские ученые также описывали эту аудиенцию. В частности, о ней рассказывал доктор и журналист российской дипломатической миссии В.В. Корсаков (1854–1932) в своей книге «В старом Пекине»⁹:

«14-го мая 1897 года, в 7 час. утра, вся русская колония в Пекине, во главе с кн. Ухтомским, присутствовала на аудиенции во дворце богдохана <...> Для доставления русского посольства во дворец были присланы придворные паланкины.

Выход русской колонии из ворот русского посольства представлял чрезвычайно живописную и грандиозную картину <...> В первом паланкине в мундире камер-юнкера, имея через плечо ленту китайского ордена Двойного Дракона, вынесен был князь Ухтомский. По сторонам паланкина ехали по два казака Забайкальского войска в полном воо-

ружении. За князем несли паланкины остальных членов посольства и атташе. Все шестое состояло из 22-х паланкинов, растянувшихся на большое пространство. Но при приеме этого экстренного по значению для Китая посольства китайцы остались сами собой: все и все оставалось обычно на своих местах, — улица, по которой направлялось посольство ко дворцу, не была полита, и пыль тучей носилась вокруг, скрывая от глаз ближайшие предметы (китайцы поливают улицы только после полудня); навстречу движению посольства так же свободно, как и всегда, шли караваны верблюдов, галопировали ослики с седоками-китайцами, везли полные возы овощей, главным образом луку, чесноку, капусты, редиски. Жизнь города не изменилась ни на одну линию, все шло своей колеей. Несмотря на такой ранний час, с приближением к стенам Красного императорского города толпы китайцев становились все гуще. Нигде по улицам ни одного полицейского, и только при входе в первые ворота города вдоль пути шестивия стояли полицейские солдаты с тонкими бамбуковыми палочками, которыми они сдерживали толпу, заставляя сохранять прямую линию и не выдаваться вперед. Такой ранний час аудиенции не есть исключение: деловая жизнь во дворце богдохана начинается с 4-х часов утра, когда уже приезжают с докладами министры. Аудиенции начинаются с 5-ти часов утра и часто даже по ночам, когда есть дела особой важности. Но зато с вечера, с заходом солнца прекращается и самая деятельность»¹⁰.

Подарки, представленные князем Ухтомским на аудиенции от имени российского царя, также были подробно записаны в «Дневниковых записях о поездке Ли Хунчжана в разные страны»:

«Ли Чжунтан (Ли Хунчжан) также выехал в пригород, чтобы приветствовать приехавшего русского посланника. После аудиенции министр Ван устроил банкет для членов Главного управления и все были крайне вежливы. Для подарков от Российского царя, согласно ежедневному докладу, был составлен список. Подарки императрице-матери: и подарки императору китайцы оценили примерно в 400 тысяч лянов серебра (*лян* — мера веса, а также денежная единица Китая, чуть более 31 граммов. — *Прим. авт.*)¹¹.

Корсаков приводит более подробное описание этих подарков: «Императрице матери подарки состояли из знаков ордена св. Екатерины, для нехристиан установленных, бриллиантовой диадемы ценою свыше 5-ти тысяч, серебряного туалетного сервиза, булавки для волос, состоящей из золотой с бриллиантами змейки с громадным рубином. Этот подарок, как имеющий тотчас же применение, будет оценен по достоинству; китайцы чрезвычайно любят драгоценные камни. Затем веер белый атласный, с рисунком, в золотых створках, столик из ляпис-лазури, фонограф. Императрица мать весьма интересуется всеми новыми изобретениями: в ее дворце заведено уже и электрическое освещение, электрические звонки, еще в прошлом году доставлены были из Парижа фонографы; на пруду в ее парке плавают пароходы, а в парке ходит электрический локомотив. Кроме вещей, императрице назначено много материй: атласы, затканые золотом, серебром, парча, золотой и серебряный муар, бархат. Принцу Гун-цин-вану назначены: братина с шестью чарками работы Грачева, пара каменных ваз из орлеца, серебряная вазочка-петух от Фаберже, столик из ляпис-лазури и малый каменный туалетный сервиз. Ли-Хун-Чангу (так в оригинале. — *Прим. авт.*) назначены серебряный чайный сервиз, пара графинов от Грачева, бриллиант на шапку, модель памятника Петра Великого, флакон для табаку. Ли-Хун-Чанг несомненно будет доволен подарком модели памятника Петру Великому. Как все китайцы, он во всем будет видеть символ. Будучи несомненно выдающимся государственным человеком в Китае, он будет польщен, что подносят ему памятник великого человека»¹².

В соответствии с традициями Цинской династии, в случае ответных визитов посланники вознаграждались еще более щедрыми подарками. Некоторые подарки хранятся в музее Эрмитаж в России¹³.

Сравнивая вышеуказанные исторические документы и исследуя артефакты Музея Гугун, мы определяем, что серебряная группа скульптур с витязем, братина с гравю-

рой орла, коробка для хранения фруктов, серебряные тарелки с эмалью (пара), серебряный умывальник с двумя ручками в виде дерева обязаны своему появлению этой аудитории, из них серебряная группа фигур с витязем, братина с гравюрой орла, цветочная коробка для хранения фруктов — это подарки императору Гуансюю. В то же время старинные российские серебряные изделия, серебряные тарелки с эмалью Овчинникова и серебряный умывальник Грачева с двумя ручками в виде дерева, которые хранятся в императорском дворце династии Цин, соответствуют описанию в исторических документах, поэтому тоже отнесены нами к подаркам по случаю описанной аудитории.

2. Российские серебряные изделия, которые хранятся в императорском дворце династии Цин

Российские поставщики ювелирных украшений Высочайшего двора создали ряд изысканных изделий из серебра, которые славились своим дизайном, тщательным производством и высококачественными материалами. Согласно знакам на артефактах, которые хранятся в императорском дворце династии Цин, можем определить, что вышеупомянутые российские артефакты были произведены компаниями «Фаберже», «Овчинников» и «Братья Грачева». «Фаберже» — это визитная карточка российского ювелирного производства, поставщик императорского двора, изделия Фаберже отличались изысканным мастерством, изобретательностью дизайнера, инкрустированными драгоценностями и роскошным украшением. Особенной славой пользовалась серия ювелирных изделий в виде пасхальных яиц, сделанных для царской семьи.

В отличие от «Фаберже», серебряные и эмалевые изделия «Овчинникова» были сравнительно мало известны за рубежом. Ювелирная фирма «Овчинников» славилась техникой чеканки и литья, производством серебряных изделий и изделий, выполненных в технике эмалей. Работы, выполненные фирмой «Овчинников», очаровали королевские семьи всего мира. Основные сюжеты изделий были взяты из картин древних и современных российских художников. Овчинников лично потратил много времени и энергии на выбор произведений живописи, он неоднократно посещал отдаленные места, чтобы найти уникальные картины на историческую тему. Возрождение технологии инкрустированной эмали в России, как и в Европе, тесно связано с усилиями Овчинникова. Компания братьев Грачевых была основана в 1866 году; художественные изделия из серебра, которые эта компания произвела, известны как в России, так и за ее рубежом и завоевали многочисленные награды на Всемирных ЭКСПО.

1) Серебряная статуя витязя

Крупнейшим российским артефактом Музея Гугун является серебряная группа фигур с конным витязем на историческую тему, созданная фабрикой Овчинникова. Высота скульптуры — 1,5 метра, вес более 1 тонны. В центре скульптуры — человек, который похож на русского полководца (со знаком двуглавого орла на груди), он верхом на большом коне, держит в левой руке знамя, а в правой — оковы, на нем шлем и в доспехи. Слева от боевого коня стоит солдат, ведущий его, а справа стоит женщина с ребенком. Скульптура разместилась на пьедестале из красного гранита, по обеим сторонам стоят казак и болгарский солдат. На передней части пьедестала имеется знак российского двуглавого орла, на двух боковых сторонах выгравированы даты 1891 и 1897. Такая огромная скульптура похожа на памятник, связанный с каким-то историческим событием.

Статуя витязя из серебра в российских исторических документах описывается следующим образом. Эта скульптура была произведена на фабрике Овчинникова, она представляет освобождение Болгарии. Русский витязь на коне, которого ведет под уздцы русский крестьянин в лаптях, разрывает цепь рабства, лежащую под ногами коня. У стремени витязя, целуя край спускающегося знамени, стоит женщина-болгарка, держа за

Рис. 1. Серебряная статуя витязя (фрагмент)

статуя витязя была сделана по вышеуказанному методу: скульптурная работа стоимостью 7000 рублей старыми деньгами стала классической работой Овчинникова. Этим подарком царское правительство хотело донести идею, что в трудный период внутренних и внешних проблем правительства Цин Россия по-прежнему остается «витязем» для Китая и защитит Китай, как защитила Болгарию.

2) Серебряный треногий сосуд с крышкой, двумя ручками, аппликацией цветов и двуглавым орлом

Старое название — «Братина с гравюрой орла», предмет из коллекции императорского дворца династии Цин, высота — 61 см, диаметр горла — 53 см. С тремя ножками, двумя ручками, тело в виде барабана. Тело украшено узором цветов и трав из серебряных пластин, а горлышко украшено S-образным узором. На лицевой и обратной сторонах в самом центре имеется изображение российского двуглавого орла. Верхняя часть крышки сосуда узкая, а нижняя часть широкая, верх крышки плоский, а наверху крышки — огромный объемный двуглавый орел. На внутренней стороне крышки имеется подпись «К.ФАБЕРЖЕ» на русском языке — имя знаменитого основателя фабрики «Фаберже» Карла Фаберже. Эти детали выполнены с совершенным искусством. Украшение на сосуде соответствует традиционному роскошному стилю фабрики, все украшения позолоченные. Сосуд такого большого размера не часто встречался среди продукции фабрики Фаберже, обычно здесь в угоду российской императорской семье выпускали изысканные пасхальные яйца. Согласно статистике, с 1885 по 1916 г. «Фаберже» произвела более 50 яиц для царской семьи. Работы Фаберже всегда пользовались благосклонностью императора, потому что авторы включали в них фрагменты, напоминающие о каком-то событии в жизни царской семьи. Аудиенция у китайского императора — чрезвычайно важное политическое событие, которое неизбежно требует изысканных художественных форм. Впервые, сделан акцент на государственном гербе. 24 июля 1882 г. Император Александр III в Петергофе подписал новый указ о государственном гербе Российской Империи,

руку ребенка, у которого в руке щит с гербом Болгарии. Группа поставлена на пьедестал из гранита, по бокам которого находятся отлитые из серебра фигуры черногорца и болгарина. Хотя группа уносит нас к другому великому событию, которое совершил русский народ, но китайцы не преминут увидеть здесь намек.

С 9-го вплоть до начала 20-го века, как с точки зрения уровня технологий, так и уровня производства, золотые и серебряные изделия России находились в авангарде мирового ювелирного производства. За это время появилось большое количество известных мастеров, которые создали много репрезентативных работ. Эта серебряная скульптура — одна из самых представительных работ того периода. При ее изготовлении использовался метод литья под давлением, а затем, с использованием молота, гравировки или тиснения, прорабатывались мелкие детали персонажей, такие как волосы, усы, борода и т.д., или вырезались выражения лиц персонажей. Серебряная

Рис. 2. Братина с гравюрой орла

символ российской царской власти. Эта работа «Фаберже», несомненно, полностью выполнила свою миссию.

Согласно правилам регистрации артефактов, в музее Гугун он называется «Серебряный треногий сосуд с крышкой, двумя ручками, аппликацией цветов и двуглавым орлом», а в России такой сосуд называется братиной, которая является емкостью в виде шара, популярной в России с XVI по XIX век. Братина обычно пользовалась для хранения алкогольных напитков на торжественном застолье, изготавливалась из разных материалов; братина царского стиля обычно была сделана из золота или серебра, снаружи украшена серебряным цветочным и травяным узором, такую братину дарили как очень ценный подарок. Братина имела разные формы и размеры, могла иметь крышку конической формы, шла в комплекте с 6–12 чарками. Шесть чарок к братине с гравюрой орла, упомянутые в исторических документах, были утеряны по неизвестным причинам.

3) Серебряная шестиногая овальная коробка с гравюрой цветов

Рис. 3. Серебряная шестиногая овальная коробка с гравюрой цветов

дворца, номер этой коробки был: Люй 1945. Просматривая «Отчет о проверке предметов императорского дворца династии Цин»¹⁴, нам стало известно, что первоначально она хранилась в павильоне Янсиньдянь, в отчете она была записана как «бронзовая посеребренная цветочная посуда для хранения фруктов».

«Праздничный герб», учрежденный царем Павлом I, был принят в качестве Большого герба Российской Империи. Однако герб претерпел некоторые изменения: Мальтийский Большой Крест был отменен, был отменен и веночек из алых и золотых колосьев на фоне. Отменены также два двуглавых орла стандартного размера слева и справа. В то же время он добавил гербы стран Центральной Азии, которые символизируют недавние завоевания. 23 февраля 1883 г. царь Александр III подписал указ о восстановлении применения старого государственного герба. Но цвет корон на головах двуглавого орла превратился из золотого в красный. Это рельефный государственный герб России на теле сосуда, а скульптура двуглавого орла на крышке сосуда представляет собой трехмерный российский герб без двух маленьких корон и гербов стран Центральной Азии. Тема государственного герба дважды повторяется на одном сосуде, демонстрируя

В исторических документах называется «цветочной коробкой для хранения фруктов». Артефакт, хранящийся в императорском дворце династии Цин, высота 18 см, длина 93 см, ширина 45 см. Коробка имеет пару ручек в виде лавровых венков, по окружности украшена узорами из листьев эвкалипта и цветами. Когда Комитет по ликвидации императорской семьи династии Цин пересчитал артефакты императорского

Посуда использовалась для хранения фруктов и была представлена в павильоне Янсиндянь, что указывает на то, что эта посуда высоко ценилась Цинским правительством. В дополнение к практической и прикладной функциям, через эти предметы, вдохновленные русским искусством, императоры Цин могли получить информацию о России, а также демонстрировались тесные контакты между Китаем и Россией.

4) Серебряные тарелки с эмалью

Рис. 4. Серебряные тарелки с эмалью

Артефакты императорского дворца династии Цин, высота 0,5 см., диаметр 13,5 см, две парные тарелки. В центре внутренней поверхности тарелки изображен выпуклый герб России — двуглавый орел. Тарелка имеет широкий край с эмалью, который украшен волнистыми узорами и узорами из цветов и трав. Весь край плотно украшен чередующимися синим, зеленым и желтым цветами. На дне имеется штамп «84», который обозначает, что содержание доли серебра в изделии достигает 87,5%. Подпись фабрики-изготовителя «П. Овчинниковъ» выполнена на русском языке, как было принято в то время на фабрике Овчинникова. Овчинников достиг вершины искусства филигранной эмали, большинство серебряных изделий на фабрике было произведено по этой технологии. Великолепные серебряные изделия наполнены различными красками и имеют уникальный русский стиль.

5) Серебряный умывальник с двумя ручками в виде дерева

Рис. 5. Серебряный умывальник с двумя ручками в виде дерева

Артефакт императорского дворца династии Цин, высота 43 см, диаметр 33,5 см. Весь умывальник из серебра, две парные единицы. Его основная часть выполнена в форме дерева, ветви и листья расправляются. На дереве установлена серебряная чаша, которая украшена витым узором, что дает эффект тканевого плетения. На дне тарелки имеются цифры «84» и «1893» и русскоязычная надпись «Грачевъ», что соответственно обозначает 87,5% серебра, 1893 год и производство на фабрике «Братьев Грачевых», которая была всемирно известным семейным предприятием по изготовлению серебряных изделий и ювелирных украшений.

* * *

Последний правитель династии Романовых Николай II питал особое пристрастие к изделиям из серебра. Для их изготовления привлекались выдающиеся европейские мастера. В оценке серебра эстетический вкус Николая II превосходил европейские королевские семьи. Поэтому в конце XIX—начале XX века было выпущено большое количество гениальных, роскошных, красивейших русских серебряных изделий. Об этом свидетельствуют и коллекции российских артефактов, хранящихся в императорском дворце династии Цин. Очевидно, что это была успешно спланированная дипломатия подарков, специально заказанных и тщательно отобранных российским правительством. Пример тому — изготовление серебряной статуи Витязя. Статуя, которая должна была быть передана Болгарии, отправилась в Китай. Цель подарка заключалась в сообщении цинскому правительству, что подобно тому, как Россия стала освободительницей для Болгарии, она станет ею и для Китая. Тем не менее, правительство империи Цин, вероятно, не восприняло его глубокого смысла. Точно так же статуя Петра Великого, представленная Ли Хунчжану, имела глубокий смысл и говорила о том, что Ли Хунчжан обладает новаторским духом Петра Великого, что, по-видимому, просто было лестью.

Сохранившиеся артефакты, привезенные из России во время ответного визита ее посланника в Китай, продемонстрировали богатство и высокую ценность подарков России, а также стали свидетельством большого внимания российского императора к дипломатическим отношениям между Китаем и Россией. Николай II выбрал художественные изделия трех поставщиков драгоценных украшений для российского царского дворца в качестве дипломатических подарков именно для того, чтобы продемонстрировать высокий уровень российского мастерства серебряных изделий с целью усиления влияния России в Китае. Стоит отметить, что в сталинский период большое количество антиквариата из серебра было переплавлено для обмена на иностранную валюту, в результате чего сохранилась лишь часть старинных российских серебряных изделий, а мастера следующих поколений не достигали уровня периода расцвета российского ювелирного искусства. Поэтому хранящиеся в Музее Гугун экспонаты обладают чрезвычайной ценностью.

Кроме вышеупомянутых артефактов, прочие подарки императрице-матери Цыси и другим сановникам не были обнаружены в Музее Гугун и требуют дальнейшего поиска.

-
1. Мастерицы семейства Гу в Шанхае со времени династии Мин считались одними из лучших вышивальщиц Китая.
 2. Ли Хунчжан липинь оумэй цзи / Цзоусян шицзе цуншу: [Дневниковые записи о поездке Ли Хунчжана в разные страны / Серия «Выход на мировую арену»] сост. Чжун Шуэхэ. Чанша: Издательство «Юэлушунь», 1986., С. 46.
 3. Сюй Вэньсу гун игао 12 цзюань. Цзюань цзю хань суй у: [12 Томов рукописей Сюй Вэньсу (Сюй Цзинчэна), том 9, продолжение 5]. Издание Китайской Республики, (1912–1949) Б.м. С. 234.
 4. Цин шилу, да Цин Дэ-цзун цзин хуанди шилу, цзюань чжи 440, Гуансюй эршисань нянь сы юэ, Гуансюй эршисань нянь дин ю ся сы юэ: [«Правдивые записи о правлении династии Цин», о правлении императора Дэ-цзуна великой династии Цин, апрель 23 года (год Дин Ю по китайскому лунному календарю) правления императора Гуансюя]. 1897, императорский двор. Том 440.
 5. «Шэньбао» — одна из первых китаезычных газет, издавалась в Шанхае с 30 апреля 1872 г. до 27 мая 1949 г.

6. Шэньбао. 07.06.1897. 1-й выпуск, Шанхай, номер 8670.
7. Шэньбао. 07.06.1897. 2-й выпуск, Шанхай, номер 8675.
8. Шэньбао. 07.06.1897. 1-й выпуск, Шанхай, номер 8670.
9. Корсаков В.В. В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае. СПб., 1904. С. 197–237.
10. Корсаков В.В. В старом Пекине... С. 204–206.
11. Ли Хунчжан липинь оумэй цзи / Цзоусян шицзе цуншу: [Дневниковые записи о поездке Ли Хунчжана в разные страны / Серия «Выход на мировую арену»] сост. Чжун Шухэ. Чанша: Издательство «Юэлушушэ». 1986. С. 57.
12. Корсаков В.В. В старом Пекине... С. 201–202.
13. Автор посвятил ответным подаркам отдельное исследование. См.: До Лимэй. Цин дай чжун э учжи вэньхуа цзяолю яньцзю. Бошихоу чучжань баогао: [«Исследование межкультурного взаимодействия китайской и русской материальной культуры в династии Цин», Постдокторский отчет] На правах рукописи, 2016. 199 с.
14. Филиал на о. Гуланьюй для демонстрации иностранных артефактов из собрания музея Гугун: каталог экспонатов. Изд-во музея Гугун, 2017.5. С. 96.

Duo Limei. Artifacts of the Russian Empire in the Palace Museum (the Forbidden City) in Beijing

Imperial Palace of the Qing dynasty possesses a group of artifacts of the Russian Empire, which are not regularized and have not been studied. Among them, silver art products of the most famous suppliers of jewelry for the Royal court — Faberge, Ovchinnikov and Grachev — are stored in the Palace Museum. Some of these products are gifts that were presented to the Empress mother Cixi, Emperor, Empress and officials of the Qing dynasty by the Russian Prince Ukhtomsky, sent by Tsar Nicholas II in 1897 to China for an audience with Emperor Guangxu. The author of this article examines the artifacts related to Russia in the Palace Museum in accordance with historical documentation and identifies the origin of these artifacts, trying to provide a valuable reference to the Chinese-Russian relations in the Pro-Russian era and the period of "Union with Russia".

Key words: Russian artifacts, Ukhtomsky, Faberge, Ovchinnikov, Grachev, imperial palace.

Образы Гонконга и Шанхая в творчестве Чжан Айлин

© 2020

Л.В. Стеженская, А.Д. Костромина

В статье рассматриваются образы Гонконга и Шанхая в творчестве китайской писательницы XX века Чжан Айлин на примере двух её произведений: «Опилки райского дерева. Первый аромат» и «Любовь, разрушающая города». Гонконг и Шанхай предстают перед нами как крупные современные города с развитой транспортной системой, обилием «третьих мест», проблемами, свойственными только мегаполисам, как-то: одиночество и холодная рассудочность. Но если шанхайцы изображены как выразители традиционных взглядов, то жители Гонконга выступают как представители современного общества.

Ключевые слова: Чжан Айлин, китайская литература, китайская литература XX в., шанхайский стиль, хайпай

DOI: 10.31857/S013128120008838-2

Творчество Чжан Айлин (1920–1995) относят к «шанхайскому стилю» (*haipai*). Этот термин, возникнув в сфере живописи, переходит и в литературу в 30-х годах XX века. «Шанхайский стиль» торговцев и промышленников изначально противопоставлялся «пекинскому стилю» чиновников династий Цин и Мин¹, но впоследствии он становится «самостоятельной эстетической категорией»², для которой характерен акцент на личных переживаниях героя, второстепенность исторического и социального контекста, изящность языка, и, конечно же, описание жизни Шанхая, крупного города с его пышной жизнью.

И не зря Чжан Айлин называют «певцом Шанхая»: она пишет о Шанхае, и что важнее, для жителей Шанхая: «Я люблю шанхайских жителей, надеюсь, что им понравятся мои книги»³. Чжан Айлин пишет не только о Шанхае: в 40—е годы выходит ряд ее произведений с «удивительными историями о Гонконге»: «Опилки райского дерева. Первый аромат», «Опилки райского дерева. Второй аромат», «Аромат жасмина», «Сутра сердца», «Стеклянная плитка», «Золотая канга», «Любовь, разрушающая города». «Когда я писала это, я все время думала о шанхайцах, потому что я старалась посмотреть на Гонконг глазами шанхайцев», — так комментирует эти произведения Чжан Айлин в своем эссе «Все-таки шанхаец»⁴. В этой статье мы рассматриваем образ общества Гонконга и Шанхая в творчестве Чжан Айлин на примере двух произведений, входящих в эту группу «удивительных историй о Гонконге» — «Любовь, разрушающая города» и «Опилки райского дерева. Первый аромат».

Произведения «Опилки райского дерева. Первый аромат» (*Chenxiangxie di yu luxiang*) и «Любовь, разрушающая города» (*Qingchengzhi lian*) были написаны Чжан Ай-

Стеженская Лидия Владимировна, к.ф.н., доцент ИВКИА НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИДВ РАН, E-mail: liuxie@mail.ru.

Костромина Анастасия Дмитриевна, студентка 4 курса НИУ ВШЭ образовательной программы «Востоковедение», E-mail: anastasia.kostromina0804@gmail.com.

лин после возвращения из Гонконга в Шанхай, захваченный японцами. Повесть «Опилки райского дерева. Первый аромат» впервые опубликовали в 1943 г. в журнале «Фиалка» (Ziluolan), а роман «Любовь, разрушающая города» — в том же году в журнале «Цзачжи» (Zazhi). Позднее они вошли в ее первый сборник «Об удивительном» (Chuanqi). Роман «Любовь, разрушающая города» был переведен на русский язык О.П. Родионовой и впервые опубликован в сборнике китайской прозы 1930-х — 1940-х годов в серии «Китайская литература XX—XXI вв.»⁵ Позднее он был переиздан в сборнике «Шедевры китайской женской прозы XX века» вместе с еще одной повестью Чжан Айлин «Золотая канга» и ее рассказом «Прохода нет»⁶. Повесть «Опилки райского дерева. Первый аромат» еще не была переведена ни на русский, ни на английский язык, или, по крайней мере, не была опубликована.

В повести «Опилки райского дерева. Первый аромат» рассказывается история девочки Гэ Вэйлун, которая переехала с родителями в Гонконг, но из-за материальных проблем семья вынуждена возвратиться в Шанхай. Вэйлун хочет продолжать обучение в Гонконге, но у ее семьи недостаточно средств для оплаты обучения. Поэтому Вэйлун идет просить помощи к тетке Лян, сестре отца, с которой он прервал все отношения из-за того, что она не послушалась своих братьев и стала четвертой женой богатого коммерсанта из Гонконга. Репутация у тетки не самая лучшая: она, окружив себя несколькими любовниками и используя молодых служанок как приманку, ведет «светскую жизнь». Вэйлун договаривается с теткой о том, что та оплачивает девочке обучение, а взамен Вэйлун переезжает в дом тетки и слушается ее указаний. Расчет тетки в том, что молодая девушка сможет принести ей гораздо большую выгоду, чем она потратит на оплату ее обучения. Вэйлун, обманув отца, остается в Гонконге, продолжая учиться и живя с теткой. Здесь для Вэйлун открывается совсем новая жизнь: роскошные наряды, выходы в свет, общение с мужчинами, которые значительно старше нее. Вместе с этим она продолжает упорно учиться и ходит петь в церковный хор, надеясь там найти порядочного молодого человека. Но тетка препятствует этому. И в итоге Вэйлун соблазняет местного повеса Цяо Ци. Под нажимом тетки организовывается их свадьба, и Вэйлун оказывается в западне у тетки и Цяо Ци. В конце повести мы видим несчастную, морально раздавленную Вэйлун, которая сравнивает себя с проституткой.

Сюжет романа «Любовь, разрушающая города» разворачивается в двух городах: в Гонконге и Шанхае. Главная героиня Бай Люсу развелась с мужем и вернулась в Шанхай в свою семью. У нее большая клановая семья, в одном доме живет несколько поколений родственников, дети от разных браков. Их, конечно, не радует возвращение разведенной женщины, они всячески ее попрекают. Тетушка Сюй, их дальняя родственница, устраивает смотрины для одной из сестер Люсу. Господин Фань Лююань — богатый промышленник, родился и вырос в Англии, но потом вернулся на родину. Ему же приглянулась Люсу, и тетушка Сюй организует поездку Люсу в Гонконг, где ее ждет господин Фань. Там они сближаются и много времени проводят вместе. Цель Люсу — выйти замуж, чтобы обеспечить себе стабильную жизнь, а Фань Лююань ищет взаимной романтической любви. Люсу воспринимает эти отношения как борьбу: если она его женит на себе — выиграла, если он сделает ее лишь любовницей — она проиграла, так как положение любовницы нестабильно. И вот Лююань собирается уезжать за границу, а Люсу оставляет в Гонконге, снимая ей отдельный дом. Но тут начинается война: на Гонконг нападает Япония, и Лююань возвращается к Люсу. Вместе они переживают опасные дни военных действий, это их сближает еще больше. После того, как все утихает, они печатают в газете объявление о своей свадьбе, возвращаются в тот особняк и, кажется, начинают семейную жизнь.

Как мы видим, оба произведения были написаны в одно и то же время, в них повествуется о личной жизни двух девушек, действия происходят в предвоенном Гонконге и Шанхае (действие романа «Любовь, разрушающая города» частично происходит в Гон-

конге в военный период, но эту часть мы не рассматриваем в данной статье). Для удобства сопоставления двух городов мы возьмем примерно один и тот же временной промежуток: до начала военных действий в Гонконге.

В произведениях Чжан Айлин Гонконг и Шанхай — это современные города с развитой транспортной системой. Чжан Айлин упоминает корабль, автомобиль, общественный транспорт (автобус).

Пароход — способ передвижения между двумя городами: Гонконгом и Шанхаем, а также между странами: Гонконгом и Англией.

Вэйлун проводила родителей до парохода. Уже стемнело, нянюшка Чэнь подхватила кожаный чемоданчик Вэйлун, и они направились к дому тетки Лян⁷.

Господин и госпожа Сюй вместе с детьми заехали на машине за Люсу, чтобы ехать в порт. В Гонконг они отправились на голландском корабле в каюте первого класса. Корабль оказался маленьким...⁸.

На следующий день Лююань сообщил, что через неделю должен ехать в Англию... когда зимним вечером Люсу провожала Лююаня, они перехватили сэндвичи прямо на корабле⁹.

Итак, мы видим Гонконг как порт, связующее звено между материковым Китаем и Европой — П.М. Иванов в книге «Гонконг. История и современность» писал, что Гонконг с середины XIX века стал крупным портовым городом, который поддерживал морскую связь с Европой, и из которого можно было добраться в такие крупные города Китая, как Шанхай и Гуанчжоу¹⁰.

Герои этих произведений — представители высших слоев общества — достаточно часто пользуются автомобилями при выезде «в город». В романе «Любовь, разрушающая города» встречается одно упоминание автомобиля в Шанхае и четыре упоминания — в Гонконге; в повести «Опилки райского дерева...» — пять упоминаний в Гонконге.

Интересно отметить, что в произведении «Опилки райского дерева» автомобили упоминаются как принадлежащие семьям. Например: «Кто же еще устроил тебе подвох? Не иначе как водитель автомобиля семейства Цяо»¹¹. Мы можем предположить, что в то время у обеспеченной семьи был в распоряжении один автомобиль — автомобиль на семью.

Также в произведении «Опилки райского дерева» упоминается такси:

Еще промешкать, и по горе идти будет очень опасно. Вот два юаня, поймай машину. Чемодан поставь прямо здесь, мне помогут донести¹².

Хотя лингвистически этот вид «машины» никак не маркируется, из контекста ясно, что речь идет именно об услуге развозки пассажиров за деньги, то есть такси.

Герои пользуются общественным транспортом в Гонконге, но гораздо меньше, чем автомобилем. Общественный транспорт только однажды упоминается в «Любви, разрушающей города» и в «Опилках райского дерева».

В «Любви, разрушающей города» герои могут себе позволить проезд на машине (Лююань — богатый промышленник), но иногда по ряду причин выбирают автобус. Так, в «Опилках райского дерева» Вэйлун выбирает общественный транспорт из-за личных обстоятельств: она не хочет пользоваться теткиной машиной, так как поссорилась с ней. Итак, жители двух городов, и Гонконга, и Шанхая довольно мобильны, им доступны и общественный транспорт, и личные автомобили. Они легко перемещаются внутри городского пространства, а также между городами и даже между странами.

Во-вторых, мы можем обратить внимание на разнообразие развлечений, или «третьих мест», в Гонконге и Шанхае. В произведениях упоминаются кино и дансинги, которые были привнесены в Китай с Запада. В этом контексте мы можем также сравнить отношение жителей Гонконга и Шанхая к современным развлечениям. Интересно, что кинотеатр воспринимается героями, проживающими в Шанхае, как место, где можно «избежать нормального общения», они отвергают это новое развлечение. Модное запад-

ное явление дансинг не одобряется семейством Бай, которое в рассказе выступает как представитель традиционного общества, они критикуют Люсу за умение танцевать: «Мы получили традиционное воспитание, нас танцам не обучали, а она выучилась этому у своего непутевого муженька!»¹³ В Гонконге встречается гораздо больше упоминаний «третьих мест», они разнообразнее, и люди в Гонконге чаще их посещают. Герои в Гонконге бывают в ресторанах, кино, на гуандунской опере, в казино, в отелях «Глочестер» и «Сесил», в кафе «Блурберд», на индийской шелковой фабрике, в ресторане сычуаньской кухни на Коулуне, устраивают пикник на яхте англичанина, ездят на остров Циньдао, на пляж в бухту Рипалс-Бэй. К тому же, если обратить внимание, как Люсу описывает свое пребывание в шанхайском доме («все дни своей монотонностью и скукой были похожи один на другой»¹⁴), и вспомнить, что Вэйлун впервые вышла в светское общество только у тетки в Гонконге, так как отец ее никогда не выводил в свет, то образ традиционных шанхайцев, который рисует нам Чжан Айлин, проступает еще четче. По сравнению с шанхайцами, гонконгцы в произведениях Чжан Айлин появляются в «третьих местах» гораздо чаще, они открыты новым веяниям. А шанхайские семьи более закрыты, они относятся ко всему с недоверием, более замкнуты, не выходят в свет.

Такое противопоставление традиционности шанхайского и современности гонконгского общества проявляется и в описании мест проживания семей. Согласно французскому социологу Пьеру Бурдьё, внутреннее устройство дома является отражением мировоззрения его жителей¹⁵. Анализ жилища позволяет выстроить картину мира героев, представителей городского общества.

Герои произведений, представители высших слоев общества, живут в шанхайской и гонконгской усадьбах. Шанхайская усадьба — дом разорившейся семьи, как в «Опилках райского дерева» (семья Вэйлун), так и в «Любви, разрушающей города» (семья Люсу). Дом наполнен старыми дорогими вещами, с элементами традиционной китайской культуры: традиционная китайская скрипка *хуцинь*, старинный туалетный столик из самшита, полки с книгами в футлярах из красного сандалового дерева с изящной зеленой гравировкой, чайный столик из натурального камня, часы, украшенные перегородчатой эмалью, музыкальный механизм которых давно сломался, «ярко-красные полоски с золотистыми надписями, сулящими долголетие и процветание, где каждый из крупных иероглифов покоился на отдельном нарисованном цветке»¹⁶.

Время в шанхайском доме течет медленно, дни похожи один на другой: «Особняк семейства Бай чем-то напоминал волшебный грот: каждый незаметно прошедший в нем день можно было приравнять к тысяче обычных лет. В то же самое время, проживи тут хоть тысячу лет, тебе покажется, что прошел всего день, потому как все дни своей монотонностью и скукой были похожи один на другой»¹⁷.

Шанхайская усадьба как будто остановилась во времени, зафиксировав и остановив течение времени. Как и само общество: в романе «Любовь, разрушающая города» мы видим клановую многопоколенную семью, которая придерживается традиционных взглядов и противится новым веяниям. Но это скорее исключение. «Любовь, разрушающая города» начинается с фразы: «Для «экономии светлого времени» Шанхай передвинул все стрелки на час вперед, но в особняке Байгунгуань решили иначе: “Мы будем жить по-старому”»¹⁸. Эта фраза характеризует все семейство: Шанхай уже ушел вперед, но они решили «жить по-старому».

Гонконгская усадьба госпожи Лян в повести «Опилки райского дерева» представляет собой смесь европейского и китайского стилей. Снаружи по форме архитектуры она похожа на «модерновый кинотеатр»: в галерее выстроены «ряд высоких колонн высотой в два-три *чжэна* из белого камня в стиле ранних построек на юге США», но крыша покрыта глазурованной черепицей, имитирующей древность. Внутреннее убранство представляется еще более интересно: «Внутренняя планировка выполнена на западный манер, но есть несколько предметов китайской мебелировки, которые удовле-

творят вкус и эстетов, и профанов. На печке выставлены табакерка из жадеита и статуэтка богини Милосердия Гуаньинь, софа окружена бамбуковой ширмой. Но эти предметы в восточном стиле находятся здесь только ради иностранных друзей»¹⁹. Усадьба Гонконга выполнена на западный манер, присутствуют лишь несколько элементов, которые принято считать исконно китайскими. Но это только внешняя часть. Внутри дома есть личная комната хозяйки, там действительно сохранился истинно китайский стиль: «Маленький кабинет, в котором все было обставлено в старом китайском стиле: побеленные стены, на полу линолеум темно-лазурного цвета, позолоченный письменный стол, алая обивка кресла из тонкого шелка, шторы из той же ткани. Такой тонкий узорчатый шелк с ароматом глубокой древности Вэйлун, дитя этой эпохи, кроме как на лицевой стороне одеяла, нигде не видела. На полу стояла жертвенная чаша, сделанная по технике клуазоне, высотой в два *чи*»²⁰. Хозяйка была из Шанхая, поэтому она и постаралась воссоздать во внутренних покоях старый китайский стиль, который сохранился в шанхайских усадьбах, описываемых в этих произведениях.

Мы видим, что в произведениях Чжан Айлин в шанхайских домах сохраняется традиционный китайский стиль, а гонконгские усадьбы следуют модным западным веяниям. В начале XX века происходят значительные социальные изменения, они находят отражение в новых законах, изменивших положение женщин: запрещается бинтование ступней, женщины получают право на образование, на развод, на распоряжение своей жизнью. Общественное сознание, традиционное отношение к женщинам не могло поменяться в одночасье, поэтому в обществе по-прежнему длительное время продолжают сосуществовать современные взгляды, которые были выражены в законах о правах женщин, и взгляды традиционного общества, которое не дает этим «писаным» законам воплотиться. Как замечает один из героев произведения «Любовь, разрушающая города», «законы, они каждый день меняются, а правила приличия важнее»²¹. Законы — законами, но общество по-прежнему соблюдает традиции. Несмотря на принятие в 30-х годах нескольких прогрессивных законов, традиционные взгляды на женщин по-прежнему были сильны. Сама писательница испытала их неправомерное давление на себе: полгода отец держал ее под замком, тем самым нарушая ее право на образование, хотя после Синьхайской революции было объявлено, что женщина может сама решать свою судьбу. Такие противоречия, сосуществующие в обществе, нашли отражения в произведениях Чжан Айлин.

Мы будем рассматривать элементы традиционного и современного общества вместе, потому что часто в одном и том же феномене присутствуют как элементы старого, так и элементы нового. Под традиционным обществом мы, прежде всего, подразумеваем общество неравенства между мужчинами и женщинами, это общество до движения за освобождение женщин (*funü jiefang*), о котором пишет Ю.А.Куприянова²². Современное общество — общество после освобождения женщин, когда они получили право на образование, свободный выбор супруга, право распоряжаться своей жизнью. Кроме того, современное общество — это городское общество, поэтому также будут рассмотрены элементы, характерные для современного города, описанные социологами-урбанистами как показатели современного общества.

Рассмотрим ситуацию госпожи Лян, тетки Вэйлун в повести «Опилки райского дерева. Первый аромат»: она родилась в Шанхае, братья ей подыскали жениха, но она отвергла его и самовольно вышла замуж за крупного коммерсанта из Гонконга, а точнее стала, его наложницей, за что была «исключена» из семьи, члены семьи прервали с ней любую связь, даже не обменивались поздравлениями и соблазнами. Реакция шанхайской семьи на проявление женщиной своей воли — неприятие. Хотя женщины XX века и получили право самостоятельно определять свою судьбу, право самим выбирать мужа, это право нарушается, и семья всячески препятствует свободному выбору девушки.

Госпожа Лян, хоть и является уроженкой Шанхая, живет в Гонконге, ведет активную светскую жизнь, устраивает вечерние приемы и заигрывает с мужчинами. Ее образ раскрепощенной, своенравной женщины никак не вписывается в парадигму традиционных представлений о том, какой должна быть китаянка.

Институт семьи претерпевает изменения: прежний обычай, когда наложницы и жена были членами одной семьи, уходил в прошлое, но институт наложниц не искоренен до конца, по-прежнему у мужчин есть вторые-третьи-четвертые жены или любовницы²³. Например, в произведении «Опилки райского дерева» тетка Вэйлун была четвертой женой. В тексте сказано, что она жила в отдельном доме: *zuo di si fang yitaitai* — стала четвертой наложницей (буквально: «хозяйкой четвертого дома»). Многоженство — элемент традиционного общества. Но то, что она жила в отдельном доме, отражает начавшиеся в обществе изменения.

Главная героиня повести «Опилки райского дерева. Первый аромат» Вэйлун, на первый взгляд, кажется образцом современной девушки: получает образование, взяла на себя инициативу разрешить финансовые трудности, связанные с продолжением ее обучения. На ее примере мы видим, что образование для девочек доступно: Вэйлун учится в старшей школе в Гонконге, собирается поступать в университет, как и ее подруга. Однако мы натываемся на замечание служанки, которое выявляет противоречия: «...выпустишься, и что дальше? Ты только среднюю школу окончишь, в Гонконге только один университет, а его выпускники и те не могут найти работу. Работа-то есть! За 50–60 юаней в месяц преподавать в младшей школе при монастыре, где все пропитано атмосферой иностранного монашества. Это совершенно того не стоит!»²⁴ Право на образование девушкам предоставили, но рабочие места, где пригодилось бы их образование, для них еще недоступны. Кроме того, взгляды многих девушек остаются традиционны. Подруга Вэйлун, хотя и имеет доступ к образованию, мыслит по-прежнему в рамках традиционного Китая: если найти подходящего мужчину, то все в жизни разрешится.

Теперь обратимся к ситуации главной героини романа «Любовь, разрушающая города» Люсу: она развелась с мужем, вернулась в свой отчий дом в Шанхае; когда приходит весть о том, что ее бывший муж умер, члены семьи настаивают на том, чтобы она вернулась и исполнила обряд жены. Здесь мы снова наблюдаем приверженность традициям шанхайской семьи. Женщины получили право разводиться, но на них по-прежнему давят, настаивают на том, что традиционные обряды важнее каких-либо законов.

Люсу признается, что нигде не училась, да и к физическому труду не приучена. Она и хотела бы найти какое-то дело, стать независимой, содержать себя, но семья давит на нее: «Следует не дело искать, а человека». То есть ей предлагают искать выгодную партию для замужества. Здесь мы видим противопоставление взглядов китаянки, которая и хотела бы эмансипироваться и жить независимо, но в силу недостаточности ресурсов не может, и взглядов традиционной семьи, которая видит лучшим вариантом для девушки только удачное замужество.

Таким образом, мы видим, что главные героини обоих произведений родом из Шанхая, из больших семей, соблюдающих традиционные ценности. Семья тетки Вэйлун не принимает ее выбор. Семья Люсу не одобряет ее развод, заставляет ее соблюдать обряд по смерти мужа, члены семьи стремятся поскорее выдать дочерей замуж, не принимают западных веяний (например, танцев). А Гонконгское общество представляется как общество более современное, раскрепощенное. В Гонконге тетка Вэйлун, которую в определенной степени можно назвать представительницей современного общества, ведет свою деятельность. Она представляется свободной, своенравной женщиной, ее образ совершенно не соответствует тому, какой должна быть китаянка в традиционном понимании: скромной, покорной. Тетка Лян сама распоряжается своей судьбой, самовольно выходит замуж без разрешения семьи, ведет светскую жизнь, влия-

тельна, имеет много поклонников (или даже любовников). Такое поведение неприемлемо в традиционном обществе.

Теперь рассмотрим элементы городских обществ, которые были описаны социологами-урбанистами.

В произведении «Опилки райского дерева. Первый аромат» Вэйлун приходит к своей тетке, сестре отца, просить помощи: родители Вэйлун вынуждены уехать из Гонконга, так как у них не осталось средств для того, чтобы жить там. А Вэйлун остался всего год, чтобы закончить школу, но для этого нужны средства для оплаты учебы, которых у нее нет. Поэтому она обращается к родственнице в надежде на помощь. Но тетка Вэйлун, госпожа Лян, руководствуется вовсе не родственными чувствами, а холодным расчетом: она думает, насколько ей выгодно брать на содержание девушку. В этой ситуации находит отражение феномен, описанный Зиммелем: жителям больших городов «свойственно конкретное деловое отношение к людям и вещам, при котором нередко формальная справедливость сочетается с беспощадной жестокостью»²⁵. Обратимся к воспоминаниям из детства героини «Любовь, разрушающая города» Люсу: «Она стояла одна на тротуаре, вытаращив глазенки. На нее тоже все таращились, целое море незнакомых глаз смотрело на нее через мокрые стекла машин, отгородившись от нее стеклянным колпаком. Каждый укрылся в своем собственном маленьком мирке, и даже если бы она разбила голову, то все равно ей не удалось бы до них достучаться. Она словно была во власти кошмара...»²⁶.

В этом отрывке описывается ощущение одиночества в толпе. Тема одиночества часто поднимается социологами-урбанистами. Так, например, Вирт объясняет причины возникновения чувства одиночества в городе: «Частый и тесный физический контакт в сочетании с огромной социальной дистанцией повышает скрытность в отношениях между ничем не связанными индивидами и, не компенсируясь другими возможностями проявления взаимной отзывчивости, рождает одиночество»²⁷. Возникающее чувство одиночества у героини романа «Любовь, разрушающая города» — частое явление в городах, обусловленное увеличением вторичных контактов, которые не влекут за собой более глубоких связей. Это явление невозможно в деревне, одиночество — проблема города, и, соответственно, рассматривается как проблема современного общества.

В произведениях Чжан Айлин «Опилки райского дерева. Первый аромат» и «Любовь, разрушающая города», мы видим, что признаки крупных городов присущи и Гонконгу, и Шанхаю: развитая транспортная система, обилие «третьих мест», проблемы, свойственные только мегаполисам, как-то: одиночество и холодная рассудочность. Но общество Шанхая, которое Чжан Айлин показывает нам через призму двух семей, еще придерживается старых взглядов. Их обстановка в доме, их отношение к современным развлечениям, их взгляды на то, как должна поступать женщина — во всем этом видно отвержение нового, следование традиции. Шанхайская усадьба сохраняет дух старого Китая, как и сами жители этой усадьбы, придерживающиеся традиционных взглядов. Время в этих домах как будто остановилось, и они все еще живут в прошлом.

1. *Лу Синь*. Цзинпай хэ хайпай: [Пекинский стиль и шанхайский стиль]. URL: <https://www.99lib.net/article/3374.htm>.
2. *Семенов М.В.* «Шанхайский стиль» в современной литературе Китая. // Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 1 / редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2013.
3. *Чжан Айлин*. Даоди ши шанхай жэнь [Всё-таки шанхаец]. URL: <http://www.millionbook.com/mj/z/zhangailing/zalj/002.htm>. Пер. А.Д. Костроминой.
4. Там же.

5. *Чжан Айлин*. Любовь, разрушающая города / пер. с кит. О.П. Родионовой // Пограничный городок. Китайская проза XX века / сост. А. А. Родионов. СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ; КАРО, 2012. С. 193–239.
6. *Линь Хайинь*, *Чжан Айлин*. Шедевры китайской женской прозы середины XX века / пер. с китайского. М.: ИВЛ, 2018.
7. *Чжан Айлин*. Чэньсянсе ди и лусян: [Опилки райского дерева. Первый аромат]. URL: <http://www.millionbook.com/mj/z/zhangailing/000/013.htm>. Перевод А.Д. Костроминой.
8. *Чжан Айлин*. Любовь, разрушающая города... С. 210.
9. Там же. С. 230.
10. *Иванов П.М.* Гонконг: История и современность. М.: Наука Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 75–76.
11. *Чжан Айлин*. Чэньсянсе ди и лусян [Опилки райского дерева. Первый аромат]...
12. Там же.
13. *Чжан Айлин*. Любовь, разрушающая города... С. 207.
14. Там же. С. 202.
15. *Бурдые П.* Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шмагко. СПб.: Алетейя, 2001. С. 221–231.
16. *Чжан Айлин*. Любовь, разрушающая города... С. 202.
17. Там же.
18. Там же. С. 195.
19. *Чжан Айлин*. Чэньсянсе ди и лусян: [Опилки райского дерева. Первый аромат]...
20. Там же.
21. *Чжан Айлин*. Любовь, разрушающая города... С. 196.
22. *Куприянова Ю.А.* Шанхайские женщины в первой половине XX в.: от “тройной покорности” к равноправию в браке. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. Москва, 2014. № 6. С. 43–53.
23. Там же.
24. *Чжан Айлин*. Чэньсянсе ди и лусян: [Опилки райского дерева. Первый аромат]...
25. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4 (34).
26. *Чжан Айлин*. Любовь, разрушающая города... С. 200.
27. *Вирт Л.* Избранные работы по социологии: сборник переводов. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 110.

L. Stezhenskaya, A. Kostromina. Images of Hong Kong and Shanghai in the works of Zhang Ailing

The article analyses the image of Hong Kong and Shanghai in the works of a Chinese writer of the XX century Zhang Ailing. Hong Kong and Shanghai appear to be large modern cities with a developed transport system, an abundance of “third spaces” and problems peculiar only to large cities, such as loneliness and the domination of the intellect. But the societies of these cities are depicted in two different ways: Shanghai citizens are represented as supporters of traditional views, while Hong Kong citizens are portrayed as representatives of modern society.

Keywords: Zhang Ailing, Chinese literature, Chinese literature of XX century, Shanghai style, haipai, Shanghai literature.

Религия

Перевод слова «Бог» на китайский язык в православной традиции: лингвистический подход

© 2020

Т.В. Ивченко, Л.С. Холкина

В статье анализируются существующие варианты перевода слова «Бог» на китайский язык (*тяньчжу*, *шэнь* и *шанди*) с точки зрения этимологии, значения в современном языке, морфологических особенностей, частотности и сочетаемости, а также с учетом конфессиональной специфики. Обзор этимологии слова «Бог» показывает, историческая связь с язычеством является для него обычной и не влияет на современное употребление. *Тяньчжу* ассоциируется исключительно с католической традицией и потому для использования в Православной Церкви не приемлем. *Шэнь* тяготеет к употреблению в составе сложных слов и обладает богатой полисемией, также оказываясь неподходящим вариантом. Таким образом, основываясь на сложившейся традиции и на результатах всех этапов проведенного нами лингвистического исследования наиболее целесообразным с языковой точки зрения выбором для перевода слова «Бог» в православной традиции является *шанди*.

Ключевые слова: Бог, китайский язык, перевод, шанди, шэнь, тяньчжу

DOI: 10.31857/S013128120008846-1

Переводы христианских текстов на китайский язык ведутся не одно столетие, но единого мнения в отношении перевода слова “Бог” так и не сложилось. В использующихся современными китайскими христианами переводах сосуществуют три основных варианта — *шанди*, *шэнь* и *тяньчжу*. Каждая из трех основных христианских конфессий (православие, католичество, протестантизм) тяготеет к использованию того или иного варианта.

В католической традиции указом Папы Римского Климента IX от 1704 г. было закреплено использование термина *тяньчжу* (букв. ‘Небесный Владыка’) и с тех пор во всех богослужебных и других религиозных текстах используется именно этот вариант. Само слово «католичество» по-китайски звучит как *тяньчжуцзяо* (букв. ‘учение о Небесном Владыке’). Протестанты этот вариант перевода слова «Бог» никогда не использовали.

Ивченко Тарас Викторович, Ph.D., РГГУ, Институт лингвистики, директор Отделения восточных языков и культур. E-mail: tarasivchenko@yandex.ru.

Холкина Лилия Сергеевна, кандидат философских наук, Ph.D., РГГУ, Институт лингвистики, старший научный сотрудник Отделения восточных языков и культур. E-mail: kholkina.liliya@yandex.ru.

Вариант *тяньчжю* использовался и в первом православном переводе Нового Завета на китайский язык, выполненном под руководством начальника 14-ой Российской Духовной Миссии в Китае архимандрита Гурия (Карпова) в 1864 г. Однако в последующем переводе Нового Завета, выполненном в 1910 г. переводческой комиссией во главе с начальником 18-ой Российской Духовной Миссии в Китае епископом Иннокентием (Фигуровским), был использован термин *шанди*, и с тех пор слово *тяньчжю* больше не использовалось. В современном православном дискурсе оно также не встречается¹. Основной нормативный «Словарь современного китайского языка» предлагает для *тяньчжю* единственное значение «Божество (*шэнь*), которому поклоняются католики, считают создателем и правителем мироздания и всего сущего».

Таким образом, термин *тяньчжю* в современном китайском языке имеет четкую профессиональную привязку и неприменим для использования в православных текстах.

В разных протестантских переводах используются два термина — *шэнь* и *шанди*, причем первый вариант значительно более частотен в самом Китае, а второй употребляется среди китайцев, живущих за границей². При этом внутри каждой отдельной общины выбирается один из вариантов, параллельное использование двух терминов для перевода слова «Бог» не практикуется.

В православной традиции уже более ста лет используется вариант *шанди*. Он применялся в переводах Писания и богослужебных текстов в Российской Духовной Миссии в Китае в первой трети XX в. Он используется и в современных переводах миссионерской и богословской литературы, выполняемых в Гонконге Православным братством святых апостолов Петра и Павла (издательство China Orthodox Press), а также в качестве единственного варианта перевода предлагается в современном «Словаре православной лексики» под ред. М. В. Румянцевой (2008)³.

Несмотря на то, что использование перевода *шанди* в православной традиции можно считать устоявшимся, в последнее время в связи с инициативами по переводу Нового Завета православной традиции на современный китайский язык возникла волна обсуждений относительно уместности этого термина.

Один из аргументов в пользу отказа от использования термина связан с возможной ассоциацией слова *шанди* с культом предков и языческими верованиями Древнего Китая, а также с многозначностью компонента *ди*, который используется для обозначения божеств-владык неба (*у ди*) и императора⁴. В качестве альтернативы предлагается слово *шэнь*, поэтому далее внимание в статье будет сосредоточено именно на сравнении этих двух терминов. Мы поместим вопрос перевода слова «Бог» в широкой контекст, включающий в себя анализ переводов этого слова в мировой традиции, а также описание языковой ситуации в Китае, а затем предложим лексикологический анализ соответствующих терминов.

1. Перевод слова «Бог» и языковая ситуация в Китае

Перевод Священного Писания вводит большое количество фактов, концептов и понятий, с которыми китайская культура не была знакома, и представляет новый тип дискурса и нарратива, неизвестные до этого китайской письменной традиции. Это требует от переводчиков использования лексических и синтаксических инноваций. При этом для ключевых концептов и слов возможно использование лексических единиц, уже имеющихся в данном языке. Предпочтительно сначала пытаться использовать ресурсы самого языка, а лишь затем прибегать к инновациям или заимствованиям, так как введение большого количества неологизмов существенно усложняет понимание текстов с точки зрения лингвистической точки зрения. В случае с переводом христианских текстов это на-

кладывается на необходимость усваивать принципиально новые идеи, поэтому избегать неологизмов становится еще важнее.

Такая стратегия перевода была использована во многих других языках. Например, латинское *deus* восходит к протоиндоевропейскому **dei-u-o-* ‘бог, божество (бог чистого неба)’, то есть к одному из божеств языческого пантеона⁵. Греческое *θεός* также обозначало божества языческого пантеона, причем как женского, так и мужского пола. Происхождение слова «Бог» в германских языках (*God* (англ.), *Gott* (немецк.), *god* (фризский, датский), *guf*, *gudis* (готск.)) до конца неясно. Некоторые исследователи возводят эту лексему к причастной форме **ǵhu-tó-m* (пассивное причастие совершенного вида) от корня **ǵlheu-* ‘проливать’, другие — к индоевропейскому корню **ǵhau(ə)* ‘звать, призывать’⁶. Согласно базе данных «Вавилонская башня» (<http://starling.rinet.ru>), в германских языках это слово также восходит к **tī(g)wa-z* ‘божество’. В славянских языках слово «Бог» происходит от праславянского корня со значением ‘дающий, одевающий господин; доля, счастье, богатство’⁷, родственного древнеиндийскому *bhaga* ‘господин’ и древнеперсидскому *bagā* ‘господин, бог’⁸. Во всех перечисленных выше языках имело место не заимствование или конструирование нового слова, а использование исконной лексики, которой было придано христианское значение, а первичное, часто связанное с языческими культами, впоследствии отошло на второй план. Мы не видим оснований полагать, что в случае с китайским языком следует руководствоваться иными принципами.

Кроме того, для традиционной китайской философии взаимное заимствование терминологии и понятий разных школ было характерно: почти все философские школы использовали терминологию друг друга. Буддизм, придя в Китай, также приспособил для своих нужд некоторые термины и понятия традиционной китайской философии. С этой точки зрения использование традиционной китайской философской-религиозной терминологии в христианстве не противоречит китайской традиции.

Необходимо также учитывать такой фактор, как сформированность литературной традиции. Самый популярный на сегодняшний день перевод Библии появился в 1919 г. (протестантский перевод *хэцэбэнь*). Именно он, как считается, оказал самое значительное влияние на традицию передачи христианского учения на китайском языке⁹. В том же году в Китае развернулось массовое антиимпериалистическое «движение 4-го мая», одним из важных требований которого был переход на разговорный язык *байхуа* на письме, и вышла посвященная этому вопросу статья Ху Ши¹⁰. В то время литературный язык на основе разговорного только начинал формироваться, поэтому не имел четких грамматических стандартов и устоявшейся терминологии.

С тех пор на китайский язык было переведено множество философских сочинений различной направленности, научных трудов и произведений западной литературы (включая русскую и советскую), в которых очень часто поднимаются мировоззренческие вопросы и вопросы веры. За прошедшие сто лет эти переводы сформировали систему терминов христианской доктрины, которую нужно учитывать при работе с переводами на китайский язык¹¹.

Отдельно стоит проанализировать опасения относительно использования лексики *шанди* как перевода для слова «Бог», связанные с тем, что *шанди* отсылает к императору или верховному божеству в исконно китайской традиции и использование этого варианта вносит нежелательную неоднозначность.

Несмотря на то, что в надписях на гадательных костях и бронзовых сосудах, в «Книге истории» («Шан шу») и в гимнах «Книги Песен» («Ши цзин») многократно упоминаются такие термины, как *ди*, *тяньди* и *шанди*, но указывают они либо на правителя, либо на мифических предков китайцев Хуанди и Яньди (китайцы называют себя

«Янь Хуан цысунь» — потомки Яня и Хуана). Известный комментатор танского времени Кун Инда (574–648) дает такое пояснение к лексеме *шанди*, встречающейся в одном из стихов «Книги песен»: «Ван чэн тянь чэн ди, *Ши* чжи тун и», т.е. «Правителя (*ван*) называют «небом» (*тянь*), называют «императором» (*ди*); в «Книге песен» это слово везде встречается в этом значении».

Другое значение лексемы *шанди* в древних текстах — верховное божество (небесный правитель *тяньди*), обладавшее неограниченной силой. *Шанди* управлял природой и людьми, карал и миловал, насылал наводнения и засухи. Сунский конфуцианец Чэн И (1033–1107) говорил об окружающем мире и изначально *ци* (*юань ци*) как теле верховного правителя *шанди*.

До проникновения христианства в Китай *шанди* никогда не рассматривался как Создатель или Творец, китайская культура вообще была чужда идее персонифицированного Творца. Еще католический миссионер Никколо Лонгобардо (1559–1654) отмечал, что китайцы рассматривают *шанди* «не как личностного уникального всемогущего Бога-Творца, но скорее как анонимную оживляющую силу вселенной»¹².

Итак, изначально значение термина *шанди* отличается от христианского, и при этом в современном языке, как будет показано ниже, практически не встречается. Таким образом, представление о том, что термин *шанди* будет вносить двусмысленность в переводы христианских текстов, является необоснованным.

2. Словарные значения лексем *шанди* и *шэнь* в контексте перевода

В число главных факторов, влияющих на любой перевод, входят его цель и предполагаемая аудитория. Слово «Бог» предполагается к использованию в любого рода текстах православной тематики, так что цели перевода в данном случае предельно широкие — литургическое служение, просвещение и др. В аудиторию при этом будут входить как люди, являющиеся членами Православной Церкви, или христиане других конфессий, так и широкие круги читателей, далеких от православия.

При выборе варианта перевода следует учитывать уже сложившуюся внутриконтрессиональную традицию, которая может отличаться от общекультурной. К внутриконтрессиональным относятся аргументы, не связанные с научным анализом фактов, такие, как привычка, традиция, субъективно более легкое восприятие, эвфоничность и т. д. Лучшим способом определить уже сложившуюся специфику употребления в общине обычно является социологический опрос.

Вместе с тем поскольку тексты предназначены не только для китайцев-христиан, но и в целом для интересующихся китайцев с должным уровнем образования, при выборе того или иного варианта перевода необходимо учитывать специфику значения и употребления этих терминов в современном языке. Это является предметом лингвистического исследования, на котором и сосредоточена статья. Далее мы предложим лексикографическое описание лексем *шэнь* и *шанди* и корпусной анализ их употребления.

Рассмотрим толкования, которые предлагает для лексем *шанди* и *шэнь* основной нормативный «Словарь современного китайского языка», и результаты поиска в популярной китайской поисковой системе «Байду» (www.baidu.com).

Приведем переводы упомянутых словарных статей. Для *шанди* «Словарь современного китайского языка» дает два значения:

1) В Древнем Китае указывает на божество (*шэнь*) на небесах, управляющее всем сущим;

2) Божество (*шэнь*), которому поклоняются в христианстве, считая создателем и правителем мироздания и всего сущего.

Лексема же *шэнь* является очень многозначной, но ни в одном своем значении она не отсылает непосредственно к христианству:

1) (сущ.) в религии указывает на создателя и правителя неба, земли и всего сущего, суеверные люди так называют бессмертных (мудрейших) или души умерших людей выдающихся способностей или добродетелей:

шэньвэй ‘дощечка с именем усопшего предка’; *цайшэнь* ‘божество богатства’; *дошэньцзяо* ‘многобожие’; *ушэньлунь* ‘атеизм’;

2) (сущ.) мифический персонаж, обладающий сверхъестественными способностями: *ляо ши жу шэнь* ‘необычайно точно (правильно) предвидеть’ (букв. ‘предвидеть события подобно мифическому персонажу’); *юн бин жу шэнь* ‘очень умело командовать войсками’ (букв. ‘использовать войска подобно мифическому персонажу’);

3) (прил.) особо выдающийся или удивительный; изумительный, сверхъестественный; чудесный, поразительный:

шэньсу ‘молниеносно’; *шэньсяо* ‘чудесный эффект’; *чжэ ши юэ шо юэ шэнь лэ* ‘Это дело чем дальше, тем удивительнее’.

4) (сущ.) душевные (моральные) силы:

ниншэнь ‘сосредоточиться’; *фэйшэнь* ‘побеспокоиться; потрудиться’; *цзюйцзин хуэйшэнь* ‘отдаться целиком одному делу’; *шуанму цзюнцзюн юшэнь* ‘глаза горят водухушением’;

5) (сущ.) внешний вид, наружность:

шэньсэ ‘выражение лица’; *шэньцин* ‘самочувствие’; *Цяо та нагэ шэньр, чжунь ши ю шэммо синьшир* ‘Посмотри-ка на его вид, у него точно что-то на сердце’.

6) (прил.) (диал.) умный, сообразительный:

Цяо! Чжэ хайцзы чжэнь шэнь ‘Смотри-ка! Какой сообразительный ребенок!’

7) Фамильный знак

Можно видеть, что слово *шэнь* весьма многозначно. Многие его значения даже имеют разные частеречные пометы.

Такая многозначность нежелательна, когда речь идет о введении нового концепта. Например, крайне неудачным представляется перевод первого стиха первой главы Евангелия от Иоанна («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог») на китайский язык, предлагаемый в протестантском переводе Нового Завета *хэхэбэнь*: *Тайчу ю дао, дао юй шэнь тун цзай, дао цзю ши шэнь* (В начале было *дао*, и *дао* было у *шэня*, и *дао* было *шэнь*). Здесь перевод не вполне понятен с точки зрения самого китайского языка, так как устанавливает отношения эквивалентности между двумя понятиями (концептами), плохо соотносимыми в китайской традиции друг с другом и крайне многозначными. В результате значение этого стиха для современного китайца оказывается размытым, тем более, что термин *дао* и в современном Китае связан с даосской доктриной, философией и традицией (ср., например, попытку провести сравнение между концептами Дао в китайской традиции и Логос в западной и христианской традициях в работе Чжан Лунси¹³).

Словарные данные не обязательно отражают актуальную картину словоупотребления, поэтому мы также рассмотрим, как интересующие нас лексемы используются в современных поисковых системах. Такой метод не претендует на полную объективность, но, тем не менее, позволяет оценить частотность тех или иных ассоциаций, поскольку поисковые системы строятся на статистических данных и более значимые результаты выдаются первыми.

При поиске картинок по ключевому слову *шанди* в основной китайской поисковой системе «Байду» основное множество картинок, связанных с этим словом, отражает идею христианского Бога. Изображение первопредка Шанди (первое значение по слова-

рю) появляются только около 50-й картинке. Можно сделать вывод, что это значение является редкоупотребительным, а словарный порядок следования значений в данном случае отражает национальное самосознание, которое не позволяет поставить на первое место «иностранное» значение.

При поиске на ключевое слово *шэнь* в «Байду» выдается большое количество разнообразных сверхъестественных существ и мифических персонажей и некоторое количество местных божеств и духов, идея же христианского Бога оказывается представлена очень слабо (одно изображение из первых 50 отображаемых). Таким образом, это слово очень слабо ассоциировано с понятием христианского Бога и по своему значению ближе к термину «бог» с маленькой буквы (бог, божества, удивительный, магический, духовный (в противоположность материальному)). С этой точки зрения самостоятельное употребление *шэнь* как эквивалента термина «Бог» с большой буквы представляется лингвистически менее обоснованным, чем сохранение варианта *шанди*.

3. Морфологический статус *шанди* и *шэнь*

При анализе этих лексем отдельное внимание необходимо обратить на их морфологический статус. При употреблении в качестве самостоятельной лексемы в современном китайском языке предпочтительным является двусложное слово, особенно если оно сочетается в качестве подлежащего или дополнения с двусложным глаголом. Односложные же лексемы активнее используются в словообразовании¹⁴.

Действительно, как видно из приведенных выше примеров, *шэнь* является очень продуктивной словообразовательной морфемой. Самостоятельно она употребляется редко: не говорят *шэнь чжидо* ‘Бог знает’, скорее, скажут *тянь чжидо* ‘Небо знает’ (тоже с односложной лексемой, но это исключение, так как слово «небо» относится к базовой лексике) или *шанди чжидо* ‘Бог знает’.

Корпусные данные подтверждают эти наблюдения. Мы использовали корпус ZhTentent из коллекции Sketch Engine (www.sketchengine.co.uk) — вероятно, самый большой из существующих корпусов китайского языка, который включает в себя 2,1 млрд иероглифов (1,7 млрд слов). Большой объем корпуса обеспечивает представительность выборки и делает его удобным для подсчета статистики и изучения сочетаемости.

Согласно корпусным данным, *шанди* используется как независимая лексема, а *шэнь* тяготеет к использованию в составе сложных слов и устойчивых выражений (около 81% всех вхождений). При этом на уровне словообразования его многозначность также проявляется. Наиболее частотными сочетаниями в значениях ‘дух, божество’ являются: *хуфаишэнь* ‘дхармапала (божество, охраняющее дхармы)’, *цайшэнь* ‘бог богатства’, *дишэнь* ‘дух земли’.

В значениях ‘выдающийся, превосходящий воображение, волшебный’ частотны *шэньтань* ‘гениальный детектив’, *шэньцзянь* ‘волшебный меч’, *шэньбянь* ‘непостижимое изменение’.

Благодаря этим двум значениям *шэнь* часто используется в названиях и торговых марках, например, *шутайшэнь* (название фармацевтической компании), *саньлинъишэнь* Mitsubishi Lancer-ex (модель автомобиля), *шэньхуа нинся мэйе цзитуань* (угольный консорциум Шэньхуа Нинся), *шэньсинчжэ* (модель навигатора).

Таким образом, *шэнь* используется в сложных словах из самых разных понятийных сфер, никак не связанных с христианством, и редко употребляется в качестве самостоятельной лексемы*.

4. Анализ сочетаемости лексем *шанди* и *шэнь*

Одним из основных общепризнанных способов исследования значений лексем на сегодняшний день является метод, разработанный в Московской семантической школе. Он предполагает изучение значений через «языковое поведение» лексем, которое проявляется в ограничениях на сочетаемость¹⁵. Этот способ с большим успехом применяется для различения значений близких по смыслу слов через анализ контекстов, где употребление одной из рассматриваемых лексем возможно, а другой — нет.

На современном уровне развития корпусной лингвистики метод анализа значений через изучения сочетаемости получил мощную техническую поддержку. Встроенный корпусный анализатор Sketch Engine позволяет автоматически выделить три группы лексем — те, что сочетаются только с *шэнь* и только с *шанди*, а также сочетающиеся с ними обоими. Мы рассмотрим употребления в позициях подлежащего, прямого и косвенного дополнения, определения, а также сочетаемость с определениями, выраженными прилагательными и существительными. Сочетаемость со счетными словами и в отношениях аппозиции (соположения) мы рассматривать не будем по причине малой информативности. Значительный объем примеров (было рассмотрено около 7000 наиболее релевантных сочетаний, автоматически подобранных корпусным анализатором) позволяет создать сравнительный подкорпус.

Сравнение сочетаемости *шэнь* и *шанди* в очередной раз демонстрирует многозначность лексемы *шэнь*. Из 43 лексем, которые в разных синтаксических позициях сочетаются только с *шэнь*, но не с *шанди* (в общей сложности 4293 примера), к религиозной сфере имеют отношение только шесть сочетаний (341 пример), причем четыре связаны с языческими верованиями (*цзи* ‘приносить жертву (духам, предкам)’, *чунбай* ‘почитать, поклоняться (преобладают сочетания типа *дошэнь чунбай* ‘пантеизм’, *нюйшэнь чунбай* ‘поклонение женским божествам’), *гунфэн* ‘делать приношение, поклоняться’, *цзянлинь* ‘нисходить’ (в сочетаниях типа *сиван синъюнь чжи шэнь цзянлинь цзыцзи шэньшан* ‘надеюсь, на меня снизойдет дух удачи’), и только два — с христианством (*шэнь дэ цзю’энь* ‘спасение (осуществляемое Богом)’ и *ни букэ ю бедэ шэнь* ‘да не будет у тебя других богов’) (13 примеров). Таким образом, в группе лексем, сочетающихся только с *шэнь*, но не с *шанди*, количество примеров, связанных с христианством, составляет всего 0.3% от всех примеров с *шэнь* этой группы.

Сочетания, характерные для *шанди*, а не *шэнь*, почти все связаны с христианством. Из 38 сочетаний 34 связаны с идеей христианского Бога (например *шанди дэ цзыминь* ‘народ Божий’, *шанди дэ чунъэр* ‘возлюбленный Сын Божий’, *жэньцы дэ шанди* ‘милостивый Бог’), и лишь четыре относятся к другим сферам, это даосские *сюаньтянь шанди* ‘владыка северного неба’, *хаотянь шанди* ‘владыка верхнего неба’, *хуантянь*

* В христианской литературе *шэнь* как компонент сложного слова используется для перевода слов с корнем «бог»: «обожение» *шэньхуа*, «божественная природа» *шэньсин* и под. В повседневном языке такие слова имеют другое значение и вызывают ассоциации, не связанные с христианством. При этом из-за морфологической структуры языка, использующей для словообразования одно-сложные компоненты, замена на *шанди* (что внесло бы однозначность) при переводе слов с корнем «бог» проблематична, хотя, как показывает предварительный опрос китайских верующих, иногда возможна (например, *шандихуа* «обожение»). Вопрос о том, как лучше переводить сложные слова с корнем «бог», требует отдельного рассмотрения.

шанди ‘верховный владыка неба’ и цитата из «Книги песен» *хуан и шанди* ‘Вышнего неба державен верховный владыка’ (пер. А. А. Штукина). Общее число таких примеров — 71, что составляет около 3% всех примеров с *шанди* (всего мы рассмотрели 2123). В остальных 97% примеров имеется в виду Единый Бог именно в иудейско-христианском смысле. Таким образом, на данный момент изначальные коннотации, связанные с даосским пантеоном, очень ослаблены: для современного китайца лексема *шанди* отсылает прежде всего к христианскому учению.

Перейдем теперь к характерным для обеих лексем сочетаниям. Таких сочетаний в общей сложности 1275, все они связаны с почитанием божества/Божества. При этом в значительной части случаев для *шэнь* характерны политеистические коннотации, тогда как для *шанди* — всегда монотеистические, в абсолютном большинстве случаев христианские. Для примера рассмотрим сочетания с глаголами “хранить” и “верить”:

(1) Во ицзин фэйчан сяосинь лэ, во цзай синь ли цидаочжэ, **шанди баюю ба!**

Я уже очень осторожен, молюсь в душе, Господи, сохрани!

(2) Ципань: мэи и тянь, синфу чжи шэнь доу пэйбаньчжэ ни; мэи и кэ, **куайлэ чжи шэнь доу баюючжэ ни.**

Желаю: каждый день дух счастья да сопровождает тебя, каждый миг дух радости да хранит тебя!

(3) Во ши и мин цзидуцзяоту, **синьфэн шанди.**

Я христианин, верю в Бога.

(4) Мяо лимянь гунфэнчжэ дайцзужэнь **синьфэн дэ шэнь.**

В храме приносят жертвы богам, в которых верят дайцы.

Кроме того, при том, что в целом в нашей выборке примеров с *шэнь* оказалось более чем в два раза больше, чем примеров с *шанди*, в группе лексем, сочетающихся как с *шэнь*, так и с *шанди* и описывающих почитание божества/Божества, примеров на сочетание с *шанди* обнаруживается почти в полтора раза больше (754 против 521). Это значит, что *шэнь* чаще употребляется в значениях, отличных от интересующего нас.

* * *

Итак, мы рассмотрели конфессиональную специфику переводов слова «Бог» (в христианстве) на китайский язык, проблемы связи переводов с языческой традицией, сделали краткий обзор этимологии слова «Бог» в ряде индоевропейских языков, изучили словарное описание слов *шэнь* и *шанди* и специфику их перевода, морфологические особенности, а также провели корпусное исследование этих слов с точки зрения как общей встречаемости, так и сочетаемости.

Проведенный анализ показал, что историческая связь с язычеством является обычной для переводов слова «Бог» и не влияет на его современное употребление. Мы рассмотрели варианты перевода *тяньчжэ*, *шэнь* и *шанди* и пришли к следующим выводам. *Тяньчжэ* ассоциируется исключительно с католической традицией и потому для использования в Православной Церкви неприемлем. *Шэнь* в силу своей полисемичности, тяготению к употреблению в составе сложных слов и отсутствия связи с православной традицией также оказывается неподходящим вариантом для замены *шанди*. Таким образом, основываясь на сложившейся традиции, равно как и на результатах всех этапов проведенного нами лингвистического исследования — словарном описании, анализе сочетаемости и даже поисковой выборке в Интернете — мы пришли к выводу, что наиболее целесообразным с языковой точки зрения выбором для перевода слова “Бог” в православной традиции является *шанди*.

1. Подробнее см. *Dmitrenko A.* The Chinese Translations of the Gospel of John: From the Orthodox Theological Perspective. Ph.D. thesis. Hong Kong: City University of Hong Kong, 2017.
2. *Ломанов А.* Христианство и китайская культура. М.: Восточная литература, 2002. С. 263.
3. *Румянцева М.* Русско-китайский словарь православной лексики. М.: Восточная книга, 2008.
4. *Рышковский А.* Специфика перевода основных понятий христианского богословия на современный китайский язык. ВКР (ПСТГУ). М., 2015.
5. *de Vaan M.* Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden, Boston: Brill, 2008.
6. *Simpson J.* (ed.). The Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1989.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987.
8. *Расторгуева В. С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. b-d. М.: Восточная литература, 2003.
9. *Kam Wah Mak, G.* Protestant Bible Translation and Mandarin as the National Language of China. Leiden, Boston: Brill, 2016.
10. *Ху Ши.* Цзяньшэ дэ вэньсюэ гэмин лунь: [Рассуждения о создаваемой литературной революции] // Синь цинянь. 1918. Т. 4. № 4.
11. См., например, *Ван Бэньчао.* Чжунго сяндай вэньсюэ дэ шэнцзин цзыюань (и юйянь вэньти вэй ли): [Библейские истоки современной китайской литературы (на примере литературных стилей)] // Цзяньхай сюэкань (Jianghai academic journal). 2003. № 5. С. 183–187; *Чжан Яньхуа.* Ши лунь чжунго сяндай вэньсюэ фашэнци дэ саньвэнь юйянь: [Язык прозы в период возникновения современной китайской литературы] // Вэньсюэ пинлунь. 2009. № 5; *Chen Ping.* Modern Chinese: History and Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
12. *Ломанов А.* Цит. соч. С. 175.
13. *Zhang Longxi.* The Tao and the Logos: Literary Hermeneutics, East and West. Durham: Duke University Press, 1992.
14. *Семенов А. Л.* Лексикология современного китайского языка. М.: Наука, 1992.
15. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995.

T. Ivchenko, L. Kholkina. Translation of the Word “God” into Chinese in the Orthodox Tradition: Linguistic Approach

The article analyzes the existing translations of the word “God” into Chinese (*Tianzhu*, *Shen* and *Shangdi*) from the viewpoint of etymology, meaning in the modern language, morphological features, frequency and compatibility, as well as confessional specificity. A review of the etymology of the word “God” shows that the historical connection with paganism is usual for this word and does not affect modern usage. *Tianzhu* is associated exclusively with the Catholic tradition and therefore is unacceptable for use in the Orthodox Church. *Shen* tends to be used as part of complex words and is very rich in polysemy, turning out to be an inappropriate option. Thus, based on the established tradition and on all the linguistic arguments, the most appropriate option for translating the word “God” in the Orthodox tradition is *Shandi*.

Key words: God, Chinese language, translation, *shàngdì*, *shén*, *tiānzhǔ*.

Научная жизнь

VII международная научная конференция молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее и будущее»

28–29 ноября 2019 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась VII международная научная конференция молодых востоковедов на тему «Восточная Азия: прошлое, настоящее и будущее». Организатором ежегодного мероприятия выступил Совет молодых ученых ИДВ РАН. С приветственным словом к участникам конференции обратился директор ИДВ РАН, доктор исторических наук, профессор **Лузянин С.Г.**, который отметил, что происходит смена модели глобализации, и у различных региональных игроков в Восточной Азии существуют свои региональные версии и проекты. Их изучение на фоне нарастающего американо-китайского противостояния делает тематику представленных докладов особенно актуальной. К участникам конференции также обратилась первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы **Куликова Г.В.**, недавно награжденная Орденом дружбы — высшей государственной наградой КНР, вручаемой иностранным гражданам.

В работе конференции приняли участие более 80 молодых ученых и магистрантов, представляющих различные академические и учебные институты, а также государственные учреждения, коммерческие и некоммерческие организации. На форум приехали молодые востоковеды из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Иркутска, Перми, Хабаровска, Владивостока, а также Казахстана, Китая и Польши. Был заслушан и обсужден более 40 докладов, посвященных актуальным вопросам сотрудничества в Восточной Азии и проблемам развития государств региона.

В рамках заседания *секции «Политика»* было обсуждено 16 докладов, большая часть которых вызвала интерес и живую дискуссию, показав, что затронутые темы актуальны для молодых востоковедов.

Доклад **Мокрецкого А.Ч.** (ИДВ РАН), который традиционно открывает выступления участников, был посвящен дипломатии «новых возможностей» Китая. Автор проанализировал современную китайскую дипломатию через призму термина «новая эпоха», раскрыв три ее составные части — всевекторность, многослойность и объемность. Кроме того, был выделен новый фактор — фактор цикличности в передаваемой тональности китайских идей на уровне пропаганды. Автор пришел к выводу, что такая цикличность связана с новыми вызовами и возможностями, с которыми сталкивается Пекин как на международной арене, так и внутри собственного государства.

Позиция Китая по вопросам контроля над вооружениями и ядерного нераспространения была представлена в докладе **Степанова А.С.** (Институт США и Канады

РАН). По мнению автора, в основе китайского подхода к ядерному оружию и новым военным технологиям лежит стремление сократить возможные риски, которые несет наличие этих средств у потенциально недружественных государств, которые могут использовать эти возможности против Китая. Автор прогнозирует, что в ближайшей или среднесрочной перспективе Китай не станет присоединяться к форматам ограничения ядерных вооружений, включающих США и/или Россию.

Ряд докладов затрагивал тайваньскую проблематику. В частности, **Волошина А.В.** (ИДВ РАН) посвятила свое выступление тайваньскому вопросу в современных отношениях между Китаем и США. Рассматривая периоды с 2008 по 2016 г. и с 2016 по настоящее время, автор раскрыла, каким образом происходило взаимодействие двух держав по тайваньскому вопросу и какие изменения оно претерпевало. В докладе **Кочешкова Г.А.** (ИСАА МГУ) был сделан акцент на предвыборной кампании 2020 г. на Тайване в контексте ситуации в Тайваньском проливе и американо-китайского конфликта, а также предпринята попытка анализа возможного результата выборов.

В выступлении **Кулинцева Ю.В.** (ИДВ РАН) был представлен анализ внутриполитических вызовов российско-китайскому сотрудничеству на примере протестов в Казахстане в начале сентября 2019 г. Автор полагает, что ввиду схожести российской и казахстанской моделей политического и экономического сотрудничества с Пекином Москва имеет все шансы столкнуться с теми же вызовами, что и Нур-Султан в контексте такого сотрудничества. Результаты исследования показали, что организация четкого диалога между властью и населением, обеспечение прозрачности совместных двусторонних проектов, разъяснение жителям регионов выгод и преимуществ, которые они получают в ходе реализации двусторонних проектов с Китаем, могут помочь снизить вероятность подобных выступлений в России.

Калюга А.А. (ИГУ, Иркутск) в своем выступлении поднял проблему восприятия инициативы «Пояса и пути» в Польше. Докладчик отметил, что инициатива Си Цзиньпина стала важным инструментом в продвижении китайских интересов в Европе. Интерес КНР к Польше обусловлен местоположением страны, которое делает ее важным логистическим узлом китайской инициативы. Для Польши присоединение к мегапроекту — это возможность дифференцировать свои внешнеэкономические связи и стать менее зависимой от политики Брюсселя.

Тема Польши была продолжена в выступлении **Данилевски М.** (Варшавский университет), который рассмотрел вопрос взаимодействия этой европейской страны с КНДР. Автор раскрыл в своем докладе содержание двусторонних отношений в период холодной войны, а также проанализировал современные польско-северокорейские отношения.

Итоги председательства Японии в «Группе двадцати» в 2019 г. были рассмотрены в докладе **Игнатова А.А.** (РАНХиГС). Была дана оценка представленности национальных приоритетов страны-председателя в решениях неформального института глобального управления, проанализировано сохранение преемственности решений предшествующих председательств, а также проведено сравнение согласованности позиций партнеров по институту в текстах итоговых документов, что позволило высоко оценить результаты японского председательства в «Группе двадцати» по всем указанным параметрам.

Доклад **Нелидова В.В.** (МГИМО, ИВ РАН) затронул причины застоя в российско-японских отношениях. Активный политический диалог между Москвой и Токио, особенно интенсифицировавшийся с 2016 г., так и не привел к заключению мирного договора и качественной трансформации отношений двух стран. Автор отметил, что причинами данной ситуации являются несовместимость позиций по вопросу территориального размежевания, а также разница в подходах сторон к ключевым международно-политическим вопросам и слабая степень экономической взаимозависимости. Делается вывод, что, несмотря на первоначальный оптимизм относительно перспектив российско-

японского сближения, потенциал японского направления при «повороте России на Восток» так и не был реализован в полной мере.

Японский вектор был затронут и в докладе **Киреевой А.А.** (МГИМО), которая представила анализ стратегического партнерства Японии и Индии в Индо-Тихоокеанском регионе. Токио и Дели являются стратегическими партнерами, которые разделяют один из ключевых национальных интересов друг друга — не допустить доминирования Пекина на Индо-Тихоокеанском пространстве. При этом автор отметила, что у каждой из стран существует своя Индо-Тихоокеанская стратегия и свое видение региона, которые в большой степени носят комплементарный характер. Кроме того, были проанализированы ограничения Японии и Индии, которые не позволяют странам перейти к более серьезным форматам регионального сотрудничества.

Шуплецова К.В. (Дипломатическая академия МИД РФ) «продолжила» японский блок и остановилась на вызовах безопасности в регионе в контексте ухудшения японо-южнокорейских отношений. По мнению автора, сотрудничество Южной Кореи и Японии, союзников США в Восточной Азии, в военной сфере крайне неразвито. Формат GSOMIA, выход из которого Южная Корея приостановила в последний момент, является единственным военным соглашением между государствами. Геополитическое расположение Кореи также способствует укреплению позиций данного союза. Автор делает вывод, что потенциальная возможность выхода Южной Кореи из соглашения представляет японскому обществу как угроза собственной безопасности.

Особый интерес участников конференции вызвал доклад **Дьячкова И.В.** (МГИМО), посвященный проблеме «комфортанток» в южнокорейско-японских отношениях. Период японской аннексии 1910–1945 гг. в коллективной памяти корейцев запечатлелся как время угнетения и национального унижения, что отразилось на восприятии Японии. В последнее время вопросы исторической памяти превратились из второстепенного конфликтного сюжета южнокорейско-японских отношений в мощный фактор, определяющий всю двустороннюю повестку. В годы президентства Пак Кынхе (2013–2017) Республика Корея стала весьма активно использовать в политике проблему сексуальной эксплуатации корейских женщин в японских полевых борделях в 1930-х — 40-х годах. Автор делает вывод, что вопросы прошлого влияют на общественное мнение, отражаются в политике, определяя высказывания и действия властей.

В докладе **Поленовой А.Л.** (ИДВ РАН) была рассмотрена внешняя политика КНДР в контексте децентрализации системы международных отношений. Автор полагает, что дальнейшее укрепление Пхеньяна и его внешнеполитической линии, продвижение им собственных взглядов на международные отношения, роль в урегулировании глобальных проблем, включая ядерное нераспространение, может в перспективе привести к развитию теоретических представлений о природе мощи, влияния, типологии государств, а в практическом смысле — к противодействию монополии крупных стран, к отказу от урегулирования глобальных проблем кругом одних лишь «великих держав», а также к демократизации мировой политики.

Выступление **Лысенко М.А.** (НИУ ВШЭ) было посвящено анализу нетрадиционных угроз безопасности Социалистической Республики Вьетнам. Автор предложил собственное определение нетрадиционных угроз безопасности, уделив значительное внимание проблеме экологической безопасности СРВ. В исследовании были изучены такие аспекты, как загрязнение воздуха и водных пространств, меры властей СРВ для смягчения их последствий. С позиции угроз безопасности СРВ рассмотрена деятельность правозащитных организаций и рост националистических настроений.

Проблемы институционализации многостороннего сотрудничества по вопросам политики и безопасности в Восточной Азии были подняты в выступлении **Сафроновой И.А.** (НИУ ВШЭ). Автор проанализировала комплекс противоречий, тормозящий трансформацию многостороннего сотрудничества на пути к формированию еди-

ного механизма взаимодействия в регионе в области безопасности. Результаты исследования показали, что экономическая безопасность и продолжение торговой либерализации, поддержанные большинством стран региона в рамках АТЭС и «АСЕАН +», будут способствовать сохранению должного уровня стабильности и обеспечат фундамент, на котором будет основан новый формат сотрудничества по вопросам политики и безопасности в регионе.

На секции «История. Культура и общество» было заслушано 11 докладов. В своем выступлении **Мусинова И.А.** (УГИ УрФУ, Екатеринбург) предприняла попытку проанализировать публикации немецких миссионеров, торговцев и путешественников, повествующие о государстве Чосон в период становления германо-корейских отношений (до 1883 г.), а также выявить образ государства Чосон, представленный в этих исследованиях. В докладе содержалась информация о трудах Филиппа Франца фон Зибольда, Карла Фридриха Августа Гоцлафа, Эрнста Якова Опперта.

Игнатенко А.С. (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток) провела сравнительный анализ международных торговых договоров, заключённых Кореей в период с 70-х годов. XIX до начала XX в. Внешняя торговля Кореи до заключения договоров с иностранными государствами в последней четверти XIX в. ограничивалась незначительным товарообменом с Китаем и Японией. В Корею второй половины XIX в. преобладающий характер натурального производства, отсутствие единой денежной системы, низкая покупательная способность преобладающей части населения, низкая производительность ремесленного производства и т.п. тормозили развитие товарно-денежных отношений. Тем не менее, к началу нового века в стране медленно созревали предпосылки для зарождения и развития капиталистических отношений.

Лушников А.О. (ДВФУ, Владивосток) посвятил доклад описанию процесса эволюции этнической политики японской колониальной администрации на протяжении трех основных этапов колониального периода (1910–1945 гг.) с точки зрения понятий ассимиляции и этноцида, а также причинам подобной политики. Автор указал на то, что неоднозначность оценок колониального периода во многом является причиной напряженности корейско-японских отношений на современном этапе, и для ее преодоления необходимо выработать четкую позицию по всем аспектам, в том числе и по вопросу этнической политики.

Сизова А.А. (НИУ ВШЭ) осветила ключевые свойства и принципы инновационной серии учебно-методических комплектов «Время учить китайский!» в соотношении с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов основного и среднего общего образования и актуальными задачами обучения российских подростков межкультурной коммуникации на китайском языке.

Доклад **Харитоновой А.М.** (СПбГУ) был посвящен обзору материалов двух дневников российского дипломата Г.А. Плансона (1859-?), которые он вел в Маньчжурii в период с 1 января по 2 ноября 1904 г.; в Санкт-Петербурге и Портсмуте в период с 1 января по 4 октября 1905 г. Анализируемые дневники содержат рассуждения Г.А. Плансона о причинах русско-японской войны, о ходе военных действий. «Портсмутский» дневник подробно описывает этап формирования состава делегации в Петербурге на мирную конференцию, ведение переговоров в США, подписание договора и возвращение в Петербург.

В своем выступлении **Яковкин Е.В.** (Колледж олимпийского резерва Пермского края, Пермь) рассмотрел механизм привлечения русской эмигрантской молодежи к различным видам труда от сельского хозяйства до промышленности в Маньчжу-Ди-Го в годы Второй мировой войны. Кроме того, была проанализирована русская эмигрантская печать, которая описывала работу и значение «жертвенных» работ русской эмиграции.

Дмитриевская Н.В. (СПбГУ) представила анализ политики национальной безопасности Южной Кореи в период Третьей и Четвертой Республик (1963–1979 гг.).

С приходом к власти Пак Чон-хи, а затем и с установлением в Республике Корея военной диктатуры национальная безопасность выходит на первый план в рамках политического устройства. Подробно рассмотрев percepцию угроз национальной безопасности в указанный период и ее структуру, автор делает акцент на соответствующих мерах государственного регулирования: оборонная политика, взаимодействие с США и вывод американских войск с территории Корейского полуострова, внешняя политика и межкорейские отношения.

Логиновский Е.Л. (независимый эксперт, Екатеринбург) представил анализ северокорейских свидетельств контактов Ким Ир Сена с КНР. Автор указал на то, что данные о контактах Ким Ир Сена с Китаем, которые существуют в публикациях КНДР 1992–2019 гг., претерпели сложную эволюцию, в ходе которой сменилось четыре этапа. Известно о целом ряде контактов, которые невозможно изучать посредством анализа ранее выпущенных работ Ким Ир Сена.

Лобова А.А. (МГУ) рассмотрела подходы китайских философов к женскому вопросу в начале XX в. Проведя исторический анализ, докладчица пришла к следующим выводам: основными авторами, участвовавшими в дискуссиях о женском вопросе, были мужчины; первоначально обсуждение «женского вопроса» носило публицистический характер; китайские философы связывали женский вопрос с проблемой укрепления и формирования Китая.

Се Фэнлин (ДВФУ, Владивосток) уделила внимание истории зарождения глобального конфуцианского проекта Китая и его важнейшего компонента — Институтов Конфуция в мире. Докладчица раскрыла причины создания Института в Дальневосточном университете (г. Владивосток) и на конкретных примерах показала его деятельность, направленную на изучение китайского языка, знакомство с китайской культурой и распространение китаеведения на Дальнем Востоке России.

Доклад **Ивановой А.И.** (независимый эксперт, Москва) был посвящен анализу участия северокорейской делегации на Олимпийских играх 2018 г. в Пхёнчхане с точки зрения спортивной дипломатии была предпринята попытка показать, какой имидж хотела создать КНДР и какими средствами повлиять на формирование мнения о себе в мире.

Секция «Экономика» была представлена 17 докладами. **Лемутов В.А.** (ИСАА МГУ) охарактеризовал вклад информационных технологий в экономический рост КНР в 2000-е — 2010-е годы. Автором проводилась количественная оценка на основе факторной модели экономического роста, где выделяется вклад труда и капитала в отрасли информационных технологий. **Сербина Е.М.** (ИДВ РАН) проанализировала особенности деятельности и стратегическое управление Государственного банка развития КНР. С момента основания (1994 г.) и по сей день банк играет ключевую роль в деле расширения влияния Китая на международную финансовую сферу, инвестируя в проекты инициативы «Один пояс и один путь» и демонстрируя стабильно высокие позиции в мировых рейтингах.

Вопросы правового регулирования внебюджетных фондов России и Китая рассмотрел **Трофимов А.А.** (СПбГУ). Автор полагает, что в обеих странах в качестве неотъемлемых элементов систем присутствуют фонды социального страхования, чьи правовые режимы, хотя и имеют определенные отличия, свидетельствуют об особом отношении руководства России и Китая к вопросу финансового обеспечения социального страхования в обеих странах.

Грачева Ю.А. (ИДВ РАН) провела анализ основных факторов влияния продукции «брендов с национальным характером» на развитие экономики и культуры национальных районов Китая, опираясь не только на сведения из китайских государственных и научных источников, но и на личные материалы, собранные в результате полевых исследований, которые проводились в южном и юго-западном Китае с 2011 по 2019 г.

Отдельный блок выступлений затронул вопросы сопряжения стратегий развития государств Восточной Азии. В частности, торгово-экономической кооперации РФ и КНР в рамках инициативы «Один пояс, один путь» был посвящен доклад **Ян Тяньюэ** (НИУ ВШЭ). Автор рассмотрела существующие проблемы и пути их решения по четырем направлениям: политическое сотрудничество, базовая инфраструктура, торговля и взаимодействие в финансовой сфере. **Бейсенбаев О.Т.** (КазНУ, Казахстан) оценил сотрудничество России, Казахстана и Китая в рамках цифрового Шелкового пути. Докладчик полагает, что развитие вышеназванного пути способствует выводу экономик трех стран на новый уровень в результате мобильности и прозрачности торговых операций.

Мищенко Я.В. (ИДВ РАН) проанализировала сотрудничество и конкуренцию России и Японии в сфере топливно-энергетического комплекса Вьетнама. Автор отметила, что готовность Токио вкладывать значительные объемы японского капитала в проекты по созданию энергетической инфраструктуры во Вьетнаме остается важным конкурентным преимуществом Японии в борьбе за лидерство на вьетнамском энергетическом рынке.

Олейников И.В. (ИГУ, Иркутск) остановился на проблеме модернизации Соглашения о свободной торговле 2008 г. между КНР и Новой Зеландией. Эксперт убежден, что модернизация двустороннего соглашения отражает изменения в структуре экономического взаимодействия между странами, а активный процесс формирования договоренностей, охватывающих новые сектора, способствует дальнейшему политическому диалогу между Пекином и Веллингтоном.

Новому этапу развития энергетической политики Японии был посвящен доклад **Корнеева К.А.** (ИДВ РАН). К основным характеристикам этого этапа автор относит внедрение новых стандартов энергоэффективности; либерализацию электроэнергетической отрасли; привлечение частных инвесторов в развитие возобновляемой энергетики, в том числе на основе водородных топливных элементов; проведение масштабных информационных кампаний для населения с целью дальнейшего формирования общества «ответственных» пользователей энергетических услуг. «Японскую» тему продолжила **Полхова Е.В.** (СПбГУ), которая охарактеризовала роль японских компаний в эволюции национальной арктической стратегии. Докладчица связала интерес Токио к региону не только с растущей конкуренцией с ближайшими соседями, но и рядом интересующих бизнес-сообщество сфер: энергетика, развитие Северного морского пути и освоение биоресурсов.

Варкентин А.Е. (МГУ) применил нестандартный подход машинного обучения при определении кластеров внешнеторговых партнеров Японии. Данные для анализа представляли собой панель по всем торговым партнерам Японии за 2018 г. и включали в себя 9 переменных: объем экспорта в 2018 г.; место страны-экспортера в общемировых объемах экспорта; торговый баланс; концентрация поставщиков; прирост импорта за 2014–2018 гг.; средняя дистанция между странами; прирост экспорта за 2014–2018 гг.; индекс легкости ведения бизнеса; прирост экспорта за 2017–2018 гг.

Открывали «корейскую» часть секции **Захарова Л.В.** (ИДВ РАН, МГИМО) и **Захарова М.С.** (Дипломатическая академия МИД РФ) с докладом о современных северо-корейских компаниях-конгломератах. На основе собранных в открытом доступе и в ходе поездок в Северную Корею материалов авторы представили примеры и характеристики многопрофильных бизнес-групп КНДР, а также выделили некоторые особенности развития корпоративного сектора страны при Ким Чен Ёне.

Синякова А.Ф. (МГИМО) проанализировала структуру потребительского спроса в Республике Корея (РК), остановившись на проблеме домохозяйств, состоящих из одного человека, т.е. холостяка или незамужней девушки, а также ставшего одиноким пожилого человека, который не проживает со своими уже взрослыми детьми. Было отмечено

но, что в модели потребления всех перечисленных лиц объединяет склонность жить для себя, что является новым и нетипичным явлением для восточного общества.

О некоторых тенденциях развития промышленности РК в контексте «четвертой индустриальной революции» рассказала **Рыбникова Д.Д.** (НИУ ВШЭ). На основе анализа было установлено, что Республика Корея, следуя мировым экономическим тенденциям, освоила инновационные технологии в промышленности и создала условия для перехода к «Индустрии 4.0». **Лешакова Н.П.** (ИСАА МГУ) затронула основные направления развития логистической системы Республики Корея, а также перспективы расширения двусторонних отношений между РФ и РК.

Демина Я.В. (ИЭИ ДВО РАН, Хабаровск) рассмотрела портфельные инвестиции в пяти государствах-основателях АСЕАН: Индонезии, Малайзии, Филиппинах, Сингапуре и Таиланде. Выбор указанных государств был обусловлен их долей в совокупном объеме портфельных инвестиций (99,9% по состоянию на 2017 г.), ВВП (87,6% по состоянию на 2017 г.) и внешнеторговом обороте (84,1% по состоянию на 2017 г.) объединения. Кроме того, эти страны являлись наиболее экономически развитыми участниками Ассоциации.

Секцию закрывал доклад **Тетеркиной И.Г.** (СПбГЭУ), посвященный развитию рынка туристических услуг Вьетнама и сотрудничеству с Россией. По мнению докладчицы, рост популярности туризма во Вьетнаме вызван такими факторами, как благоприятное географическое положение, ускоренное социально-экономическое развитие государства, а также большое количество объектов всемирного наследия ЮНЕСКО и интеграция с другими странами, в том числе и с РФ.

На основе представленных материалов организаторы форума подготовят к публикации сборник докладов конференции.

© 2020

*Л.В. Захарова, к.э.н.,
с.н.с. Центра корейских исследований ИДВ РАН.
E-mail: ludmila_hph@rambler.ru.*

*Ю.В. Кулинецов,
н.с. Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН,*

*К.А. Чирков,
н.с. Центра изучения культуры Китая ИДВ РАН,*

*А.Ч. Мокрецкий,
с.н.с. Центра изучения и прогнозирования
российско-китайских отношений ИДВ РАН.
E-mail: 88am@mail.ru*

V Всероссийская научная конференция «Исторические события в жизни Китая и современность»

30–31 октября 2019 г. в Институте Дальнего Востока РАН прошла V Всероссийская научная конференция «Исторические события в жизни Китая и современность», организованная Центром новейшей истории Китая и его отношений с Россией (ЦНИКР).

Конференция привлекла внимание свыше 30 ученых-китаеведов из Москвы, Томска, Перми, Иркутска, Кунгура, Кяхты, Воронежа. Контингент молодых ученых, как всегда, оказался значительным. Среди участников мероприятия были представители ИДВ и других академических институтов РАН, преподаватели российских вузов, Военной академии МО, специалисты по Китаю из региональных музеев и др.

Представленные к обсуждению на форуме 26 докладов составили четыре тематических блока. Превалировало число докладов в первом тематическом блоке «История внешней политики и международных отношений». Наибольшее внимание ученых, как показали выступления, привлекли проблемы внешней политики Китая, прежде всего, российско-китайских отношений, международной политики с участием Китая. Не менее важной частью конференции были научные сообщения в тематическом блоке «Проблемы истории Китая нового времени», выявившие ряд узловых моментов в истории Китая, в том числе связанных с нашей страной, а также блок аналитических докладов «Проблемы управления страной и некоторые политические аспекты Тайваня». В рамках секции «История русско-китайской чайной торговли» были представлены исследования по проекту «Один пояс, один путь».

Форум открыл директор ИДВ РАН, д.и.н., проф., первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы **С.Г. Лузянин**. В своем приветственном слове он обратил внимание, что «теоретико-методологическая основа представленных на конференции докладов и материалов связана с четырьмя базовыми положениями, определяющими концептуальный смысл форума.

Во-первых, это — ключевые положения и мысли классика российского китаеведения, академика и дипломата Сергея Леонидовича Тихвинского, который в течение своей жизни разработал не только периодизацию древней, средневековой, новой и новейшей истории Китая, но и наполнил ее содержанием, выделив роль традиционных институтов как системообразующих, ключевых в определении векторов исторического процесса. Традиционализм для академика С.Л. Тихвинского является одним из ключей в понимании специфики китайской истории.

Во-вторых, методологически материал конференции обусловлен особенностями понимания и восприятия многотысячелетней китайской цивилизации, включая ее династийные циклы (до Синьхайской революции 1911 г.), гоминьдановский период (1911–1949 гг.) и этап становления и развития КНР (1949 — по настоящее время). На всех перечисленных фазах развития проявлялись характерные черты китайской поли-

тической ментальности, включая ментальность политических элит и массового общественного сознания.

В-третьих, большая часть докладов связана с 400-летней историей российско-китайских отношений, которые начались с первой миссии Ивана Петлина (1618 г.) в Поднебесную. Сближение и взаимодействие двух великих народов и двух цивилизаций было гео-экономически предопределено. Общение двух государств шло не только через официальные дипломатические каналы, но и через уникальную по характеру и форме деятельность Российской духовной миссии в Китае, с ее удивительными подвижниками, выступавшими в роли православных отцов, синологов и дипломатов. Центр новейшей истории Китая ИДВ РАН давно и плодотворно занимается изучением и изданием многолетнего архивного проекта по истории русско-китайских отношений, включая деятельность Духовной миссии.

В-четвертых, важная составная часть научной базы конференции — это внимание авторов к выявлению и содержанию периодизации и закономерностей советско/российско-китайских отношений в течение 1949–2019 гг. Союзническая фаза (1950-е — начало 1960-х годов) сменялась периодом разногласий и нормализации отношений (1960-е — начало 1990-х), далее — формированием и развитием формата стратегического партнерства и взаимодействия (1991 — по настоящее время). Данный алгоритм был определен целым комплексом внутренних и внешних причин, обстоятельств, явлений. Часть из них была объективна и неизбежна, часть — являлась следствием личных (субъективных) ошибок лидеров того времени, которых, вероятно, можно было бы избежать. В современной российской и китайской историографии существуют различные оценки и интерпретации ключевых событий советско-китайских отношений, что позволяет исторической науке через дискуссии и экспертизу находить взвешенные, объективные подходы, воссоздавать полную картину, без изъянов и купюр.

Директор ИДВ пожелал участникам конференции успехов, творческих подходов и плодотворных идей, выразил уверенность, что конференция станет «важным кирпичиком в строительстве великого исторического здания».

Тематический блок «*История внешней политики Китая и международных отношений*» открылся руководителем группы издания документов по истории российско-китайских отношений, к.и.н. **А.С. Ипатовой** (ИДВ РАН). В своем докладе «Роль Павла Ивановича Каменского (Архимандрита Петра) в преобразовании Российской духовной миссии в Китае (начало XIX в.)» она осветила некоторые страницы истории Русской духовной миссии в Китае (РДМК), отметив, что в течение нескольких столетий РДМК играла важнейшую роль в контактах России с Китаем и внесла огромный вклад в российское китаеведение и установление на постоянной основе отношений России с Китаем. В духе времени главным направлением деятельности РДМК стало дипломатическое. С включением новых фактов из архивных материалов А.С. Ипатова рассказала о деятельности ученика 8-й и начальника 10-й миссий РДМК Павла Ивановича Каменского, который создал в РДМК библиотеку редких китайских классических книг и был ее главным собирателем. Особое место среди наследия Архимандрита Петра (Каменского), как отмечалось, занимает главный труд его жизни — составленная им новая Инструкция РДМК, повысившая статус миссии, определившая финансирование, расширившая численный состав за счет светских лиц. Инструкция была универсальной и для следующих четырех миссий РДМК. Как подчеркнул докладчик, и по прошествии 200 лет со времени создания Инструкции (1818 г.) нелишне будет снова обратиться к ней. В докладе приведены интересные факты и документы из отечественных архивов, не известные ранее. Например, письмо М.М. Сперанского к Архимандриту Петру (АВПРИ, РГИА).

Доклад «Во уважение отличного усердия... к службе и в пользу государства подвигов» (архивные материалы о пограничном комиссаре В.К. Игумнове и его семье)» к.и.н. **Г.И. Саркисова** (ИДВ РАН) посвятила одному из наиболее ярких представителей династии Игумновых, члены которой несли службу на русско-китайской границе на протяжении всего XVIII в. Его профессиональная деятельность на протяжении многих лет способствовала налаживанию добрососедских отношений с Китаем. Новые архивные материалы позволили показать разнообразие служебных обязанностей Василия Игумнова как пограничного комиссара, переводчика монгольского языка, пристава российских духовных миссий, направленных в Пекин. В докладе говорилось, что жизнь В. Игумнова была воплощением православного идеала бескорыстного, смиренного и самоотверженного служения Отечеству. Достойным вкладом в русское китаеведение стали его путевые журналы, наполненные самыми разнообразными сведениями о жизни как Русской духовной миссии в Пекине, так и китайского общества.

В докладе д.и.н. **Н.Л. Мамаевой** «Китайская политика Советского Союза в годы широкомасштабной японо-китайской войны» представлен глубокий анализ различных форм помощи СССР Китаю и их значение для КНР на этапе полномасштабной японо-китайской войны. Представлена значимость для Китая и его внешней политики «единого фронта» между Гоминьданом и КПК, влияние которого на международную и внутреннюю политику в историографии несколько занижено. Показаны сильные моменты деятельности Коминтерна и КПК (решения VII конгресса Коминтерна, деятельность КПК в освобожденных районах) и отдельные негативы, имевшие место в коммунистическом движении в первой половине 1930-х годов.

А.В. Волошина (ИДВ РАН) в докладе-презентации «Китайско-американские отношения в свете тихоокеанского «поворота» США» проанализировала, каким образом происходило взаимодействие двух держав, как осуществлялась выработка и реализация китайского направления «поворота» США и какой ответ на эту стратегию дал Китай. Она констатировала, что в 2011 г. администрация президента США Б. Обамы официально выдвинула геополитическую инициативу, вошедшую в историю под названием «поворот», или «перебалансировка». Важнейшим элементом этой стратегии, призванной гарантировать сохранение доминирующего положения Америки в АТР, как отметил докладчик, стало выстраивание конструктивных отношений с Китаем. В ходе исследования сделан вывод об изменениях, которые претерпели двусторонние отношения со сменой американских администраций, а также о том, насколько успешно были реализованы поставленные странами цели. Китайско-американские отношения в АТР, считает А.В. Волошина, будут во многом зависеть от того, насколько точно две страны смогут определить свои цели в регионе, средства для их реализации и возможные издержки принимаемых решений. Должна быть проведена всесторонняя оценка потенциальных рисков в развитии этих двусторонних отношений. В это беспокойное время, отмечалось в докладе, обоим государствам нужна тщательно разработанная долгосрочная стратегия, которую невозможно сформулировать, не ответив на эти вопросы.

В научном сообщении «Единение суверенных государственных территорий на континенте Евразия: исторический опыт Китая» к.ю.н., доцент **В.И Балакин** (ИДВ РАН) рассмотрел диалектику евроазиатской интеграции, отметив, что она представляет собой некое объективное явление, которое абсолютно неподвластно субъективным предпочтениям правящих элит государств региона. Вместе с тем процесс евроазиатской интеграции Китай наглядно демонстрирует в формате своего развития, используя свой богатый исторический опыт. Согласно выводам, сегодняшний Китай делает основную ставку на интеграцию всего евроазиатского континента, всецело руководствуясь при этом общепринятыми принципами взаимовыгодного сотрудничества на добровольной основе и без от-

крытой демонстрации своего «подавляющего величия». Китай четко выстраивает свое лидерство на основе новых идей претворения в жизнь традиционных национальных ценностей, присущих каждой отдельной евроазиатской государственности.

«Краткий историко-философский обзор оценок развития отношений России и Китая в XX—XXI веках в авторстве крупных исторических деятелей» представил к.и.н. **К.К. Меркулов** (ИДВ РАН). В сообщении отражены важнейшие положения фундаментальной модели соразвития России и Союзного государства с Китаем в перспективе, даны обобщения известных научных источников и литературы.

Л.Л. Сухадольская (ИДВ РАН) в докладе «Развитие культурного взаимодействия как важная составляющая российско-китайских отношений» проанализировала историю и современное состояние культурного взаимодействия между Россией и Китаем. Как отмечалось, в последние годы российско-китайские отношения развиваются в духе добрососедства и взаимной выгоды. Культурная политика глав государств и правительств России и Китая отражена в основных межгосударственных и межправительственных документах. Развитие отношений в области образования, туризма, СМИ, совместное проведение на государственном уровне крупных мероприятий в рамках ряда перекрестных Годов послужило примером межцивилизационного диалога, повысило уровень взаимопонимания между народами двух стран и укрепило базу для развития российско-китайских отношений. Специфика взаимодействия России и Китая в области культурного сотрудничества, согласно выводам автора, является важным потенциалом для решения совместных задач соразвития.

Первый заместитель председателя ОРКД, заслуженный работник культуры РФ **Г.В. Куликова** (ИДВ РАН) выступила с докладом на тему «Роль народной дипломатии в российско-китайских отношениях (1949–1989 гг.)», охватив период 70-летней истории развития народной дипломатии. Подчеркнула, что народная дипломатия имеет давнюю историю, мощный экономический потенциал, богатую культурную базу, широкую общественную поддержку и большую эмоциональную составляющую. Говоря о большой роли народной дипломатии в российско-китайских дипломатических отношениях, Г.В. Куликова отметила, что сегодня российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия достигли самого высокого уровня, и огромное значение в развитии российско-китайских отношений всегда играла народная дипломатия и один из ее активных субъектов — Общество российско-китайской дружбы — первое общество дружбы с народами зарубежных стран, созданное в нашей стране 29 октября 1957 г.

К.и.н. **М.С. Каменских** (ПФИЦ УрО РАН, г. Пермь) в докладе «Советско-китайская дружба 1950-х — середины 1960-х годов: региональный опыт переосмысления» на примере жизни и работы китайских практикантов в Молотовской области (теперь Пермь) с 1955 по 1964 г. охарактеризовал период так называемой большой дружбы между СССР и КНР. Историк коснулся не только социокультурного облика китайских практикантов в СССР, но и показал степень влияния китайцев на местное сообщество и его мировоззрение, а также их вклад в развитие региона. В заключение отмечалось, что сегодня в условиях крепнущих партнерских и дружеских отношений РФ и КНР необходимо обращение к опыту 70-летней давности.

Доклад «Китай и кашмирский кризис 2019 года» к.и.н. **Н.А. Замараевой** (ИВ РАН) содержал анализ кашмирской проблемы, урегулирование которой должно было осуществляться на основе Устава ООН, соответствующих резолюций СБ ООН и двусторонних соглашений. Фактор Китая, подчеркивалось в докладе, представляет относительно новую, но весомую реальность в кашмирском вопросе. Китай выступает против любых односторонних действий, которые осложняют ситуацию. Лидер КНР Си Цзиньпин,

по словам докладчика, продемонстрировал нейтральность на всех этапах пакистано-индийского кризиса 2019 г., не проронив ни слова о Кашмире или Пакистане на международных мероприятиях. Поддержка Пекина, и в первую очередь в противостоянии с Нью-Дели, была очень важна для Исламабада, так как Китай — одна из немногих стран мира, которые выступили с заявлениями, критикующими действия Индии. Докладчик отметил, что стремление ведущих держав, как и международного сообщества в целом, избежать прямого вовлечения в многолетний и крайне запутанный территориальный спор, явно обескураживает руководство Индии и Пакистана, тем более что Китаю было позволено выступить за решение кашмирского спора между Индией и Пакистаном «на двусторонней основе», т.е. де-факто поддержать статус-кво, зафиксированный в индийско-пакистанской декларации 1971 г. Между тем, в соответствии с Декларацией 1971 г. спорные вопросы в двусторонних отношениях должны решаться сугубо между Индией и Пакистаном, без привлечения других государств. Согласно выводам Замараевой, ни одна из внешних держав не заинтересована в эскалации индийско-пакистанского конфликта, и существует вероятность, что рано или поздно будет найдено по-настоящему компромиссное решение, которое вернет региону максимально возможную в нынешних обстоятельствах стабильность.

Второй тематический блок «*Проблемы истории Китая нового времени*» включал ряд узловых моментов в истории Китая, освещаемых на основе не известных ранее архивных материалов.

В докладе «Отечественная историография об участии китайцев в событиях Октября 1917 г. и Гражданской войны в России» к.и.н. **И.Н. Сотникова** (ИДВ РАН) охарактеризовала основные периоды в отечественной историографии, касающиеся данной проблемы. Она обратила внимание, что китайский вклад в исход Октябрьского переворота, в победу большевиков в гражданской войне и в установление советской власти до настоящего времени не нашел заметного отражения в отечественной исторической науке. Чаше исследователи обращались к теме влияния Октября на развитие национально-освободительной борьбы китайского народа. Длительное умалчивание темы объясняется, вероятно, нежеланием советского руководства по окончании Гражданской войны подробно освещать чью-либо причастность к победе. Тема участия китайцев, проживавших в России, в событиях 1917–1920 гг. всплывала за рубежом, когда в свет начали выходить воспоминания участников белого движения. В белоэмигрантских мемуарах подчеркивалась чужеродность большевизма для России, упоминалось использование большевиками в качестве ударной и карательной силы инородцев — китайцев, венгров, башкир. Отмечалось, что значительное оживление в исследовании темы наблюдалось вслед за открытием отечественных архивов после 1991 г., когда по истечении некоторого времени вышли в свет значимые монографии, в существенной степени определяющие линии исследования китайской диаспоры в России и ее влияния на кризисные события в истории России. Изучение отечественных публикаций показало, что китайская диаспора принимала участие в Октябрьской революции и Гражданской войне как составная часть социальной базы большевиков, и значения этого не следует недооценивать.

К.и.н. **И.Е. Пожилов** (ИДВ РАН) в научном сообщении «Южнохунаньское восстание в контексте строительства вооруженных сил КПК» проанализировал связанные с восстанием проблемы формирования первого войскового соединения Красной армии Китая, которое, пройдя нелегкий путь поражений и побед, превратилось в мощный оплот компартии. Подробно рассматривается зарождение принципа триединства организационной структуры вооруженных сил КПК как основы дальнейшего военного строительства, их использование в целях политической мобилизации крестьянства в борьбе за власть.

В докладе **А.Л. Верченко** (ИДВ РАН) «Ли Чжаолин и путь Дунбэя к освобождению» представлена боевая биография героя антияпонской войны Ли Чжаолина. Его героическая личность, подчеркнул докладчик, продолжает интересовать исследователей истории Дальнего Востока и советско-китайского военного сотрудничества в период антияпонской войны и в России, и в Китае. Он самоотверженно сражался на фронтах Северо-Востока Китая, сыграл важную роль в процессе восстановления мирной жизни в Дунбэе, в организации Харбинского общества советско-китайской дружбы и развитии дружественных отношений между народами СССР и КНР после окончания Второй мировой войны. В 2009 г. Ли Чжаолин был включен в Список 100 героев, которые внесли выдающийся вклад в создание Нового Китая.

К.и.н. **С.Б. Макеева** (ИГУ, г. Иркутск) осветила тему «История изучения регионального развития приграничных районов КНР в период политики “реформ и открытости”». Она отметила, что анализ регионального развития приграничных территорий Китая напрямую связан с изучением современной границы Китая и особенностей развития пограничных китайских территорий, с установлением влияния эволюции древней китайской территории и приграничных китайских районов на изменения в современных границах Китая, с выявлением закономерностей формирования единого многонационального китайского государства. Определены основные направления приграничной политики КНР в период с 1978 г. по настоящее время.

К.и.н. **Л.П. Черникова** (ИВ РАН) выступила с докладом «Русская эмиграция в материалах Токийского процесса. Новое прочтение и странные интерпретации (по материалам АВП РФ)». Она проанализировала историографию темы. Обращено внимание, что некоторые материалы по истории русской эмиграции в Китае, обнародованные на Токийском процессе, не были представлены Высокому Суду, но были собраны и откомментированы. Не подлежит сомнению, что речь идет о совершенно неизвестном источнике по восточной эмиграции на Дальнем Востоке. В докладе имеются новые материалы о связи российской эмиграции с японской властью в Маньчжурии — как добровольной, так и навязанной сверху. Подчеркивается, что из представленных материалов, использованных лишь на 10%, видно, что имеется весьма обширная доказательная база многочисленных нарушений международного права и человеческого общежития в регионе, захваченном японскими властями в период с 1931 по 1945 г. В любом случае, отметила Черникова, японцы умело манипулировали эмиграцией в своих целях — удержания власти в Маньчжурии и осуществления агрессии по отношению к советскому Дальнему Востоку. Новизной исследования докладчик считает выявление факта несогласия японских и некоторых российских исследователей с попытками пересмотра итогов Токийского процесса.

К.полит.н., доцент МГИМО **Е.А. Маслова** (Институт Европы РАН) в докладе-презентации «Модель китайской миграции в Италию» обратила внимание, что актуальность исследования особенностей современной китайской миграции определяется тем, что при Си Цзиньпине Китай переходит от скромной внешней политики к дипломатии «сильного государства», демонстрируя новый уровень внешней открытости. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» усиливается инвестиционная активность, в том числе и частных предприятий, что в перспективе может вызвать рост китайской бизнес-миграции в промышленно развитые страны Запада. Китайские мигранты в Италии смогли не просто занять, а встроиться в определенную нишу в экономике страны. Итальянские производства сумели с выгодой для себя адаптироваться к новым условиям: они сохранили бренд «сделано в Италии» и при этом смогли сэкономить на дешевой рабочей силе из Китая, отказавшись от переноса производства в развивающиеся страны. Маслова подчеркнула, что сегодня институт хуацяо превратился в мощный механизм китайской эко-

номики. Подводя итоги, можно сделать вывод, что модель «экономики китайских мигрантов» прижилась в Италии и страна стала местом притяжения для граждан КНР, желающих начать новый этап жизни в Европе.

Далее был представлен тематический блок *«Проблемы управления страной и некоторые политические аспекты Тайваня»*.

В докладе **А.В. Ершова** (ИДВ РАН) «Трансформация системы органов государственного управления КНР в период 1958–1965 гг.» рассматривался период, начинающийся с первой в истории КНР реформы органов государственного управления, проводившейся одновременно с курсом «трех красных знамен». Докладчик проанализировал различные факторы и причины, вызвавшие упрощение и регресс системы органов государственного управления.

Научное сообщение с презентацией «О создании системы мозговых центров в КНР» к.и.н. **Д.А. Смирнова** (ИДВ РАН) посвящалось реализации выдвинутой лидером «пятого поколения» руководства КПК Си Цзиньпином задачи формирования в КНР системы «мозговых центров» мирового уровня, необходимой для интеллектуального обеспечения выполнения программы социалистической модернизации в XXI веке. Проанализированы основные этапы формирования системы «мозговых центров», ее структура, задачи и особенности развития. Докладчик обратил внимание, что развитие системы мозговых центров рассматривается китайским руководством в качестве важной стратегической задачи, неразрывно связанной с выполнением долгосрочной программы выведения Китая на уровень самых развитых стран мира. В частности отмечалось, что выполнение поставленной партийно-политическим руководством КНР задачи создания пула международно-признанных влиятельных мозговых центров будет способствовать как продвижению политических и экономических интересов Китая в мире, так и дальнейшему росту воздействия китайской «мягкой силы». Согласно выводам докладчика, проводимая таким путем концентрация интеллектуальных ресурсов китайской нации позволяет не только решать прорывные задачи в развитии собственно Китая, но и, несомненно, поможет обеспечить повышение глобальной конкурентоспособности китайского государства, дальнейшее расширение и укрепление его влияния на мировой арене.

К.и.н. **Э.А. Синецкая** (ИВ РАН) в докладе «Несколько слов о китайских предпринимательницах» сосредоточила внимание на группе предпринимательниц, информация о которых предоставлялась так называемыми международными рейтингами. Она подчеркнула, что именно активность данной привилегированной группы определяет все события и все происходящее в мире. Но одновременно — эти судьбы отдельных женщин являются свидетельством экономических и социальных сдвигов в китайском обществе. Рассуждая на эту тему, докладчик прибегает к историческим аналогиям. Констатируется, что с определенной достоверностью удается воссоздать не только портреты, в том числе нынешних долларовых миллиардеров Китая, нередко сделавших себя сами, но и представить их путь восхождения к этому статусу, понять их роль и значение в экономике страны, в ее социальной структуре. В завершение Э.А. Синецкая добавила, что сравнивая рейтинги западных и российских бизнес-леди, внимательный аналитик может представить все сложности (настоящие и будущие) социальной и предпринимательской ситуации в стране.

К.полит.н. **Е.Н. Степанова** (ИДВ РАН) в докладе-презентации на тему «Из истории проведения тайваньской политики, “обращенной на Юг”» выделила некоторые аспекты политики Тайваня. В частности, она обратила внимание на то, что политика Тайваня «Поворота на Юг» осуществляется в основном из экономической и политической необходимости. С одной стороны, таким образом обеспечиваются выгодные для Тайваня условия торговли с целью уменьшить экономическую зависимость Тайваня от некоторых

стран и регионов, добиться репутации надежного партнера, вполне конкурентоспособного для вхождения на мировой рынок под собственной маркой. Другая цель Тайваня — получить международное признание и подтвердить свой собственный статус за пределами «одного Китая».

В научном сообщении «Политический аспект языковых реформ на Тайване в новейший и современный период» к.и.н. **В.А. Клиновский** (ИДВ РАН) отразил результаты исследования процесса реформирования языка на Тайване в период японской оккупации, диктатуры Гоминьдана и 1990-х — 2000-х годов. Основное внимание он сосредоточил на проблеме нестабильности и цикличности языковой политики Тайваня в условиях многократной смены государственной принадлежности острова и конкуренции политических партий. Отсутствие консенсуса между господствующими политическими силами и категорическое неприятие ими предлагаемых оппонентами концепций развития языка, по мнению докладчика, является основной проблемой, тормозящей проработку законодательства в данной сфере. Показано, как каждый политический режим на острове использовал языковое планирование для создания удобной для себя модели идентичности тайваньской нации, зачастую не учитывая реальные интересы граждан.

Тематическая секция «*История русско-китайской чайной торговли*» (ведущая к.и.н. В.Г. Шаронова) включает научные исследования с презентацией по изучению роли русского купечества в чайной торговле, восстановления взаимодействия двух наших стран в рамках проекта «Один пояс, один путь», маршрутами которого пользовались русские купцы для доставки чая в Россию.

В.Г. Шаронова (ИДВ РАН) в докладе на тему «Первые русские чайные компании в Ханькоу (1863–1876)» осветила вопросы становления русско-китайской чайной торговли в провинции Хубэй в городе Ханькоу. Прибывшие сюда в 1860 г. русские купцы спустя три года начали арендовать фабрики и поставлять чайную продукцию в Россию. Докладчик подчеркнула, что имеющиеся в разнообразных источниках неточности в названиях фабрик и их владельцев приводят к искажению исторической действительности. Шаронова отметила, что к середине 1870-х годов русские купцы заняли прочные позиции на местном торговом рынке, постепенно вытеснив своих основных конкурентов-англичан. Благодаря успешной деятельности русского купечества, Ханькоу стал «чайной столицей» Китая и одним из важнейших пунктов Великого Чайного пути.

С.М. Мушкалов (Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник) в научном сообщении на тему «Грибушины — Токмаковы. Их жизни контрапункт» коснулся деятельности двух именитых российских купеческих династий — Грибушиных и Токмаковых, занимавшихся торговлей китайским чаем. Особое внимание он уделил особенностям ведения бизнеса на территории Китая. В том числе он привел сведения о родственных связях этих семей, которые также представляют несомненный интерес.

К.э.н., доцент **Т.Г. Ильина** (ТГУ, г. Томск) в докладе «Механизм ценообразования в Западной Сибири при торговле чаем из Китая во второй половине XIX века» рассмотрела теоретические подходы к определению механизма ценообразования, классификации цен и их регулирования, провела анализ развития ценообразования и видов цен. Особое внимание докладчик уделил внешнеторговым и региональным ценам на чай, исследуя порядок их формирования и структуру, а также особенности влияния спроса и предложения на формирование цен на чай.

В докладе на тему «Товарищества “Губкин&Кузнецов” и “В. Высоцкий и К^о” — чаеоторговые фирмы-конкуренты» **О.А. Ренева** (Музей истории купечества, фил. МБУК «Кунгурский музей-заповедник») отметила, что на рубеже XIX—XX вв. весь чайный рынок Российской империи в основном был поделен между крупнейшими фирмами. Они

закупали чай как в Китае, так и в других чаепроизводящих регионах мира. Лидирующее положение среди них занимали товарищества «Губкин&Кузнецов» и «В. Высоцкий и К°». Первые доминировали на востоке России, вторые — на западе. На примере внедрения коммивояжерской торговли докладчик рассмотрел соперничество между этими фирмами за расширение российских рынков сбыта, уделив внимание тем рискам, с которыми сталкивались чаеоторговцы при транспортировке и продаже чая в России.

Л.Б. Цыденова («Кяхтинский краеведческий музей имени академика В.А. Обручева») в докладе «История чайной торговли в судьбе купца А.Д. Старцева» через призму истории чайной торговли рассмотрела основные биографические события и этапы коммерческой деятельности Алексея Дмитриевич Старцева. Незаконнорожденный сын декабриста Н.А. Бестужева, он воспитывался в семье зажиточного купца Д.Д. Старцева. Впоследствии стал купцом первой гильдии, коммерции советником, китаеведом, крупным меценатом. В докладе раскрывается общественно-полезная деятельность А.Д. Старцева, его роль в дипломатии России, Китая, в освоении и развитии Дальнего Востока. В заключение она сообщила, что потомки А.Д. Старцева в настоящее время проживают в Канаде, Австралии, Бразилии, Новой Зеландии, Иркутске, Новосибирске, Бийске. Они чтят память своего знаменитого предка и часто посещают Кяхту, город, с которым тесно была связана его судьба, и откуда он отправился в начале своего жизненного пути в Китай.

По окончании мероприятия ведущие конференции д.и.н., г.н.с., рук. ЦНИКР Н.Л. Мамаева и к.и.н., в.н.с. Д.А. Смирнов отметили, что конференция прошла в деловой, доброжелательной атмосфере, была наполнена содержательными выступлениями, интересными горячими дискуссиями.

Организаторы конференции подарили всем докладчикам сборник материалов V ВНК «Исторические события в жизни Китая и современность» (19 статей и докладов), вышедший накануне работы форума, где историки попытались поделиться новыми результатами исследований в юбилейном году.

© 2020

*Т.Г. Герасимова, старший научный сотрудник
Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН
E-mail: gerta48@mail.ru*

Защита диссертаций в ИДВ в 2019 году

В 2019 г. продолжил работу диссертационный совет Д. 002.217.03 на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института Дальнего Востока Российской академии наук, принимающий к защите диссертации по специальности 08.00.14 — мировая экономика (экономические науки).

За период 2019 г. было защищено **4 диссертации** на соискание ученой степени кандидата экономических наук:

1. Диссертация Натальи Викторовны Прохоровой «Основные тенденции развития водохозяйственного комплекса КНР (1949–2016 гг.)» по специальности 08.00.14 — «Мировая экономика» (экономические науки), была принята в виде рукописи к защите 13 марта 2019 года (протокол заседания № 2).

Соискатель окончила Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» по специальности история. В период 2003–2004 гг. проходила языковую стажировку в Шанхайском университете. С 15 января по 3 мая 2007 г. работала в ООО «Компания Альпари» в отделе клиентского консультирования. В период подготовки диссертации соискатель Прохорова Н.В. обучалась в аспирантуре Института Дальнего Востока РАН с отрывом от производства по специальности 07.00.03 «Всеобщая история» — с 01 ноября 2010 г. по 31 января 2013 г. С 01 февраля 2013 г. по 31 января 2014 г. была переведена на обучение в аспирантуре без отрыва от производства. С 01 ноября 2014 г. по 31 октября 2017 г. являлась соискателем Института Дальнего Востока РАН, специальность 08.00.14 — «Мировая экономика».

Диссертация была выполнена в Центре социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН. Заключение по диссертации утверждено директором ИДВ, доктором исторических наук, профессором **С.Г. Лузяниным**. Оно было подписано заместителем директора ИДВ РАН, доктором экономических наук, профессором **А.В. Островским**, руководителем Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ.

Научным руководителем диссертанта являлась М.В. Александрова, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Официальными оппонентами выступили:

Елена Викторовна Рюмина, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории социально-экономических проблем человеческого развития Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, и **Николай Иванович Коронкевич**, доктор географических наук, профессор, заведующий лабораторией гидрологии Института географии РАН.

Ведущая организация — Институт экономики РАН г. Москва.

Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в **14** научных публикациях автора общим объемом **11,8 п.л.**, из них **девять** в рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ.

Исследование соискателя особо актуально, поскольку от решения водохозяйственных проблем Китая, крупнейшего мирового водопользователя, зависит гарантия продовольственной безопасности и жизнь его почти 1,4-миллиардного населения. В диссертации обсуждаются вопросы формирования рынка водных ресурсов КНР и инструменты его государственного регулирования.

Выявление основных тенденций развития водохозяйственного комплекса Китая в направлении преодоления кризисных последствий ускоренного экономического роста, повышения эффективности освоения и использования водных ресурсов, создания экологической цивилизации представляется актуальной задачей диссертации. Исследование Н.В. Прохоровой является одной из первых попыток предложить модель оценки развития водохозяйственного комплекса КНР.

II. Диссертация Екатерины Олеговны Заклязьминской «Экономика туризма Китайской Народной Республики» по той же специальности 08.00.14 была в виде рукописи принята к защите 13 марта 2019 года.

Е.О. Заклязьминская в 2013 г. с отличием окончила РГГУ по специальности философия. В период с 2010–2011 гг. являлась студенткой Хэйлунцзянского университета (г. Харбин, КНР). С 2013 по 2014 г. — студенткой Университета Сунь Ятсена (г. Гуанчжоу, КНР). 2014–2017 гг. работала преподавателем Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (по совместительству).

В период подготовки диссертации **Е.О. Заклязьминская** с 1 ноября 2015 г. по 31 октября 2018 г. обучалась в аспирантуре ИДВ РАН на очном отделении по специальности Мировая экономика.

Диссертация выполнена в Центре социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН. Заключение по диссертации утверждено директором ИДВ, д.и.н., профессором **С.Г. Лузяниным** и подписано заместителем директора, профессором **А.В. Островским**, руководителем Центра социально-экономических исследований Китая.

Научный руководитель: кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН **Сергей Леонидович Сазонов**.

Официальные оппоненты:

Светлана Владимировна Кадомцева, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, и **Сергей Петрович Савинский**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра международных финансов Научно-исследовательского института Министрства финансов РФ.

Ведущая организация — Институт Востоковедения РАН.

Соискатель имела **13** научных публикаций общим объемом **8,5 п.л.** Из них **пять** публикаций в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Исследование Заклязьминской Е.О. явилось одной из первых попыток предложить модель оценки эффективности формирования государственной политики в сфере туризма КНР как действенного инструмента развития экономики страны.

III. Диссертация Цзя Суна (КНР) «Банковская система в ходе экономической реформы в КНР (конец XX — начало XXI века)» по специальности 08.00.14 — «Мировая экономика» (экономические науки), была принята к защите в виде рукописи 30 сентября 2019 года.

Цзя Сун в 2008 г. окончил магистратуру МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Менеджмент». В период подготовки диссертации с 22 октября 2008 г. по 21 октября 2012 г. обучался в аспирантуре ИДВ РАН на очном отделении по специальности «Мировая экономика» Ежегодно прикреплялся к аспирантуре в качестве соискателя. Последнее прикрепление было оформлено с 26.12.2018 г. по настоящее время.

Диссертация выполнена в Центре социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН. Заключение по ней утверждено директором ИДВ, профессором **С.Г. Лузяниным**, подписано заместителем руководителя Центра социально-экономических исследований Китая, кандидатом политических наук, ведущим научным сотрудником ИДВ **П.Б. Каменновым**.

Научный руководитель диссертанта: профессор **А.В. Островский**, руководитель Центра экономических и социальных исследований Китая ИДВ, д.э.н.

Официальные оппоненты:

д.э.н., ведущий научный сотрудник кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доцент, **Светлана Анатольевна**

Гусарова, д.э.н., г.н.с. Института востоковедения РАН, профессор МГИМО МИД РФ
Игорь Ремуальдович Томберг.

Ведущая организация — Институт экономики РАН.

Исследование особенно актуально, поскольку проведенная в конце XX — начале XXI в. реформа банковской системы во многом способствовала успеху экономической реформы в Китае и выходу страны на ведущие мировые позиции. Благодаря стабильности банковской системы в условиях переходной экономики инфляция в Китае на протяжении многих лет оказалась значительно ниже, чем в странах с переходной экономикой.

В диссертации проанализировано развитие банковской системы КНР, ее влияние на укрепление финансовой системы страны в целом и, в частности, стабильность китайской валюты (юаня) на мировом рынке. В отличие от большинства азиатских и мировых держав, Китай успешно противостоит негативному влиянию мировых кризисных явлений и не допускает девальвации юаня.

Выявление основных тенденций развития банковской системы Китая в направлении преодоления кризисных последствий ускоренного экономического роста, повышения эффективности экономической реформы представляется актуальной задачей диссертации. Исследование Цзя Суна — одна из первых попыток предложить модель оценки перспектив развития банковской системы КНР.

Соискатель имеет **10** научных публикаций, общим объемом **5,96 п.л.**, в том числе в **шести** изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

IV. Диссертация Чэнь Сяо (КНР) «Автомобильный транспорт КНР: отраслевой и региональный аспект» в виде рукописи была принята к защите 30 сентября 2019 года по специальности «Мировая экономика».

Соискатель **Чэнь Сяо**, 1984 года рождения, в 2011 г. окончила магистратуру МГУ им. М.В. Ломоносова по специализации «Менеджмент». В период подготовки диссертации обучалась в аспирантуре ИДВ РАН на очном отделении по специальности «Мировая экономика» (с 01.11.2014 г. по 31.10.2017 г.). С 01.11.2017 г. ежегодно прикреплялась к аспирантуре в качестве соискателя. Последнее прикрепление к аспирантуре ИДВ РАН было оформлено с 01.10.2018 г. по настоящее время.

Диссертация выполнена в Центре социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН. Заключение утверждено директором ИДВ, д.и.н., профессором **С.Г. Лузяниным**, подписано д.э.н., профессором **А.В. Островским**.

Научный руководитель: Сергей Леонидович Сазонов, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН.

Официальные оппоненты:

Мадина Октамовна Тураева, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, и **Станислав Степанович Гончаренко**, кандидат экономических наук, доцент, руководитель кафедры «Экономика и управление на транспорте» РУТ (МИИТ).

Ведущая организация — Институт востоковедения РАН.

Исследование **Чэнь Сяо** является одной из первых попыток предложить модель оценки эффективности развития автомобильного транспорта КНР. Автомобильный транспорт рассматривается правительством как действенный инструмент развития экономики и вносит немалый вклад в формирование «китайского экономического чуда».

По теме диссертации Чэнь Сяо опубликовано **38** научных работ общим объемом **30,1 п.л.**, в том числе **11** работ в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Планируемые научные конференции 2020 года с участием ИДВ РАН

- Ежегодная конференция корееведов России и стран СНГ
Москва, март, организатор ИДВ РАН.
- 4-й международный форум “мозговых центров“ РФ, КНР и Монголии
Владивосток, сентябрь.
- Российско-корейская конференция «30-летие установления дипломатических отношений между СССР / РФ и Республикой Корея»
Сеул, конец сентября, — организаторы ИДВ и Центр по изучению АТР Ханьянского ун-та.
- 24-я международная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир»
Москва, 07–08 октября, организатор ИДВ РАН.
- Российско-китайская конференция «Российско-китайские отношения в контексте текущей глобальной и региональной ситуации»
Пекин, ноябрь, организаторы ИДВ РАН — КАСМО.
- 19-я трехсторонняя конференция «Россия—Индия—Китай: Проблемы и перспективы трехстороннего сотрудничества в решении проблем безопасности и со-развития в Азии»
Индия, Дели, IV квартал.
- 9-я международная научная конференция молодых востоковедов
Москва, IV квартал, организатор ИДВ РАН.

Рецензии

Панов А.Н., Саркисов К.О., Стрельцов Д.В.
История внешней политики Японии 1868–2018 гг. —
М.: Международные отношения, 2019.

Изучение Японии порождает у исследователей немало вопросов относительно причин ее поведения на международной арене. Япония, являющаяся одной из ведущих экономических держав мира и военно-политическим союзником США в Азии, обладающая оснащенными по последнему слову техники вооруженными силами, отрицает возможность применения военной силы для решения международных споров, придерживаясь тех принципов, которые были выработаны много десятилетий назад. Так называемая доктрина Ёсида, принятая как временная программа поведения до тех пор, пока Япония не завершит процесс послевоенного восстановления, надолго пережила свое назначение, сформировав парадигму развития страны в годы холодной войны и после ее окончания. Японию нередко обвиняют в пассивности и отсутствии внешнеполитической стратегии, однако нельзя отрицать, что за десятилетия она обеспечила благоприятные условия для продвижения своих экономических интересов за рубежом, избегая участия в международных военных конфликтах и наращивая культурное присутствие и мягкую силу по всему миру. Япония — азиатское государство, которое позиционирует себя как представителя западного лагеря, страна, пропагандирующая пацифизм, но в то же время постоянно подвергаясь критике за отсутствие раскаяния в злодеяниях начала XX века. Призывая мир к ядерному разоружению, Япония комфортно себя чувствует под американским «ядерным зонтиком» и, тем не менее, периодически поднимает вопрос о возможности обладания собственным ядерным оружием. Япония поддерживает тесные экономические и культурные связи с ближайшими азиатскими соседями, однако именно с ними у нее складываются самые сложные политические отношения.

Объяснения этим и многим другим особенностям внешней политики Страны восхо-

дящего солнца можно найти в книге «История внешней политики Японии 1868–2018 гг.», недавно вышедшей в издательстве «Международные отношения». Авторы книги — ведущие российские специалисты по Японии, широко известные за рубежом. А.Н.Панов — доктор наук, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО, главный научный сотрудник Института США и Канады, бывший посол России в Японии, принимавший непосредственное участие в формировании и осуществлении российского внешнеполитического курса на японском направлении, и свидетель тех событий, которые описаны в части, посвященной современной внешней политике этой страны; К.О.Саркисов — выдающийся ученый, кандидат исторических наук, ведущий сотрудник Института востоковедения, приглашенный профессор известных японских университетов, почетный профессор университета «Яманаси гакуин»; профессор Д.В.Стрельцов — авторитетный специалист по Японии, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО, ведущий научный сотрудник Института востоковедения, регулярно выступающий с лекциями в российских и зарубежных вузах, автор множества монографий, посвященных как внешней, так и внутренней политике этой страны.

Необходимость в создании подобной книги была давно очевидна. Комплексное учебное пособие по внешней политике Страны восходящего солнца было издано российскими исследователями более 10 лет назад, а регулярно выходящие монографии и статьи чаще всего глубоко исследуют отдельные аспекты японской внешней политики, что, однако, не всегда позволяет создать стройное представление о том, какова сущность внешней политики государства в целом, и проследить, как происходила ее историческая эволюция.

Более 150 лет назад Япония была вынуждена прервать длительный период самоизо-

ляция и открыть двери для иностранцев. Только после реставрации Мэйдзи в 1868 г. началось создание ее внешнеполитического ведомства. Интеграция страны в международные отношения происходила болезненно, Япония на позициях слабого партнера была вынуждена вступать в неравноправные договоры, противоречащие ее национальным интересам. В книге освещен длительный и непростой путь, который Япония прошла от отсталого феодального государства до одной из ведущих экономических и политических держав мира.

Стремление преодолеть комплекс неполноценности и догнать западные державы не только способствовало интенсивным реформам всех сторон жизни, но и толкнуло Японию на путь завоеваний. Активная внешняя политика на рубеже XIX—XX веков сопровождалась войнами с Китаем и Россией, аннексией Тайваня и Кореи, постепенным расширением геополитических амбиций. В книге подробно рассмотрены хитросплетения дипломатического взаимодействия в то время России и Японии, сочетающего в себе сотрудничество и соперничество.

Из Первой мировой войны Япония вышла победителем и одним из законодателей послевоенного мироустройства, окончательно закрепив свое превращение из объекта в субъект мировой политики. В книге показана двойственность ее внешнеполитического курса, который был направлен на формирование новых правил международного взаимодействия и в то же время преследовал цели, несопоставимые с этими правилами. Авторы прослеживают процесс перехода Японии на рельсы милитаризма, противоборство сторонников «активной» и «пассивной» внешней политики, приведшее к победе первых. История участия Японии в войне на Тихом океане хорошо известна, в книге она изложена компактно и в то же время позволяет создать представление о причинах и последствиях побед и поражений Японии на военном и дипломатическом фронтах.

Агрессивный курс в конечном счете привел к краху внешней политики, идеологии и экономики страны. После завершения периода оккупации Япония была вынуждена не только с нуля выстраивать отношения с зарубежными странами, но и создавать новый международный имидж, отражающий ее послевоенную идентичность. Особое внимание в книге уделено проблеме подготовки Сан-Францисского мирного договора: беспристрастно изложен ход переговоров, обозначены позиции и мотивы сторон, указаны причины, по которым его

подписание заложило основы территориально-го спора между Японией и СССР. Четко обоснована позиция России по вопросу заключения мирного договора, что позволяет читателю самостоятельно сделать выводы о правомерности претензий японской стороны.

Одновременно с Сан-Францисским мирным договором Япония подписала Договор безопасности с США, который лег в основу сохраняющихся на протяжении уже почти 70 лет их союзнических отношений. Страна оказалась встроенной в систему военно-политических союзов США в регионе. Попытки пересмотреть ориентацию на США предпринимались в начале 1970-х годов, когда, «опираясь на значительно возросший экономический потенциал, японское руководство, не ставя под сомнение необходимость сохранения японо-американского военно-политического союза, тем не менее, поставило задачу обеспечить больший учет Вашингтоном интересов Японии и одновременно проявить определенную самостоятельность по ряду направлений своей внешнеполитической деятельности». Это нашло отражение в реализации концепции многосторонней дипломатии, предусматривающей повышение роли страны в союзе с США и расширение круга внешнеполитических партнеров. «Многосторонняя дипломатия» просуществовала недолго и уже с 1979 г. ушла из повестки дня японской внешней политики, поставившей целью укрепление солидарности с США и странами Запада перед лицом «советской угрозы». Авторы убедительно демонстрируют, что даже после распада СССР союз с США продолжает оставаться краеугольным камнем японской политики обеспечения безопасности, а редкие попытки адаптировать его к новым реалиям, исходящие из представлений о грядущем наступлении эпохи многополярности, завершались провалом и возвратом к традиционному курсу на следование в фарватере американской стратегии.

Много внимания на страницах книги уделено отношениям с КНР и Республикой Корея. Как показано в исследовании, отношения эти развиваются неравномерно, периоды охлаждения сменяются периодами потепления, однако, несмотря на тесные экономические связи, а в случае с Южной Кореей — и наличие общего военно-политического союзника, говорить о стабильности в отношениях не приходится. В фокусе внимания исследователей находится и КНДР, прослежен процесс эволюции политики Токио в отношении Пхеньяна — от попыток наладить диалог до перехода к тактике давления и риторике «северокорейской угрозы». От-

мечены основные вехи эволюции подхода Японии к сотрудничеству со странами Юго-Восточной Азии.

Особый интерес у читателя вызовет анализ нынешнего этапа развития российско-японских отношений. Детально освещен процесс изменения японского подхода к России под влиянием международной среды и внутренних факторов. Убедительно доказано, что за годы, прошедшие со времени окончания холодной войны, отношения прошли большой путь, характеризующийся сближением на всех направлениях, усилением экономического взаимодействия, развитием сотрудничества в сфере безопасности и наращиванием мер доверия, расширением культурных и научных обменов, партнерством на международной арене.

Нынешний этап эволюции японской внешней политики представляет особый интерес для исследователей, поскольку в это время происходит переоценка многих ее основ. При том, что региональные приоритеты Японии остаются неизменными, меняется отношение к вопросам обеспечения безопасности и международной роли страны. Особое внимание уделено деятельности премьер-министра С. Абэ, настроенного изменить существенным образом парадигму внешней политики страны. Его

взгляды выстраиваются в довольно стройную философскую систему.

К числу достоинств книги можно отнести ее насыщенность фактами, в том числе и малоизвестными, но необходимыми для понимания причин и мотивов принятия внешнеполитических решений. Огромный объем знаний о стране переработан в виде логично структурированного учебного материала, сочетающего в себе емкие формулировки и беспристрастное изложение информации. Написать просто о сложном — в этом тоже состоит талант авторов, которые, опираясь на значительный объем фактов, свидетельств, воспоминаний, демонстрируют глубокое знание и понимание японских реалий. В то же время книга написана живым языком, она легко читается. Безусловным плюсом является наличие фотографий, которые придают повествованию более жизненный характер, персонифицируя японскую внешнюю политику, показывая ее в лицах.

Данное исследование может быть не только рекомендовано в качестве «настойной книги» для студентов и преподавателей, занимающихся внешней политикой Японии в вузах, но и послужит ценным материалом для всех, кто интересуется этой страной, а также изучает проблематику международных отношений в Азии.

© 2020

*О.А. Добринская,
кандидат исторических наук*

-
1. Панов А.Н., Саркисов К.О., Стрельцов Д.В. История внешней политики Японии 1868–2018 гг. — М.: «Международные отношения», 2019. С. 240.

Юбилей ученого

Юбилей Галины Вениаминовны Куликовой

Галина Вениаминовна Куликова родилась в Москве 13 февраля 1935 г. Ей было 14 лет, когда в Китае победоносно завершилась героическая борьба китайского народа: 1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика, а 2 октября Советский Союз стал первой страной в мире, заявившей о признании первого народного государства в Азии и о готовности установить с ним дипломатические отношения.

Под впечатлением всех этих событий по окончании школы Г.В.Куликова поступила на китайское отделение Московского института востоковедения, после закрытия которого была переведена в Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. В 1958 г. она с отличием окончила его по специальности «международные отношения стран Востока». Во время учебы в институте, в 1956 г., принимала участие в сборе урожая в Кустанайской области, за что была удостоена медали ЦК ВЛКСМ «За освоение целинных и залежных земель». В 1957 г. за работу с китайскими участниками VI московского Фестиваля молодежи и студентов была награждена почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. 29 октября 1957 г. участвовала в учредительном собрании по созданию Общества советско-китайской дружбы. С ноября 1957 г. по май 1958 г. проходила практику в Посольстве СССР в Китае.

После окончания института Галина Вениаминовна была направлена на работу в отдел современного Китая Института китаеведения АН СССР, где в течение двух лет занималась молодежной тематикой, часто работала с китайскими молодежными делегациями и выезжала в КНР в составе делегаций ЦК ВЛКСМ. В марте 1960 г. была приглашена на работу в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) в качестве секретаря Центрального правления Общества советско-китайской дружбы. В 1963 г. переведена в Комитет молодежных организаций СССР на должность ответственного секретаря Комитета, а в марте 1965 г. — вновь приглашена на ра-

боту в ССОД на должность заведующей Отделом социалистических стран Востока, ответственного секретаря Центрального правления Общества советско-китайской дружбы.

Будучи руководителем Отдела, Г.В. Куликова участвовала в организации и проведении массовых кампаний солидарности с борьбой вьетнамского народа против американской агрессии и борьбой корейского народа за вывод американских войск из Южной Кореи, неоднократно выезжала в районы военных действий, участвовала в создании Дома советской дружбы в Улан-Баторе и представительств ССОД в Ханое, Пхеньяне, Пномпене и Вьентьяне.

Однако главным направлением деятельности и в тот период оставалась ее работа в качестве ответственного секретаря Центрального правления Общества советско-китайской дружбы. Эта работа имела особое значение в годы так называемой культурной революции в КНР. Именно тогда Общество советско-китайской дружбы не только не прекратило своей работы, но превратилось в своеобразный центр, объединивший всех, кому было дорого дело дружбы с великим китайским народом.

В декабре 1989 г. Г.В. Куликова была избрана заместителем председателя Центрального правления Общества советско-китайской дружбы и направлена на работу в Посольство СССР в КНР на должность представителя ССОД и ОСКД, советника Посольства СССР (РФ), где проработала до января 2001 г., активно занимаясь развитием советско (российско)-китайских общественных связей.

На VI отчетно-выборной конференции Общества 3 апреля 1998 г. Г.В.Куликова избирается первым заместителем председателя Центрального правления Общества. После возвращения в Москву в 2001 г. с января по апрель 2003 г. Г.В.Куликова — советник Управления стран Азии и Африки ССОД, помощник руководителя Росзарубежцентра — преемника ССОД.

С апреля 2003 г. Г.В.Куликова работает в Институте Дальнего Востока РАН в качестве старшего научного сотрудника, оставаясь одновременно первым заместителем председателя Центрального правления Общества российско-китайской дружбы. Основным направлением ее организационной и исследовательской деятельности является народная дипломатия и ее роль в развитии и расширении общественной базы российско-китайских отношений, а также российско-китайское гуманитарное сотрудничество. Г.В.Куликова принимала активное участие в организации и проведении таких массовых кампаний, как Национальные и Языковые годы, Годы молодежных и туристических обменов, Годы СМИ и межрегионального сотрудничества, а в настоящее время — Годы научно-технического и инновационного сотрудничества. Имеет многочисленные публикации в российских и в китайских периодических изданиях, а также в научных изданиях Института Дальнего Востока РАН; она — автор уникальной монографии «Россия — Китай: народная дипломатия». Г.В.Куликова — ветеран труда, заслуженный работник культуры РФ.

Ее более чем шестидесятилетняя деятельность на поприще народной дипломатии отмечена рядом правительственных и общественных наград от руководителей России, Китая, Социалистической Республики Вьетнам, Монгольской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Лаоса и Камбоджи, в том числе высшей наградой Общества российско-китайской дружбы — памятным знаком «За заслуги в развитии российско-китайских отношений» и высшей наградой Китайского народного общества дружбы с заграницей — званием «Посланец народной дружбы».

В связи с 70-й годовщиной со дня образования КНР **«за неустанные усилия и выдающийся вклад в развитие дружественных отношений по линии общественности между Китаем и Россией и углубление дружбы между китайским и российским народами»** первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы Г.В.Куликова была награждена Орденом Дружбы — высшей государственной наградой КНР, вручаемой иностранным гражданам, который был вручен ей 29 сентября 2019 г. в Пекине, в Доме народных собраний Председателем КНР Си Цзиньпином.

16 декабря 2019 г. члены Ученого Совета ИДВ РАН единогласно приняли решение о присвоении Г.В. Куликовой звания Почетного доктора ИДВ РАН.

Все члены ОРКД, руководство и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячо поздравляют Галину Вениаминовну Куликову с юбилеем и желают ей крепкого здоровья, долголетия и безостановочного продолжения ее многосторонней и эффективной деятельности в интересах укрепления дружбы великих народов России и Китая.

Александр Владимировичу Пиковеру — 60 лет

Известный российский востоковед Александр Владимирович Пиковер старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, родился 11 января 1960 года в деревне Лебяжье Воловского района Тульской области.

В 1977–1978 гг. по окончании средней школы проходил срочную службу в Воздушно-десантных войсках Советской Армии. После увольнения в запас с октября 1980 по июль 1981 года обучался на подготовительном отделении Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова.

В 1991 г. Александр Владимирович окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Преподаватель философии со знанием китайского языка»; а в 1995 г. —

аспирантуру философского факультета МГУ. В период обучения в аспирантуре проходил годичную стажировку в Пекинском университете (КНР). В 1994–1999 гг. работал в коммерческих и консалтинговых организациях Москвы, а с 1999 по 2001 г. — консультантом отдела информационного анализа и планирования Департамента правительственной информации Аппарата правительства Российской Федерации.

В 2001–2002 гг. А.В. Пиковер работал в Институте Дальнего Востока РАН старшим научным сотрудником Центра научной информации. За успешное информационное сопровождение XIV конференции Европейской ассоциации китаеведения был удостоен благодарности руководства Института и Ассоциации. С 2002 по 2006 г. находился в длительной зарубежной командировке в Китае в качестве эксперта Торгпредства РФ в КНР, где активно участвовал в информационном обеспечении его работы, в изучении и продвижении российско-китайских торгово-экономических отношений, в том числе в информационной отрасли. По завершении командировки с 2006 по 2007 г. работал в издававшемся под эгидой Минэкономразвития РФ журнале *Russian Export Today*. В 2007 г. возвратился ИДВ РАН, где длительное время возглавлял Отдел информационных технологий, а в настоящее время продолжает работать в качестве старшего научного сотрудника Центра социально-экономических исследований Китая.

Александр Владимирович является высококвалифицированным специалистом в области информатизации Китая, имеет серьезную теоретическую подготовку и большой опыт научно-исследовательской и экспертной работы, свободно владеет китайским язы-

ком, перевел целый ряд научных, художественных и публицистических материалов, включая популярную в Китае книгу «Именем народа».

Основная тема его исследований — различные аспекты процесса информатизации общества и экономики, интеграция процесса информатизации с развитием социально-экономической сферы КНР, цифровая экономика. А.В. Пиковер является автором 20 научных трудов по проблемам информатизации современного Китая, активным участником российских и международных конференций по китайской тематике, автором журнала «Проблемы Дальнего Востока» и ряда других российских научных изданий.

Работу Александра Владимировича отличает системный подход к исследуемым проблемам, использование и глубокий научный анализ оригинальных китайских источников. Высокий научный авторитет в исследуемой области в соединении с общительностью и готовностью поделиться с коллегами своими глубокими знаниями по Китаю принесли ему заслуженный авторитет в коллективе Центра.

За добросовестное и плодотворное участие в научно-организационных мероприятиях ИДВ РАН А.В. Пиковер неоднократно поощрялся руководством Института.

Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Александра Владимировича с юбилеем и желают ему доброго здоровья и новых успехов на научном поприще.

Игорь Владимирович Ушаков

16 января 2020 года перестало биться сердце нашего товарища и коллеги Игоря Владимировича Ушакова. Тяжелая болезнь вырвала его из наших рядов.

Игорь Владимирович родился 22 апреля 1951 года в Москве. В 1973 году окончил географический факультет МГУ по специальности «Экономическая география зарубежных стран». Так случилось, что страной изучения стал Китай, с которым он связал впоследствии всю свою жизнь. До прихода в 1986 года в Институт Дальнего Востока Академии наук СССР И.В. Ушакову довелось поработать в ЦСУ СССР, а затем в Агентстве печати новости. Все, чему он там научился, пригодилось в научной работе: коллегам Игоря Владимировича были хорошо известны его добротный стиль изложения и качественная подготовка материала (в том числе благодаря работе с оригинальными китайскими источниками), безупречное редактирование текстов других авторов.

В ИДВ определилось основное направление научных интересов И.В. Ушакова — экологические проблемы Китая. Благодаря его усилиям советской научной общественности удалось познакомиться с первой в КНР фундаментальной работой на эту тему известного экономиста Сюй Дисиня, которую Игорь Владимирович прокомментировал, переведя на русский язык. Кроме того, на протяжении ряда лет он являлся ответственным секретарем одного из ключевых изданий ИДВ — ежегодника «КНР: политика, экономика, культура».

Другой сферой интересов И. В. Ушакова всегда оставались книги. Научную работу он дополнил издательской деятельностью и в 1998 году стал Главным редактором Издательства «Мысль» — одного из крупнейших социально-экономических издательств России. Этот период тоже оказался весьма плодотворным: под руководством и при активном участии И.В. Ушакова были изданы труды известных русских ученых Ф.И. Успенского, А.Ф. Лосева, В.О.Ключевского, А.Л. Чижевского, труды классиков русской и зарубежной мысли: Цицерона, Спинозы, Аристотеля, Г.Р. Державина, Эразма Роттердамского, Макиавелли. В серии «Философское наследие» были изданы и фактически введены в научный оборот древнекитайские тексты «Люйши чуньцю» и «Хуайнаньцзы». В 2004 году в «Мысли» вышла книга И.В. Ушакова «Китай. Экономико-географический очерк», написанная в соавторстве с известным российским китаистом Г.А. Ганшиным. Так что и в годы работы в издательстве Игорь Владимирович не терял связи с Китаем. В 2006 году он возвратился на работу в ИДВ РАН и вскоре возглавил Отдел научных изданий. В 2008 выпустил монографию «Экологический лабиринт. Социально-экономические аспекты природопользования в Китае». В 2010 году блестяще защитил кандидатскую диссертацию на ту же тему. Будучи ведущим научным сотрудником ИДВ, помимо научной деятельности и организации работы в Отделе научных изданий, который он сумел сплотить в творческий коллектив, Игорь Владимирович более 10 лет успешно преподавал в ИСАА МГУ, НИУ «Высшая школа экономики», читал курс лекций по экономике Китая в РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации, руководил подготовкой квалификационных работ студентов и выпускников указанных вузов. Автор научных статей в энциклопедии «История Китая с древнейших времен до начала XXI века», журнале «Проблемы Дальнего Востока», ежегодных научных сборниках ИДВ РАН, он являлся также научным и ответственным редактором многих монографий, изданных в институте. Несмотря на тяжелую болезнь, до последних дней Игорь Владимирович продолжал работу: редактировал книги, готовил авторские статьи, собирал материал для своей новой монографии...

Замечательный профессионал, добрый, чуткий и отзывчивый человек, прекрасный руководитель, талантливый преподаватель, Игорь Владимирович Ушаков пользовался уважением всего коллектива ИДВ РАН. Светлая память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция, профком, коллектив сотрудников ИДВ РАН,
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

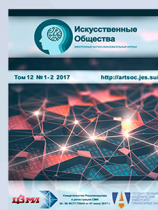
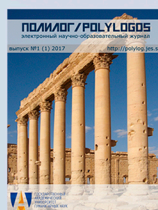
Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).